

Е. Ф. ПИСАРЕВА

О СКРЫТОМ СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

Издательство Духовной Литературы

“Сфера”

Москва 2000

Е. Ф. Писарева

О скрытом смысле жизни. — М.: Издательство Духовной Литературы; Сфера, 2000. — 304 с. — (Серия “Библиотека теософа”).

Книга “О скрытом смысле жизни” знакомит читателя с творчеством одного из руководителей и теоретиков Российского Теософского Общества, основанного в 1908 году, Елены Федоровны Писаревой.

Е. Ф. Писарева принимала активное участие в работе редакции журнала Общества “Вестник Теософии”, в котором из номера в номер публиковались ее литературно-философские эссе, составившие впоследствии ее основной труд “О скрытом смысле жизни”, в значительной степени синтезировавший основы общетеософского мировоззрения.

В основу настоящего сборника легло второе, доработанное и дополненное издание книги.

СОДЕРЖАНИЕ

[От редакции](#)

[Введение](#)

[Часть I. Мировоззрение Востока и Запада](#)

Отношение западного сознания к судьбе человека. Особенности психологии европейской интеллигенции. — Живая связь явлений в мировоззрении Востока. — Оторванность земной жизни от остальной Вселенной в мировоззрении Запада. — Трагизм человеческой жизни, не имеющей прошлого и будущего. — Источник спокойного отношения к жизни и смерти на Востоке. — Западная юдоль скорби. — Восточная арена опыта. — Материализм западной мысли как вторая причина трагизма восприятия психологических проблем на Западе. — Человеческая слепота временна.

[Часть II. Материализм и идеализм](#)

Кажущаяся бездна между миросозерцанием материалиста и идеалиста. — Воззрения Толстого и взгляды редакции “Русских Ведомостей”. — Два полюса сознания: форма и жизнь, средство и цель, мотив и процесс деятельности. — Нарушенное единство сознания. — Теософское объяснение мирового процесса как основанного на одновременной эволюции духа и материи. — Соприкосновение теософии с позитивным мышлением и с задачами религиозного идеализма. — Связующее звено, способное

соединить оба течения современной мысли.

Часть III. Единство человечества

Внутренний смысл исторического процесса. — Внешнее разъединение и внутреннее единство. — Человечество как единый живой организм с единым сознанием. — Работа клеток в человеческом организме. — Сознание клеток и сознание самого человека. — Все народы работают для единой цели. — Гений Греции и Рима растворился в душе всего человечества. — Грех разъединения. — Что вызвало в людях энтузиазм? — Всечеловек Достоевского. — Стремление к вечному и абсолютному у лучших русских людей.

Часть IV. Идеалы Востока и Запада

Рост культурного творчества в связи с общечеловеческими мировыми задачами. — Когда общечеловеческие задачи выполнены, рост останавливается и наступает оскудение. — Необходимость новых путей и новых светочей. — Внешний блеск европейской цивилизации и ее внутреннее варварство. — Красоте внешних форм должна соответствовать красота внутреннего содержания. — Идеалы древней Индии. — Ее сознание единства. — Высокие требования от правителей народа. — Цари-посвященные. — Сетования австралийского министра. — Идея долга у древних народов Востока.

Часть V. Путь Выступления и Путь Возврата

Эволюция есть мост, соединяющий древневосточное и современное европейское миропонимание. — Что говорила древнему человеку дхарма. — Что говорит современному человеку эгоизм. — Путь Выступления. — Человек отождествляет себя с формой. — Возникновение общественной этики. — Эволюционный поток поворачивает назад. — На пути Возврата кончается жажда брать. — Повелительная потребность отдавать. — Каждая отдельная жизнь должна участвовать в общей жизни как ее ответственная часть.

Часть VI. Необходимость внутренней культуры

Для русской души особенно необходима внутренняя культура. — Определение Гейне размера русской души. — Западный европеец сотворил себе “кумира” из собственной культуры. — “Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет”. — Аналогия некультурной России и некультурной русской души. — Необходимость провести богатства русской души через самопознание и контроль воли и осуществить их в жизненном творчестве. — Культура Запада была одновременно и школой народного воспитания. — Необходимость религиозного сознания. — Религиозное сознание не есть церковность, а “ученость” не есть препятствие к религиозному сознанию.

Часть VII. Психология русской души

Историческое прошлое русского народа. — Антитеза между духом и земными формами его жизни. — Отсутствие органической культуры у народов западной Европы. — Историческая школа самоотречения русского народа, — Евангельский богатый юноша. — Миссия русского народа. — Психологические черты: глубокий демократизм, жажда царства Божия на земле, стремление к общему и абсолютному. — Проторенные пути. — Новый путь требует религиозного сознания. — Религиозное сознание вызывает настроение, враждебное эгоизму. — Человеческое сознание описало полный круг и готово вернуться к исходной точке.

Часть VIII. Стрaдание

Глубокий разрыв в сознании современной интеллигенции. — Страдальческая острота этого разрыва у Достоевского. — Неизбежен ли такой разрыв? — Спокойствие и ясность цельного мирозерцания. — Причины бунта и тоски у современной интеллигенции. — Ужас “ненужного страдания”. — Источник страдания. — Незыблемость законов духа. — Опыт, благодаря которому душа растет. — Мысль Ивана Карамазова воспринимает обрывок явления, без прошлого и без будущего. — Не отмщение ожидает мучителя, а нерушимый закон справедливости. — Все поводы к страданию упразднятся, когда победивший человек достигнет высшей цели своей эволюции — преображения в образ и подобие Божее.

Часть IX. Вибрации мысли

Ни одна мысль не пропадает бесследно. — Чистые мысли и чувства создают светлые эпохи. — Вялые, эгоистические и нечистые мысли и чувства создают эпохи упадка. — Древняя Мудрость вводит нас в таинственную лабораторию духа. — Как создается общественное мнение. — Ответственность за невидимую работу мысли. — Родственность вибраций у посылающего и воспринимающего мысли. — Как защитить себя от несущихся на нас со всех сторон вибраций чужих мыслей. — Значение общения с благородными людьми и благородными книгами. — Воздействие дурной книги.

Часть X. Значение земной жизни для эволюции человека

Можно ли назвать жизнь сном? — Как на это ответят человек практической жизни, философ и мистик. — Как отвечает на этот вопрос теософ. — Загадка человека разрешается учением о многочисленных существованиях на земле. — Значение земных переживаний для роста души. — В каждой отдельной жизни проявляется лишь часть сознания человеческой индивидуальности. — Деятельное выполнение всех задач земной жизни и до конца исполненный долг вызывают внутренний рост человека.

Часть XI. Влияние космических вибраций

Ходячие предрассудки. — “Бездушная, жестокая природа”. — Рассуждения кровавого шарика о жестокости человека. — Лекция профессора Докучаева о том, что жизнь почвы основана не на “борьбе за существование”, а на любви. — Жизнь в куче навоза. — Наука, изучающая магнетические токи, излучаемые человеческим организмом. — Невидимая работа праны в человеческом теле. — Аура здоровья. — Воздействие космических излучений на ауру здоровья. — “Лечебница природой” Рикли в южных Альпах. — Воспитание детей среди здоровых вибраций природы. — Психофизические эманации больших городов.

Часть XII. Круговорот жизни

“Идеализм как физиологический фактор” профессора Яроцкого. — Связь физического здоровья человека с его стремлением к идеалу. — Человеческая эволюция протекает в трех мирах: физическом, эмоциональном (астральном) и духовном. — Значение нравственности в жизни народов. — Скрытый источник народных бедствий. — Народная карма. — Разумная деятельность руководящих классов гасит злую карму народа и создает благоприятные условия для его успешного развития. — Будущность за сильными, уравновешенными и победившими свою низшую природу.

Часть XIII. Эволюция человека

Физические проводники человека создавались как следствие его усилия познать жизнь вне себя. — Личность и индивидуальность. — Индивидуальное начало выражается самосознанием и творчеством. — Опыт животного обогащает общую душу целого вида, опыт человека обогащает индивидуальную душу. — У животного высшее начало личное, у человека оно низшее. — Личное начало в человеке стремится к самоутверждению и обособленности, высшее — к самопознанию и единению. — Современный как человек существо не законченное и подлежащее постоянным переменам. — Прошлое человека необозримо и будущее его также не имеет пределов.

Часть XIV. Совершенствуется ли нравственность?

Процесс жизни ведет к постепенному раскрытию сознания. — Ступени эволюции. — Переходная эпоха производит впечатление регресса. — Процесс приспособления требует много сил. — Равновесие расшатывается, психология усложняется. В низших царствах природы на переходных ступенях замечается такой же видимый регресс. Русский народ приспособляется к новым условиям жизни. — Притяжение крестьянской молодежи в города. — Явление декадентства. — Нервность современных детей.

Часть XV. Внутренний смысл разделения людей на сословия

Вопрос об общественном неравенстве разрешается учениями древней Мудрости. — “Идеалистический монизм”. — Вселенная как единство, в котором каждая отдельная часть выполняет свою собственную задачу. — Для совершенства Вселенной требуется не однообразие, а разнородность составных частей. — Касты древней Индии были основаны на знании процессов внутренней эволюции человека. — Дхарма. — Закон причинности. — Три элемента внутри человека: животное — человек — Бог. — Организм усложняется постепенно. — Опасность утонченных условий культурной жизни для организма крестьянина. — Долг высших сословий относительно низших.

Часть XVI. Отношение к животным

Международный конгресс “друзей животных”. — Животные не грешат, потому что не сознают, что убивать дурно. — Люди сознают это и потому грешат, убивая животных. — Мясоедение усиливает животные страсти и вызывает склонность к алкоголизму. — Связь мясоедения с болезнями. — Вивисекция. — Отношение убитых к убивающим в потусторонних мирах. — Вибрации страха и ненависти. — Связь этих вибраций со страхом смерти. — Убийство животных для питания со временем будет так же невозможно, как и людоедство. — Сознание единства жизни принесет человеку и физическое здоровье, и внутреннюю гармонию.

Часть XVII. Болезни

События 1911 года на Дальнем Востоке как трагическая иллюстрация к учению теософии. — Ясновидение у умирающих. — Поля сражения отделяют от себя невидимые тучи, заряженные ужасом и отчаянием. — Куда деваются эти тучи? — На земле зарождаются причины всего совершающегося, в потустороннем мире созревают последствия этих причин. — Круговорот жизни. — Зараза физическая. — Зараза нравственная. — Борьба с физической заразой. — Борьба с заразой нравственной. — Возможность создания очага силы, влияние которой поднимет все человечество.

Часть XVIII. Аскетизм

Разные виды аскетизма. — Церковный взгляд на аскетизм. — Материалистический взгляд. — “Непрестанная брань”. — Бесплодность усилия уничтожить низшую природу. — Бессилие не в человеке, а в способе борьбы. — Наши страсти подлежат не уничтожению, а преобразению. — Внизу эгоистические страсти, вверху — сверхлические страсти. — Победители все прощают, человеконенавистники не прощают, потому что не смогли победить своих страстей. — Половая страсть. — Страстная любовь к идеалу.

Часть XIX. Аскетизм монаха и аскетизм оккультиста

Борьба монаха отразится в будущем воплощении возросшей волей. — Трудность отвыкания от установившихся привычек. — Строгая дисциплина жизни развивает ценный ритм в организме. — Внутренняя собранность. — Необходимость аскетизма для оккультиста. — Очищение тела, мыслей и чувств. — Тело должно стать послушным орудием духа. — Одинаково неправильно неделание ради усмирения своей плоти и чрезмерное делание ради удовлетворения ее. — Гонения на плоть и ее обожествление должны быть одинаково чужды духовному человеку. — Необходимость уединения для подвижников.

Часть XX. Аскетизм йога

Царственная йога ведет к сверхчеловечеству. — Тревожные искания нашего времени. — В ответ на эти искания возрастают забытые сокровища древней Мудрости. — Возрождение древнего Востока послужит могучим толчком для нашего духовного роста. — Задача древней Индии. — Творчество внутреннее. — Могучая власть йога над самим собой. — Встреча йога с героями Пшибышевского или Соллогуба и Арцыбашева. — Внимание йога устремлено на целое, а не на части, на вечное и прекрасное, а не на временное и несовершенное. — Йог борется и побеждает не для себя одного.

Часть XXI. Радость

Радость есть отражение жизни Бога. — Радость маленького ребенка и святого. — Три признака, отмечающие дитя и святого. — Сложность жизни гасит радость. — Сложность жизни нужна, пока человек растет. — Временные гасители радости: темнота, озлобление, предрассудки. — Вся жизнь есть неустанное достижение в восходящем порядке. — Совершенная красота дает совершенную радость. — Радость духовная. — Радость сверхлическая. — Опыт переживания радости и религиозное сознание находятся в непосредственной связи.

Часть XXII. Красота

Таинственные слова Евангелия. — Представление о человеке как о сосуде греха. — Патетическое настроение христианского мира. — Исполнится ли обещанное Христом? — Новая мировая задача: раскрытие тайны человека. — Воздействие искусства на высшую природу человека. — Лекция-концерт Шора. — Ритмическая гимнастика Далькроза. — Цветозвуки А.В.Унковской. — Новая эра выразится в вере в красоту человека, в беспредельные возможности его эволюции и в божественные свойства его духа.

Часть XXIII. Труд

Доклад А.Л.Погосской о ручном труде. — Созданный ею в Лондоне Международный союз ручного Труда. — Труд носит в себе все элементы красоты, когда производится с

любовью. — Красота труда нарушилась тогда, когда человек впервые взвалил свой труд на чужие плечи. — Современный идеал труда: как можно меньше трудиться и как можно больше получать за свой труд. — Ненормальность такого положения для здоровья и нравственности человека. — Свободным можно назвать лишь тот труд, который делается с любовью и совершенно независимо от прибыли, которую он принесет своему творцу.

Часть XXIV. Характер труда в будущем

Слабые стороны развивающегося человека возведены в закон его природы, а несовершенство его учреждений — в железный закон необходимости. — Учреждения созданы людьми, люди же и заменяют их новыми. — Труд раба, продажный труд, труд будущего. — Смешение богатства с эксплуатацией. — Значение труда для настроения человека. Человеческие отношения могут измениться коренным образом только когда изменится мотив человеческого труда. — Ответственность интеллигенции. — Эгоизм подрывается сознанием единства. — Современные кооперации. — Гамбургское товарищество “Продукцион”. — Мотивы труда должны быть бескорыстны.

Часть XXV. Самоубийство

Две стороны теософских учений. — Высшие измерения Вселенной. — Нашему сознанию становится тесно пребывание лишь физическом плане. — Умственный гипноз. — Жизнь есть неустанное достижение в восходящем порядке. — Необходимость обосновывать нашу веру в Бога на разумных началах. — Мораль религиозного сознания требует нравственной культуры всего человека: его мыслей, эмоций, желаний и поступков. — Чувство единства со всем живым разрушает сложное представление об одиночестве человека. — Чем мы обязаны своему народу и своей семье. — Виноват ли человек в том, что родился на свет? — Чем труднее условия жизни, тем необходимее оставаться на своем посту. — За какими людьми будущность?

Часть XXVI. Любовь между мужчиной и женщиной

Причины обесценивания жизни. — Плоскость сознания. Отношение материалиста к любви. — Сверхфизическая сторона любви. — Причина отвращения к жизни. — Является ли продолжение человеческого рода единственной целью половой любви? — Книга П. Д. Успенского “Tertium Organum”. — Анализ полового чувства и любви. — Куда уходит огромный избыток силы, влекущий мужчину и женщину друг к другу, который вложен в человечество в гораздо большем размере, чем это нужно для продолжения рода? — Эпохи расцвета искусства и эпохи упадка. — Почему влюбленный хорошеет? — Клевета на человека. — Человек не может грешить против закона своей души без стыда и без недовольства собою.

Часть XXVII. Человек — малая Вселенная

Тайна внутреннего мира человека. — Позитивная наука и религия не дают ее разгадки. — Задачи истинной антропологии. — “Смысл творчества” Бердяева. — Человек — микрокосм. —

Ключи к тайне человека в эзотеризме религии. — В древности эти ключи давались только “посвященным”. — В наше время расшифровку эзотеризма религий и оккультной философии ясновидцев можно найти в трудах современных теософов. — Ограниченность европейского религиозного сознания. — Современный человек как явление переходное. — Индивидуальность и личность. — Новое духовное творчество.

Часть XXVIII. Исторический процесс

Драма человеческой жизни. — Исторический процесс выражает собой отношение человека к человеку. — Человек, знающий План эволюции, не может бунтовать против Источника жизни. — В знании Плана таится ключ к разрешению всех жизненных проблем. — Обособленность и единство жизни. — Физические законы и законы духа не совпадают. — “Борьба за существование” — закон зверей, самопожертвование — закон человеческий. — Необходимость нового метода исторического исследования.

Часть XXIX. Новый Завет: ответственность за наши мысли и чувства

Расширение сознания. — “Великая Иллюзия” Нормана Энджелса. — Живая ткань, соединяющая народы в единое целое. — Экономическая система современных народов. — Новый Завет жизни. — Забота о здоровье народной души. — Духовная задача нашего времени.

Часть XXX. “Вихрь Бытия”

“Все преходящее есть только символ”. — Реальное создается на высших планах. — Невидимая борьба светлых и темных сил. — “Вихрь Бытия”. — “Скачок на другой берег”. — Новое сознание. — Необходимость энтузиазма для строительства новой жизни.

Часть XXXI. Русская революция

Русская революция — пролог к новой мировой эре. — Значение внутреннего строя человека. — Праздник революции. — Светлое настроение требует светлой деятельности. — Сознание единства человечества приведет к уничтожению классовой борьбы. — Демократизация жизни. — Жертвенность власти. — Изжитая ступень сознания. — Сознание наступающей эры.

Часть XXXII. Мировая катастрофа

Переход от умирающего прошлого к зарождающемуся будущему. — Пралайя, отделяющая одну Манвантару от другой. — Задача нашей умирающей Манвантары. — Отличительный признак умирающего европейского строя. — “Мораль силы” завершает отжившую эпоху. — Необходимость религиозного сознания для возрождения жизни.

Послесловие

ОТ РЕДАКЦИИ

Вопрос о смысле человеческой и всякой иной жизни, скрытой от людского глаза, несомненно был, и остается для нас первейшим среди вечных вопросов бытия. И человечество напряженно ищет его решения на путях мифа, религии, науки, искусства, философии, то есть на всех доступных нам путях познания объективного внешнего мира природы и субъективного, душевного и духовного мира человека.

За тысячелетия обозримой истории в культурной “копилке” земной цивилизации запечатлена неисчислимая масса наблюдений, размышлений, прозрений, открытий... Но как же объединить все это многоцветие в общую мозаику, дающую связную картину некоего единого знания, которое только и может позволить нам с большей или меньшей степенью уверенности приблизиться к решению загадки сути земной жизни в грандиозной мистрии Вселенной? На какой основе возможен такой синтез, а вернее,

непротиворечивое взаимодействие результатов весьма различных методов познания? Как совместить основной инструмент естествознания — формальную логику — с религиозной верой, а их, в свою очередь, с неудержимым полетом творчества в искусстве и не ограниченной догмами свободой мысли в философии?

Задача может показаться неразрешимой. Однако мы знаем многочисленные примеры выдающихся представителей человеческого рода, успешно совмещавших в своем сознании все эти формально несовместимые вещи.

И потому мы должны признать, что человеческая душа во всем комплексе этого понятия (будь то божественный дар свыше или необычайное свойство высокоорганизованной материи) имеет в своем распоряжении высочайшие надинтеллектуальные возможности широчайшего вмещения и творческого освоения полезной информации самой различной природы. Так может быть, именно здесь, в высших сферах внутреннего космоса души и духа, и возможно формирование Единого Знания о мире, человеке и его жизни? Может быть, не случайно столь многие творцы и исследователи искусства и науки обращались и продолжают обращаться к таинственным проблемам мистического опыта “измененных” состояний сознания в сосредоточении, молитве и медитации?

А ведь здесь религиозно-монашескими, оккультно-мистическими, а теперь и многими психологическими школами накоплен огромный материал! Еще не востребованный в должной мере широкими кругами научной и творческой интеллигенции, он нуждается в более масштабном осмыслении и введении в культурный оборот нашей цивилизации.

Одним из ярчайших представителей культурной мысли человечества, громко и четко поставивших этот вопрос еще в XIX столетии, была основательница международного Теософского Общества и движения в целом, автор таких фундаментальных трудов, как “Разоблаченная Изида” и “Тайная Доктрина”, Елена Петровна Блаватская. Начатое ею движение и в обществе, и в сфере научно-культурной мысли стремительно распространилось по всему миру. Его прямое, и еще больше опосредованное, влияние на интеллектуально-духовную сферу европейской цивилизации заслуживает самостоятельного исследования.

На родину Блаватской, в Россию, ее идейное наследие пришло по-настоящему лишь с созданием в 1908 году Российского Теософского Общества, одним из руководителей и теоретиков которого стала Елена Федоровна Писарева. У себя в Калуге она создала и возглавила Калужское отделение РТО, а также (благодаря средствам мужа) издательство и типографию “Лотос”. До 1917 года ею переведена на русский язык и опубликована львиная доля теософских изданий в России за тот период, в том числе такие классические трактаты по духовной практике и главным теоретическим основам эзотеризма, как “Голос Безмолвия” (публикация и комментарии на английском языке Е. П. Блаватской) и “Свет на Пути” (публикация и комментарии на английском языке М. Коллинз).

Став главной сподвижницей и правой рукой административного и духовного лидера РТО А. А. Каменской, Е. Ф. Писарева приняла активное участие в работе редакции журнала Общества “Вестник Теософии”. Было бы чрезмерной натяжкой говорить о какой бы то ни было выдающейся роли этого журнала в русской культурной жизни начала века, но тем не менее это вполне заметная роль. На его страницах впервые увидели свет некоторые произведения П. Д. Успенского и М. А. Волошина, переводы Р. Тагора, Р. Штайнера и Д. Кришнамурти, упанишад и орфических гимнов и другие. Журнал постоянно выписывали А. Н. Скрябин и Н. К. Рерих, и он был для них настольным чтением. Именно здесь из

номера в номер под псевдонимом “Друг читателя” выходили продолжающиеся литературно-философские эссе Е. Ф. Писаревой, составившие впоследствии ее основной труд “О скрытом смысле жизни”, в значительной степени синтезировавший основы общетеософского мировоззрения. Эта книга была по достоинству оценена таким деятелем русской духовно-мистической философии, как “матерь агни-йоги” Елена Ивановна Рерих, которая считала Елену Федоровну наиболее выдающимся из духовных лидеров РТО. Второе, доработанное и дополненное издание книги увидело свет уже в Европе, куда после революции в России автор была вынуждена удалиться вместе с А. А. Каменской, чтобы продолжить деятельность РТО в эмиграции. Это издание и легло в основу настоящего сборника.

Как когда-то читателям Е. Ф. Писаревой не было известно, кто такой “Друг читателя” и Е.П., так и сегодня, к сожалению, нам мало знакома биография этой замечательной женщины. Неизвестны даже точные даты ее жизни. Но ее книги, будучи памятниками душевного и духовного поиска, которым она столь открыто и красиво поделилась с людьми, продолжают увлекать читателей наших дней. И может быть, это и есть самый главный след, который может оставить на земле жизнь человека, прожитая не зря.

Д. Н. Попов

ВВЕДЕНИЕ

Собранные в этой книге “Письма к читателям” печатались за подписью “Друг читателя” в течение нескольких лет в “Вестнике теософии”. Мы решились выпустить их отдельной книгой ввиду того, что в них вылилось цельное мирозерцание, способное помочь тем ищущим, для которых раскрытие смысла жизни является насущной потребностью.

Древняя Мудрость говорит, что человек — “создание своей мысли”, и это глубоко верно. Пессимист и оптимист, идеалист и материалист — совершенно разные существа: один относится к жизни отрицательно, а другой любит и ценит ее, один видит в ней высший смысл, другой не признает такого смысла, и в результате они отражают две совершенно разные психологии и совершенно различные ценности жизни.

Это — внутри нашего европейского общества; если же взять вопрос шире и сравнить мирозерцание обоих полушарий — Востока и Запада, то разница выйдет еще поразительнее. А между тем истина должна быть одна для всего человечества. И то, что люди подходят к ней с таких противоположных сторон и видят ее в таких различных аспектах, ясно говорит, что по-разному думающие видят только одну ее грань.

Понять это и, не закрывая своего сознания от остальных граней истины, извлечь из всей сокровищницы человеческой мысли наиболее ценное и построить из этого наиболее ценного такое мирозерцание, которое удовлетворяло бы всем сторонам сложного человека, — эта задача стоит на первой очереди в наше время.

Раздробившееся на множество противоречивых понятий, запутавшееся в научных и партийных предрассудках, утерявшее смысл жизни, наше сознание требует водворения единства и гармонии между мыслью, чувством и деятельностью человека.

Для того чтобы ответить на эту потребность, и появилось учение теософии в ее современном виде. Одинаково признавая необходимость науки, изучающей формы жизни, религии, отвечающей на духовные вопросы человека, и искусства, объединяющего обе стороны жизни, теософия подходит к раскрытию смысла жизни со

всех сторон; она пользуется опытом всего человечества на протяжении всей его эволюции и стремится объединить его религиозное, научное и художественное сознание в единое внутренне спаянное миропонимание. “Письма к русским читателям” есть попытка познакомить их с тем, как теософия отвечает на различные проблемы жизни. Но письма эти не имеют своей целью изложение учения теософии; предполагается, что читатель знаком с ее основными положениями. Для тех, кто не знаком с ними, упомянем, что учение теософии опирается на закон эволюции, но не в западноевропейском одностороннем смысле, а в применении этого закона к обоим полюсам мировой жизни — как к видимым материальным формам, так и к невидимому внутреннему содержанию.

Источником всей проявленной жизни теософия признает Высший Разум, а целью эволюции — развитие всех заложенных в человеке скрытых возможностей до божественного совершенства.

По отношению к текущей жизни теософское миропонимание ведет к деятельному идеализму и вызывает в человеке настроение бодрое, светлое и полное активности.

Появляясь в отдельной книге, “Письма к читателям” подверглись неизбежной перестановке, местами сокращению, а местами дополнению, так как они возникали без предварительного плана, в ответ на то или другое явление, которое останавливало на себе внимание автора писем.

1913

Е. Писарева

Посвящается памяти Анны Павловны Философовой

Часть I. Мироззрение Востока и Запада

У Эмерсона есть интересная страница, которая может служить яркой иллюстрацией для религиозного мироззрения Запада. В ненастную осеннюю ночь в древнем замке собралось несколько рыцарей вокруг пылающего камина. Они тихо беседуют о бессмертии души. Внезапно в зал влетает птичка и, сделав несколько кругов в освещенном пространстве, снова улетает в темноту ночи. Для присутствующих птичка эта явилась живым символом таинственной загадки жизни. Откуда появилась она? Куда улетела?

Религиозная мысль Запада не отвечает на эти вопросы. Ей известны условия человеческого существования лишь в тесных пределах земного мира. Все остальное для нее — неразгаданная тайна. Оттого у нас на Западе столько духовного смятения, такое мучительное недоумение перед загадками жизни и посмертной судьбы человека.

Совершенно иное отношение к жизни у религиозного мыслителя Востока: для него судьба птички вне освещенного зала не тайна. Он имеет понятие о прошлом, а также знает и то, что, покинув освещенное пространство, она не погибнет во мраке и, дождавшись зари, с новыми силами и с ликующей песней полетит навстречу восходящему светилу.

Если вникнуть в этот символ, мы увидим в нем одну из причин тяжелых особенностей современной европейской психологии. Для восточного сознания Земля и ее жизнь представляет лишь одну из переходных ступеней в цепи миров, видимых и невидимых; точно так же и каждое отдельное земное воплощение человека — лишь один из

многочисленных эпизодов его жизни, имеющей корни в вечности и перспективу безграничного развития в будущем.

В сознании древнего Востока сохранялась живая связь, соединяющая всю мировую жизнь в одно великое целое, в единую живую цепь явлений, где каждое звено соединено с другими звеньями и весь смысл жизни держится лишь на этом единстве.

Не то на Западе. Там всякая связь Земли с остальной Вселенной оборвана для сознания. Вся Вселенная тонет во мраке неизведанности, и только одна земля ярко освещена и на нее одну устремлено все внимание и весь интерес души. Вследствие этого нарушены все пропорции, утеряны все соотношения, вроде того, как если бы мы выдумали смотреть на одну точку большого живого организма, ярко освещенную электрическим светом, в то время как все остальное остается в полной темноте.

Европейское мирозерцание, рассматривающее каждую человеческую жизнь как нечто отдельное и завершенное, не связанное с прошлым, имеющее проблематическое будущее или совсем не имеющее его, вращается в замкнутом круге, где мысль разбивается в бесплодных усилиях уловить цель такого существования. Отсюда трагическое недовольство наблюдателя. Перед ним только обрывок великой мировой драмы, лишь один эпизод из вечной жизни души; не признавая ничего, кроме этого обрывка, он его кристаллизует в нечто неподвижное и законченное, носящее на себе все признаки ненужности и произвола. Чтобы понять смысл этого обрывка, необходимо связать его с предыдущим и последующим, а это невозможно, когда временное явление развивающегося процесса жизни превращается в законченную величину.

Благодаря полной оторванности земной жизни от остального мира, а также незнанию того, какого рода взаимодействие существует между видимым полем наблюдения и его невидимыми продолжениями в прошлое и будущее, и происходит трагическая острота, с которой европейские мыслители и художники, особенно русские, ставят свои вопросы, относящиеся к земной жизни человека.

Подобной остроты не может быть там, где все личные переживания отдельного человека признаются не случайностью, а естественными последствиями причин, которые тот же самый человек посеял в своих прошлых существованиях. Твердая вера древнего Востока в многочисленные существования человека на земле, уверенность в том, что в одном воплощении человек своими мыслями, чувствами и поступками порождает ряд причин, которые в последующем воплощении того же человека проявляются в виде естественных последствий (закон причинности, или карма), — такая вера создает совершенно иное настроение и заставляет смотреть на земную жизнь не как на юдоль скорби, а как на арену опыта, необходимую для того, чтобы сложная человеческая душа развивалась во всех направлениях, чтобы, извлекая посредством всевозможных соприкосновений с объективным миром все его содержание, она претворяла его в вечные ценности своей бессмертной сути.

Только ради этого и существует объективный мир: как не могла бы осуществиться идея растения, заключенная в семени, если бы последнее было лишено воздействия почвы, влаги и света, точно так же не могли бы проявиться заложенные в душе способности и свойства, если бы на нее не воздействовал земной опыт с его чередующимися страданиями и радостями, нуждой и пресыщением, унижением и величием... И проходит человек через все эти ступени опыта не случайно и не произвольно, а благодаря незыблемым законам духа, столь же неизменным, как и законы материи; и результаты

для души получаются не случайные и произвольные, а соответствующие тем интимным, никому неведомым внутренним движениям души, которые и являются творческим началом, претворяющим все переживаемое человеком в растущую совесть и развивающееся самосознание.

По сокровенным учениям Древней Мудрости, человеческая душа проходит поочередно через все эпохи, расы, культуры и через все общественные положения ради того, чтобы своими собственными усилиями, собственным творчеством развить до полноты все божественные свойства, которые в ней заложены только как возможности.

При таком воззрении судьба единичной личности должна неминуемо потерять всю ту трагическую остроту, которая так резко выступает в устремленном на одну земную жизнь сознании европейца.

Восточная мудрость смотрит на земную жизнь как на школу, в которой человеческая душа переходит из класса в класс, обучаясь до тех пор, пока не усвоит всего, чему земной мир может научить ее. Совершенно иначе смотрит на жизнь религиозная мысль Запада; она видит в ней не школу, а скорее исправительную тюрьму, где страдает греховное тело человека и задыхается его бессмертный дух.

Вторая причина трагизма западной психологии коренится в материализме западной мысли, которая не в силах дать разумного объяснения полному несоответствию между душой человека, вечной по самой своей сути, по задачам и целям своим, и той хрупкой формой, подверженной бесчисленным случайностям, в которую душа облекается на земле.

Кирпич, падающий на голову мечтателя и разбивающий ее; шальная пуля, убивающая в расцвете юности гениального Лермонтова; покачнувшаяся лодка, отнимающая у мира Шелли, — все это вызывает мучительное недоумение как полная несообразность между ценностью содержания и непрочностью формы. Если такую смерть, как гибель Лермонтова и Шелли, понимать как результат бездушного сцепления причин и последствий механического мирового процесса (“жизнь для жизни нам дана”), нельзя не испытать глубокой скорби перед жестокой бессмыслицей подобного сочетания... Невозможно смириться с тем, чтобы эти сверкающие огнем вдохновенные песни, эти титанические стремления к Вечному были неразрывно связаны с мозгом убитого поэта.

А массовые истребления? Целые семьи, даже целые города, в которых столько резвящихся детей, погибают от пожаров, потопов, землетрясений... Везде форма поражается с такой удивительной легкостью, что человеком, отождествляющим ее с внутренним содержанием, овладевает отвращение к жизни, недоумение и страх.

Совершенно иное настроение раскрывается в религиозном мировоззрении Востока. Оно совсем не признает смерти. После телесной смерти сам человек остается даже более живым, нежели был в земной своей оболочке; с него только спадает человеческая одежда из плоти, которая ограничивала его свободу. С последним биением сердца человек сбрасывает эту одежду, временно соединявшую его бессмертную суть с физическим миром, и только.

Жизнь его продолжается в невидимых мирах и лишь на время возвращается в земной мир. Для бессмертной души Лермонтова перевернулась лишь новая страница в вечной книге жизни. И замолк он для XIX века и для России, конечно, не вследствие жестокой случайности, которой в мире, управляемом Божественным Разумом, быть не может. И все

разбитые формы жизни, уничтожаемые поодиночке или целыми массами, как при землетрясениях или других катаклизмах природы, разбиваются не случайно, а вследствие разумных и важных целей, ускользающих от нашего ограниченного сознания.

Но ограниченность эта только временная: настанет час для каждого из нас, когда перед нами, как единый свиток, развернется весь земной цикл человеческого бытия и мы узнаем, почему был убит Лермонтов, почему утонул Шелли, почему целые народы истреблялись землетрясениями и пожарами.

Часть II. Материализм и идеализм

Жизнь едина и непреходяща. Внешние формы, в которые жизнь облекается, разнообразны и подлежат уничтожению, когда цель их достигнута. Цель эта — служить развитию сознания, высшим выражением которого является человеческая совесть.

Теософское понимание жизни и формы.

Почти такая же бездна, какая существует между древним Востоком и современным Западом, раскрывается и между двумя главными течениями европейской мысли. Материалист не понимает идеалиста. Они говорят на разных языках, потому что подходят к явлениям с двух противоположных сторон. И пока это будет продолжаться, до тех пор все их споры ни к чему не приведут.

Такой бесплодный спор попался мне в 284-м номере “Русских Ведомостей” (от 7 декабря 1906 года), где помещена статья Л. Н. Толстого и заметка редакции по поводу этой статьи.

Суть статьи Л. Н. Толстого состоит в том, что все тяжелые переживания европейских народов происходят вследствие отсутствия у них религиозного сознания. Признав религию совсем ненужной для человека, большинство европейцев осталось без “всякого религиозного объяснения своей жизни и вытекающего из него руководства поведения”. Но в то же время и старый закон насилия одних людей над другими отжил и отвергается сознанием большинства.

Отсюда вся трудность современного положения, и устранить бедствия, от которых стонут современные народы, можно только одним: “самым естественным, самым свойственным человеку и легким делом, даже не делом, только неделанием поступков, противных сознанию”.

Как этого достигнуть? “Жить по закону божескому, а не по закону человеческому... подчиняться одному закону любви, который дает высшее благо... Только осознание людьми в себе высшего духовного начала и вытекающее из него осознание своего истинного человеческого достоинства могут освободить людей от порабощения одних другими. И сознание это уже живет в человечестве и всякую минуту готово проявиться”. Так заканчивает Л. Н. Толстой свою статью.

Заметка редакции составлена в очень хорошем тоне и, несмотря на ее краткость и случайность, она, рядом со статьей Л. Н. Толстого, представляет большой интерес, ярко выражая ту пропасть, которая разделяет представителей двух противоположных полюсов человеческого сознания — материалистического позитивизма и религиозного идеализма.

Когда я прочла статью Л. Н. Толстого и заметку редакции “Русских Ведомостей”, перед моим воображением выступила такая символическая картинка: в доме с двумя большими

окнами, которые выходят на две противоположные стороны, живут два человека; оба умные, наблюдательные и искренние, но каждый из них смотрит круглый год в свое окно и только изредка заходит на короткое время к соседу и в эти минуты бросает взгляд и в его окно. Глядя в противоположные стороны, они и видят разное. Из одного окна видны дали океана и небес и на переднем плане одинокая гора, овеянная свежим воздухом вершин; на горе — храм, и к нему по крутой тропинке поднимаются люди в тихом и серьезном настроении. Глядящий в это окно смотрит на них и на небесные зори или звездное небо, и до него доносятся голоса из Вечности.

Другой жилец видит из своего окна совершенно иную картину: огромную, кипящую шумной жизнью площадь большого промышленного города, на которую выходят всевозможные фасады фабрик и музеев, казарм и тюрем, а на самой площади идет пестрая и сложная суэта; люди спешат, толкаются, маршируют, занимаются торговлей, ссорятся, перегоняют друг друга. От этой пестрой картины в открытое окно доносятся оглушительные шумы экипажей, свистки автомобилей, резкие звуки военной музыки, выкрикивания торгующих, говор толпы, а иногда — крики и стоны задавленных.

Обе картины вызывают совершенно разное настроение в душе того и другого человека, и, когда оба заглядывают изредка в чужое окно, они видят совершенно различно. Один, заглянув в окно соседа на оглушительно-пеструю площадь, удивляется — зачем все это, и находит, что совсем не это важно и нужно для счастья человека. Другой с полным основанием указывает на поразительный “прогресс во всех областях частного быта и политического строя, на развитие наук и искусств, на широкое распространение просвещения, на стремление к поднятию народного благосостояния” и так далее и тому подобное. Но то, что для него составляет суть всего жизненного творчества, для другого — лишь временные явления, не имеющие вечной ценности, а что для этого другого есть главное, для первого — неосуществимая мечта. Один видит разнообразие явлений, другой — единство цели; один смотрит в настоящее и прошедшее, другой — в будущее и вечное; один анализирует, другой обобщает, у одного работает земной разум, у другого — высшее сознание.

А когда оба заговорят, даже на протяжении небольшой беседы, укладывающейся в газетную статью, столько противоположных выводов!

Человек, — по мнению того, кто смотрит на шумную площадь, — есть обобщение, идея, а не реальность; в действительности мы не знаем человека вне известной расы, народности, эпохи, культуры, не знаем духа, который был бы вне плоти, вне условий наследственности и темперамента...

Только одно реально: человек, жизнь человека, — говорит смотрящий в далекие горизонты, — государство есть фикция... Учение Христа открывает человеку такое его назначение и благо, которые не могут изменяться соответственно каким-либо внешним учреждениям...

Общественное учреждение невозможно без борьбы, — говорит один.

Не противься насилию насилием, — говорит другой.

Стремления человека должны быть многообразны и сложны, как сложна сама жизнь, — говорит первый.

Всем нужно только одно: жить по закону божескому, а не по закону человеческому, —

говорит второй.

Отсутствие религиозного сознания привело людей христианского мира к тому — несомненно временному — дикому состоянию, в котором они находятся теперь, — говорит первый, заглянув в чужое окно, выходящее на шумную площадь.

Наоборот, именно с конца XVIII века европейское человечество активно выступило на путь осуществления религиозных идеалов и признания человеческого достоинства, что и выразилось в признании прав человека и гражданина, в изменении политического строя и так далее, — говорит другой, не отрываясь от своего окна.

И так беседа могла бы продолжаться бесконечно, а характер ее оставался бы неизменным: собеседники продолжали бы не понимать один другого, потому что их внимание направлено на два противоположных полюса жизни; у одного — на дух, у другого — на форму, у одного — на средства, у другого — на цель, у одного — на мотив деятельности, у другого — на саму деятельность.

Неужели такое непонимание неизбежно? Неужели нельзя соединить два полюса в едином сознании? О том, что это возможно, свидетельствует вся духовная жизнь древнеарийских народов; они не знали нашего раскола сознания, их миропонимание охватывало весь круг жизни: и дух, и форму, и религию, и науку. Но то было детство и ранняя юность человечества, когда подчинение духовному авторитету было неизбежно; когда же юность человечества миновала и пришла пора для самостоятельного миропонимания, тогда явилась необходимость пройти через трудную школу независимого умственного и духовного творчества.

Подчинение авторитету сменилось развитием индивидуальности, яркое личное начало выступило на первый план, освободившееся сознание не могло более удовлетворяться готовыми нравственными аксиомами, и прежнее единство сознания нарушилось.

Произошел временный распад, придавший европейской мысли ее настоящий характер страстно тревожного искания истины и внес грубо эгоистическое направление в ее культуру, не сдерживаемую высшим авторитетом религиозного сознания.

Но это — явление временное. Когда человечество достигнет совершенной зрелости, сознание его опишет полный круг и неизбежно вернется к той же целостности и единству, которыми оно владело на заре своего развития.

Но тогда это уже будет плод свободного творчества, добровольного подчинения свободно осознанной духовной истине. И есть уже знамения, что время такого возврата наступает. Одно из таких знамений — появление в мире теософии, учение которой обнимает оба полюса сознания, примиряя их и выясняя их взаимное отношение.

В основе теософского объяснения мирового процесса лежит учение об эволюции духа и материи, или жизни и формы, совершающейся по спирали, которая при каждом обороте поднимается на высшую ступень жизни, с более широким охватом сознания. Владея одновременно и религиозной точкой зрения, и научной, теософия соприкасается и с позитивным мышлением, и с задачами идеализма. В понимании целей мирового процесса теософия подходит близко к мировоззрению Льва Николаевича, который видит эту цель во внутреннем совершенствовании, в раскрытии божественных свойств человеческой души. Но на путях этого процесса она подходит и к воззрениям позитивиста, ибо для проявления растущего духа должны возникать и новые, все более совершенные

формы, а это требует земного творчества. И поэтому вся человеческая культура, во всех ее многообразных проявлениях, есть необходимое условие для внутреннего роста человека.

И если нельзя не согласиться с праведным гневом Льва Николаевича, направленным на темные стороны современной культуры, то не нужно забывать и того, что зло вовсе не в формах культуры, а в том душевном настроении людей, которое делает из человеческого творчества не служение благу и красоте, а служение своему личному эгоизму и жадности, которые превращают человеческое существо из средства в цель жизни, из подчиненного орудия духа — в полновластного властелина жизни.

Возьмем железные дороги и телеграфы. Они могут служить развращенной праздности и возрастанию ненужной роскоши, но ведь они же могут служить и единению людей, то есть тому, что, с точки зрения Льва Николаевича, есть наиболее ценное явление человеческой жизни.

То же самое относится и ко всем областям современной культуры: пока она служит общему развитию и единению, она — благо, когда же она начинает служить эгоизму и разъединению, она — зло. И борьба с этим злом должна быть нацелена не против самой культуры, а против настроения людей, против направления, которое они дают ей. Самое же творчество должно неизбежно становиться все интенсивнее и разностороннее, иначе оно не будет в состоянии служить выразителем растущего духа и расширяющегося сознания.

Сложные и разнообразные линии человеческого творчества можно сравнить с извилинами мозга: чем обширнее становится поверхность нервного вещества, соприкасающегося с вибрациями мысли, тем совершеннее становится орудие сознания. Но будет ли это совершенное орудие создавать чистые и прекрасные мысли или строить злые козни — это зависит не от орудия мысли, а от настроения самого мыслителя. И из того, что мыслитель может быть дурно настроен, вовсе не следует, что орудие мысли должно оставаться на несовершенной ступени.

То же и с культурой. Когда человек поймет, чего так сильно желает Лев Николаевич, что “в нем и во всех людях живет один и тот же вечный дух Божий, и что проявление этого духа одно: любовь”, — тогда и культура перестанет давать повод для проявления распри и зависти, борьбы и насилия и сделается прекрасным проводником духа единства и любви.

Но осуществление этого потребует еще долгого процесса и не может появиться сразу, как того желает Лев Николаевич: “только осознай каждый человек свое человеческое достоинство, только поступай так, как этого требуют сердце и разум каждого человека-христианина, и сразу разрешатся все затруднения и бедствия, от которых страдают измученные люди всего света”.

Не может это случиться сразу, потому что внезапное изменение различных людей, стоящих на разных ступенях опыта, сознания и совести, противоречит самой сути закона эволюции, которая есть постепенный переход от простого к сложному, от несовершенного к совершенному. Ясное сознание меньшинства может сильно ускорить поднятие всех — это несомненно; но подняться со всех различных ступеней всем сразу на одну и ту же высоту — это невозможно.

Возвращаясь к двум противоположным полюсам мышления, которые так ярко выразились в приведенной беседе, попробуем найти связующее звено, которое соединило бы с виду исключаящие одно другое положения.

“Человек есть обобщение, идея, а не реальность”.

Если принять, что весь человек — только продукт среды и наследственности, этот вывод будет верен: отнимая от человека, одно за другим, все отличительные признаки расы, культуры, народности и семьи, мы получим пустое место, фикцию.

Но если мы усомнимся в этом “только” и предположим в основе человека бессмертную душу, развитие которой до божественного совершенства и составляет цель всей земной жизни, а следовательно, и культуры, и государства, и всего, что возникает и погибает на земле, тогда мы подойдем очень близко к выводу Льва Николаевича: “Только одно реально — человек... государство есть фикция”. Если же принять оба вывода как выражение двух сторон одного и того же явления, то есть проявленной жизни, третий вывод, заключающий в себе оба первые, будет приблизительно такой:

“Человек, реальность с непреходящим содержанием, становится таковым только потому, что все преходящие явления земной жизни, как семья, народность, родина, государство, — доставляют ему, рядом с природой, весь тот материал, которым питается и за счет которого растет его бессмертная душа; переходя в вечное содержание человеческой души, все временные явления становятся, в свою очередь, бессмертными не как явления, а как идеи. Одно без другого невозможно, и поэтому если человеческая душа реальна, то и все явления, поскольку они вошли в содержание ее сознания, тоже реальны”.

Возьмем два других положения:

“Общественное служение невозможно без борьбы”, — говорит один.

“Не противься насилию”, — говорит другой. Если мы начнем рассматривать различные ступени человеческого развития, от дикаря до мудреца, мы, несомненно, подойдем и к той ступени, на которой всякая борьба, всякая тень насилия над другим становится злом. На этой ступени жизнь человека преображается: он начинает отвечать на зло добром, на насилие — прощением, и если признает борьбу, то только с собой, со своим собственным несовершенством; для человека, стоящего на этой ступени, наша общественная жизнь, основанная на борьбе, должна несомненно казаться “состоянием дикости”, какою она и будет казаться всем, когда все перейдут на ту же ступень нравственного сознания.

Но рядом с этой ступенью продолжают существовать и такие ступени, на которых люди еще не могут не бороться с несовершенством других; есть и такие ступени, на которых борьба является почти единственным стимулом для деятельности. И пока все эти ступени еще существуют, борьба будет продолжаться, но не следует смотреть на нее как на норму человеческой жизни. Борьба — временное явление, которое с полным возрастом человеческой совести упразднится сама собой, ибо закон жизни — любовь, а не ненависть, единение, а не борьба, и для вполне развитой совести допустима только одна борьба: со своим собственным несовершенством. Это — святая борьба, и она будет длиться до тех пор, пока не исполнится завет Христа, сказавшего людям: “Будьте совершенны, как Отец ваш небесный”.

Тот же анализ приложим и ко всем кажущимся противоречиям приведенной беседы.

Оба собеседника видят разное только потому, что внимание одного устремлено на видимые явления, а другого — на душу этих явлений, и поэтому совершенно естественно, что первый говорит с чувством удовлетворения о “великом прогрессе нашего времени”, а второй — с болью и скорбью о нашем “временном состоянии дикости”.

— И когда они заговаривают о религии, продолжается то же недоразумение: один говорит о видимой церкви, другой — о невидимой, создаваемой в душе человека; один говорит о развитии юридического сознания в блистательном с виду XIX веке, другой говорит об отсутствии в нем религиозного сознания, в чем глубоко прав Лев Николаевич Толстой, потому что “религиозное сознание” есть прежде всего сознание единства с Богом, людьми и природой, а культура нашего века вся построена на разъединении.

Часть III. Единство человечества

Невидимое становится понятным благодаря его аналогии с видимым, и это оттого, что видимое бытие — не что иное, как отражение бытия невидимого.

А. Безант

Человек совершенствуется благодаря учреждениям и привычкам, которые направлены к тому, чтобы сделать благо всех благом каждого.

Профессор Грин

Если к историческому процессу подойти с внешней стороны и рассматривать лишь его видимости, то мы не увидим ничего, кроме непрерывных столкновений и напряженной борьбы. Народы борются между собой из-за первенства, различные классы борются из-за власти и привилегий, за временной победой следует временное затишье, а затем — снова неудовлетворение, и в новых условиях возникают новые искания и новый опыт. И мы видим, как этот деятельный опыт захватывает все более широкие слои: сперва на мировой сцене действующими лицами были короли и первосвященники, затем — сильное дворянство, позднее — буржуазия, а теперь на очереди уже толпа, народ, самое основание человеческой пирамиды.

Глядя извне на исторический процесс, мы не только не видим единства, наоборот, вся эта борьба стремится как бы к разъединению людей и к противопоставлению их интересов. Но это — только видимости. Человечество в сущности — едино; несмотря на все видимое разъединение, оно представляет из себя единый живой организм с единой душой и единым сознанием; и вся работа, совершающаяся внутри этого организма, все его творческие процессы нужны не только для той отдельной части, в которой эти процессы творятся в данное время, но и для жизни целого, которое совокупной деятельностью всего человечества стремится к одной цели и направляется единой волей.

Изучая исторический процесс с его внешней стороны, можно догадываться о значении отдельных эпох, можно даже определить ближайшие причины тех или иных исторических событий, но понять общий смысл и истинное значение всей человеческой судьбы лишь по видимостям так же невозможно, как человеку, не подозревающему о законе причинности (кармы), невозможно объяснить, почему он родился в той или иной семье, почему он беден или богат, умен или глуп, почему совершаются именно эти, а не иные события в его жизни.

Не видя внутренних пружин человеческой эволюции, каждый наблюдатель дает ей различные объяснения, смотря по тому, на какую из сложных сторон направлено его знание и внимание: для историка, занятого более всего политикой государств, наиболее важными моментами будут совсем не те, которые имеют решающее значение для политика-экономиста, иные объяснения будет давать им философ-позитивист, и иначе будет понимать те же события человек религиозного сознания.

И все они будут правы со своей частной точки зрения, но охватить всю связь явлений как нечто целое может только тот, кто осознает человечество как единство, кто видит во всем историческом процессе единый смысл, направляющий поток земной жизни к единой цели.

Оккультист, признающий разлитую во всей Вселенной единую Жизнь, утверждает, что человеческий организм состоит из “бесконечно малых жизней”, строящих его под воздействием созидающей энергии жизнестилы (праны). Группа таких “бесконечно малых жизней” образует ту единицу, которая в науке известна под названием органической клетки; каждая такая клетка является живой сущностью, одушевленной лучом праны; тело ее состоит из молекул, которые ассимилируются и затем выбрасываются, выдыхаются и изгоняются, тогда как центральная сущность клетки, ее душа остается неизменной в этой постоянной смене материи.

Работа клеток в нашем организме, извлечение из крови необходимого им и отбрасывание ненужного представляет собой чисто физическое сознание. Оно осуществляется без всякого участия со стороны нашего человеческого сознания. То, что биологи называют “бессознательной памятью”, есть память именно этой, *чисто физической, сознательности*.

Мы чувствуем не то же самое, что чувствуют клетки. Боль от раны ощущается мозговым сознанием, но сознание клетки ощущает не боль, а потребность как можно скорее восстановить поврежденные ткани, причем это ее действие остается вне сознания нашего мозга; точно так же и клетка не подозревает связи своего творчества с жизнеспособностью всей сложной природы человека.

Смерть физического тела наступает, когда удаление из него жизненной энергии (праны), направлявшей “бесконечно малые жизни”, дает им свободу идти каждой своим путем. Тогда “бесконечно малые жизни”, не связанные более между собой единством цели, рассыпаются, и наступает то, что мы называем разложением. Тело становится круговоротом анархии никем не управляемых “бесконечно малых жизней”, и его форма, бывшая результатом их планомерного соотношения, разрушается.

Если мы сравним отдельного человека, не осознающего своей связи с остальным человечеством, с такой клеткой внутри человеческого организма, мы будем иметь приблизительно верное представление о деятельной роли каждой воплощенной личности по отношению к общечеловеческому творчеству. Своей личной деятельностью люди строят общечеловеческий организм, являясь то мускульными, то жировыми клетками, то нервными и мозговыми, сообразно с характером своей деятельности.

Продолжая аналогию, можно найти внутри нашего организма примеры всевозможных явлений, творящихся и на мировой сцене. Например, внутри нашего тела совершаются такие же братоубийственные войны, как и среди различных народов: армия одних бактерий, имеющих тенденцию разрушать человеческий организм, набрасывается на другие, которые защищают его неприкосновенность, и между ними разыгрываются ожесточенные битвы, напоминающие франко-прусскую кампанию. Обе микроскопические рати имеют свое собственное сознание, не поднимающееся до сознания самого человека, в недрах которого происходит эта борьба, и все же они работают в нем и для него¹, хотя и не подозревают об этом.

И нетрудно представить себе, до чего поднялось бы сознание этих микробов, как

беспредельно расширились бы их горизонты, если бы они в один прекрасный день узнали, что они являются живыми звеньями в цепи глубоко важных явлений, участниками в созидаании жилища бессмертного человеческого духа.

Такой же подъем и расширение сознания совершится неизбежно в умах тех личностей, которые уверены, что действуют за свой счет, когда их озарит сознание, что их работа и опыт необходимы для всего человечества.

Посмотрите с этой новой точки зрения на задачи, осуществляемые различными народами, одними — неудачно, другими — посредственно, а иными — в совершенстве. В последнем случае становится уже совершенно ясным, что народ работал не для себя одного, а для всего человечества.

Возьмем хотя бы задачу Древней Греции — провести через сознание гармоническую красоту форм, на ее миссию — заставить “облик бессмертия провидеть в смертных чертах”.

Кто был в современной Греции, тот видел, как далеко отлетел от нее светлый гений древней Эллады, какая глубоко прозаическая жизнь ежечасной борьбы из-за куска хлеба и всевозможных ухищрений торгашества водворилась на развалинах древних святилищ, где юное человечество в дерзко-смелой отваге бросало вызов богам и упивалось титанической борьбой с Олимпом. Та же рама, те же бледно-лиловые холмы как бы тают в яркой синеве Эгейского моря, так же пламенно дышит юное небо в прорезях одухотворенных колонн Акрополя, так же нежно “разливается на мраморе юным румянцем заря”...

Но где светлый дух героической Эллады? Где ее орфические гимны, которым сама природа внимала, затаив дыхание, где властительная тайна ее мистерий? Где ее гений?

Его нет в Греции, он растворился в душе всего человечества, он вызвал к жизни век Возрождения, он воплотился в живописи и скульптуре, он вдохновлял благороднейшие умы, он не переставал светить в мировой поэзии.

То же и с древним Римом. Где его душа? Гораздо менее на его холмах, нежели в наших парламентах, думах, скупщинах, меджелисах. Каждое творчество, удачно доведенное до конца тем или другим народом, принадлежит всему человечеству, растворяется в сознании общем, для всей великой человеческой семьи, и воскресает снова при новых условиях и на новых ступенях сознания.

Кто же не знает, что народное творчество оставляет следы в общечеловеческом сознании, могут сказать некоторые из моих читателей.

Если это и знают, отвечу я, то каким-то мертвым знанием, отвлеченным от жизни, неспособным — как должно бы истинное знание — отражаться в их действиях, одухотворять самую жизнь.

Мы вообще очень бесцеремонно обращаемся со словом знание. Знание должно пройти через весь сложный внутренний мир человека, отчеканиться в сознании, проникнуться живой силой чувства, пройти через творчество воли, и только тогда это будет истинное, живое знание. А мы сплошь и рядом называем знанием чужие мысли, пронесшиеся через наш мозг, не задевшие наше сердце и нисколько не повлиявшие на нашу волю, и так как мысли эти не связаны органически с нашим

внутренним содержанием, то в нашем сознании и появляется хаос, резкие противоречия, постоянные компромиссы.

Разве не глубокое противоречие — говорить о Вселенской Церкви, о Царствии Божиим на земле и в то же время разделять человечество величайшим внутренним разъединением на две части: на усыновленных Богом христиан и на миллионы отверженных, лишенных Его благодати?

Если бы истинное знание человеческого единства действительно проникло в сознание руководителей народов, разве был бы возможен узкий национальный эгоизм, самовольно провозглашающий на своем знамени: “Германия только для немцев”, “Англия только для англичан”, что в переводе на человеческие понятия означает: немцам или англичанам позволяется убивать, обижать, отнимать земли, заставлять силой делать других то, что эти другие вовсе не хотят делать, если все эти преступления совершаются для “блага отечества”. Не говоря уже о том человеконенавистничестве, которое способно призывать к насилию над своими ближними только потому, что у этих ближних иное прошлое и иная вера в Бога.

Может ли быть знание единства человечества, преемственности его гения, непрерывности его сознания у людей, которые, забывая или совсем не зная о великой культурной работе древнего Востока, презрительно третируют как низших существ потомков древних просветителей нашей арийской расы, как это делают англичане в Индии?

Или когда люди, считающие себя просвещенными, допускают возмутительную травлю беззащитных евреев, забывая, что древние евреи выполнили величайшую из миссий, когда-либо выпадавших на долю одного народа, — удержать и сохранить идею единого Бога для всех арийских народов в труднейшую переходную эпоху человеческой эволюции, и что те же евреи дали земное тело для нашего спасителя Иисуса Христа.

И это допускают те самые люди, которые чтут как величайшую святыню и сохраняют на священных алтарях своих храмов священное писание тех же евреев и которые должны были бы знать, если они действительно люди просвещенные, что в распятии Христа были повинны сильные в те времена религиозно-политические партии фарисеев и саддукеев (представители еврейского священства), которые хотели удержать свое влияние, подрывавшееся Христовой проповедью духовной свободы и бескорыстной любви.

Если мы захотим отдать себе отчет в том, какие черты делают для нас облик человека светлым и вдохновляющим, то совесть безошибочно подскажет нам, что только те черты, которые говорят об отсутствии эгоизма, о самопожертвовании, о воплощении высокого идеала. То же относится и к целым народам. Какие страницы в человеческой истории вызвали откровенный энтузиазм? Уж, конечно, не Марсово поле, не Wacht am Rhein, не торжествующее великолепие империализма. Все это мишура и может очаровать лишь физическое воображение.

Вызывает энтузиазм то, что ведет к общечеловеческому благу, к водворению не условной, а вечной Правды на земле, к совершенству и красоте божественной природы человека, а не к торжеству его звериной природы.

Вот почему французская революция пронеслась таким светлым благовестом по всему миру. Как ни была она искажена и греховна в своем исполнении, она выставила на своем знамени не “права французов XVIII века”, а права человека, она выбрала своим лозунгом

не эгоистические интересы одного французского народа, а общечеловеческое братство, равенство и свободу. И в этом была вся тайна ее обаяния.

Только всеобщее, мировое, имеющее цену для всех времен и для всех народов зажигает истинный энтузиазм в наших сердцах, и только сердце, способное загореться любовью ко всему Божию миру, и близкому и дальнему, обладает ясновидением; оно одно чувствует, что все человеческое едино и что только в сознательном единстве может оно осуществить Царство Божие на земле.

Помнит ли кто-либо из моих читателей удивительный момент в русском самосознании, который по глубине своего мистического значения имеет мало себе равных? Я говорю о том единомысленном энтузиазме, который удалось вызвать Достоевскому своей речью на Пушкинском московском торжестве, когда он заговорил о русском человеке как о “всечеловеке”, который принял в свою душу творчество всех западных народов и так возлюбил красоту этого творчества, что она стала для него ближе и дороже, нежели для самих творцов... И что если он возжаждет осуществить правду Божию на земле, то непременно для всех, никого не исключая, всех соединив в своем понимании и любви.

И для другого выразителя русской народной души, Л. Н. Толстого, патриотизм совершенно непонятен в смысле национального эгоизма и национальной узости, и не вследствие ли этой великодушной широты его души, способной отзываться на всечеловеческое, он стал так дорог для всего мира?

И для Достоевского, и для Толстого, а также и для Владимира Соловьева патриотизм заключается не в том, чтобы во имя русских интересов давить других, а в том, чтобы служить этим другим, стараясь приблизить для всех торжество правды на земле.

Вспоминается и еще один из наших наиболее чутких писателей. У Щедрина, в его страдальческом сарказме, полном невыплаканных слез, встречаются такие же вспышки нашей русской особенности: стремиться к вечному и абсолютному, не придавая цены доступному и условному. Его незабываемый диалог между благовоспитанным и причесанным мальчиком “в штанах” и русским мальчиком “без штанов”, растрепанным и несуразным, имеет тот же смысл: не может условная земная культура удовлетворить душу, жаждущую абсолютной правды, и за такую культуру не следует отдавать свободы своей души.

И русские социалисты — я подразумеваю не переводчиков Маркса, а творцов оригинальных русских идей — направляют все свое внимание не на производство и накопление, которые вызывают жадность и эгоизм, а на справедливое распределение, не на борьбу и конкуренцию, а на согласование интересов и на взаимопомощь. Князь Кропоткин в своей книге “Взаимопомощь у животных и людей” опровергает укоренившееся в Европе представление о выживании наиболее сильного, хищного и жестокого. Книга эта доказывает, что в мире животных наибольшими шансами на сохранение жизни обладают не те, которые снабжены самыми страшными зубами и когтями, а те, которые живут в тесном содружестве, заботясь об общей безопасности и поддерживая друг друга. Тот же вывод он делает и для людского общежития. Общественный строй, наиболее согласующийся с требованиями просвещенной этики, является в то же время и наиболее мудрой из всех земных политик; находясь в гармонии с законами Духа и с Волею Бога, такая политика служит жизни, прогрессу, поднятию сознания и очеловечиванию народов.

Часть IV. Идеалы Востока и Запада

Современная мысль стоит на рубеже: она накануне перехода на новую ступень сознания, на которой радикально изменятся наши взгляды на самые коренные вопросы человеческого бытия.

В прошлом письме мы говорили об историческом процессе. Рассматривая его со стороны культурного творчества, можно подметить одно и то же повторяющееся явление: направление, в котором идет творчество данной эпохи у родственных народов, развивается по определенной линии до известного момента, а затем наступает перерыв, требуется приток новой энергии, воздействие извне иных оживотворяющих сил. Иначе исторический рассвет сменяется перезрелостью и начинается медленное увядание.

По-видимому, внутренний рост культурного творчества идет по одному и тому же направлению без перерыва до тех пор, пока не завершится скрытая под его внешним покровом мировая задача, нужная для всего человечества, после чего дальнейший рост по тем же линиям становится уже невозможным; чтобы жить далее, созревшая культура должна переменить направление и затем, оплодотворенная новыми импульсами, возобновить свое движение уже по новым линиям.

Так было при переходе римской культуры, которая подготовила формы для европейской гражданской общественности, в культуру христианскую. То же явление повторилось в конце XIV столетия, когда, в так называемую эпоху Возрождения, влияние античных идей и образцов древнегреческого искусства дало новое направление средневековому творчеству, которому без этого оживотворяющего притока грозило омертвление в области науки и искусства и опасное одичание нравов.

По всем признакам, наше современное европейское творчество подходит к такому же кризису, когда дальнейшее его развитие по прежним линиям может привести уже не к прогрессу, а к увяданию. Как и во все эпохи подобных кризисов, когда прежнее уже заканчивается, а новое еще не выявилось, наша эпоха отмечена всеобщим неудовлетворением, жадным исканием новых путей и новых светочей.

По-видимому, народное творчество полно свежей энергии и внутреннего значения лишь до тех пор, пока осуществляются исторические задачи, нужные для всех; но когда творчество уже вылилось в определенные формы и еще недавно зажигающие задачи перестают вдохновлять, это — ясный признак того, что идти далее по прежним линиям уже бесполезно; необходимо искать новые пути и переходить на них, ибо жизнь не может остановиться, а если ее искусственно задерживают из экономических целей, то она или опрокидывает поставленные препятствия, или начинает пробивать новое русло, оставляя упростиющихся вне своего живого течения.

Но, могут мне возразить, в европейском творчестве еще так много энергии, еще так много незаконченного, и перед ним стоит еще столько задач.

Относительно энергии можно согласиться; но куда уходит вся эта энергия? На непрестанную борьбу общественных классов и народов, на удержание за собой привилегированных мест, на стремление поработить более слабых и за счет поработанных развивать свои безудержно растущие эгоистические потребности.

Не будем обманывать себя: несмотря на весь блеск нашей цивилизации, несмотря на высокое развитие позитивной науки, народы Востока имеют полное право считать нас

варварами за наш личный и национальный эгоизм, за наше неуважение к чужой жизни, за наше попираание чужих прав, за полное несоответствие наших идеалов и нашей действительности, за внутреннее противоречие между заветами нашей религии и нашими проявлениями, за наши хищные вожделения, которые так ярко сказываются в картинах с ног до головы вооруженных европейских народов, вожди которых зорко подстерегают минуту, чтобы броситься на соседа и, подобно хищным зверям, начать терзать друг друга.

Верно и то, что многие из социальных задач западной Европы еще не получили своего завершения. Но линии, по которым должно пойти их завершение, обозначились уже достаточно ясно, чтобы безошибочно предсказать, куда мы придем, если наша общественная жизнь будет развиваться в прежнем направлении.

Если жизненная энергия европейского Запада по-прежнему будет полностью направлена только на внешнюю культуру, а культура внутренняя будет оставаться в пренебрежении, то все его инстинкты, склоняющие людей к борьбе, к конкуренции, к эксплуатации сильного слабым, перенесутся с личностей на общественные классы, личный эгоизм претворится в эгоизм общественный, и, получив санкцию закона и опираясь на большинство, он неминуемо поведет жизненное творчество сперва к оскудению, а затем и к полному вырождению.

Венгерский поэт Мадач написал в начале шестидесятых годов прошлого столетия интересную пьесу под названием “Трагедия человека”, которую мне не удалось увидеть ни на одной из европейских сцен. В ряде картин автор проводит перед зрителями отдельные эпизоды из человеческой эволюции. Изгнанный из рая Адам, выведенный из райского блаженства и неведения Люцифером, засыпает и видит себя воплощенным в различных эпохах: то он египетский фараон, строящий пирамиды, то древнегреческий герой Мильтиад, предаваемый смерти тем самым народом, которому он только что вернул свободу; то римский патриций времен упадка, принимающий участие в оргии, страшной по своему внутреннему мраку и внешнему цинизму; то средневековый Танкред, возвращающийся из крестовых походов для того, чтобы перенести одно из самых тяжких разочарований — разлуку с любимой женщиной, которая, несмотря на любовь к нему, все же уходит в монастырь; далее он — то Кеплер, то Дантон, погибающий на эшафоте, а затем он появляется в виде лондонского горожанина в темные времена трущоб и наконец — в виде умирающего эскимоса. Но из всех проходящих перед зрителем картин, рисующих ошибки, падения и безумства человека на различных ступенях его многотрудного пути, самое жуткое впечатление производит восьмая картина, изображающая торжество европейского социализма, проведенного по строгим линиям научного материализма и внешнего формального равенства.

На сцене фаланстер, и в нем разные хитрые машины и обезличенные человеческие фигуры в одинаковых, напоминающих каторгу, костюмах, без личного имени, под номерами, руководимые во всех подробностях своей жизни последним словом науки.

Главное действующее лицо, не то администратор, не то врач, измеряя черепные кости мальчика, находит, что они не подходят под установленный образец, и приговаривает не пожелавшего подчиниться общим правилам к смерти.

Картина эта служит яркой иллюстрацией той мысли, что жизнь не терпит одностороннего развития и принимает уродливые формы, когда средство превращается в цель и начинает служить препятствием для свободного роста человека.

Внешняя культура должна быть лишь средством для выражения культуры внутренней; красоте и утонченности форм должны соответствовать красота и утонченность внутреннего содержания.

Это — неоспоримая истина, а между тем европейцы сделали из внешней культуры цель всех своих стремлений и, подгоняя все свои понятия к возвеличению собственного идола, пришли к совершенно неверному выводу, будто, совершенствуя формы, они в то же время усовершенствуют и содержание.

Но это не верно; самая совершенная форма может служить не добру, а злу, если она не одухотворена внутренней красотой и не приведена в согласие с требованиями высшей правды.

Могучим противодействием для нашей европейской односторонности, опасные последствия которой будут все более увеличиваться, могло бы служить внимательное изучение иных верований и идеалов, освещающих жизненные задачи с совершенно других сторон, нежели освещаем их мы.

Если мы возьмем два типа творчества, наиболее различные по своему характеру: творчество древнего Востока, когда оно было в своем апогее, и творчество европейского Запада в его современном состоянии — мы без труда сможем уловить то, что можно было бы назвать “разделением труда” в огромном масштабе.

Созерцательный Восток устремлял свою творческую силу на внутреннее делание; отсюда его совершенные психологические методы, его высокоразвитая этика, его утонченная духовная культура и отсюда же его сравнительное равнодушие к земным задачам.

Деятельный Запад выполнял совершенно иную задачу: он проводил свое творчество через земные формы, создавал высокую материальную культуру, которая и отвлекала все его силы и внимание на внешнее делание; отсюда совершенство его научного анализа, богатство его технических завоеваний, детальная разработанность его правовых и экономических отношений и отсюда же его оторванность от невидимого духовного мира.

Я не могу взять на себя смелость дать моим читателям основательный анализ духовного творчества древнего Востока; мне хотелось лишь указать на то, какое богатство духовных сокровищ, какой обильный родник новых идей и высоких вдохновений могло бы почерпнуть европейское сознание из глубин этого духовного творчества, если бы оно сделалось для нас предметом внимательного и любовного изучения.

Обратимся к древней Индии, которая может служить наиболее ярким образцом мирозерцания древнего Востока. Чем отличаются ее верования от западного мирозерцания?

Во-первых, сознанием единства Вселенной. Религиозное сознание древней Индии было до того проникнуто единством, что, глядя на окружающий мир, древний индус выражал свое отношение к нему в словах: *Tat twam asi*, или это — ты, то есть ты связан со Вселенной такими бесчисленными нитями, твое я так переплетено со вселенским Я, что нет границы между тобою и миром. В сознании древней Индии вся мировая жизнь представляет собой цепь явлений, в которой каждое звено соединено с другими звеньями неразрывной внутренней связью.

Благодаря этому яркому сознанию единства, мирозерцание древней Индии являлось

живым осуществлением того научно-религиозного синтеза, которого так страстно ищет западноевропейское расколотившееся сознание. Индийское сознание обнимало в стройном единстве весь круговорот человеческой жизни — как личной, семейной, общественной и государственной, так и посмертную эволюцию человека в невидимых мирах. Для индуса явления видимого мира были лишь результатами, лишь проявлениями жизни в невидимых мирах, их отражениями в мире материи.

Но, несмотря на всю разницу древневосточного и современного западноевропейского миропонимания, и в том и в другом есть одно общее понятие, которое является как бы мостом, переброшенным через тысячелетия, отделяющие истоки арийской мысли от ее современного течения: это — учение об эволюции. Разница только в том, что в европейском сознании учение это возникло лишь в середине прошлого столетия и охватывает лишь круг внешних явлений, тогда как древний Восток исповедовал его в глубочайшей древности и с большей последовательностью подчинял законам эволюции не только явления физической жизни, но и невидимые явления жизни духа.

Второе. Из этого сознания единства вытекало совершенно иное отношение ко всей судьбе земного мира. Древние индусы рассматривали ее в неразрывной связи с деятельностью высших божественных Сущностей, которые служат посредствующей иерархией между ограниченным человеком и Логосом нашей планетной системы. В представлении индуса судьба народа складывается под воздействием этих высших Сущностей, которые дают человеческой деятельности то или иное направление во имя отдаленных благих целей, ускользающих от ограниченного сознания человека.

Из того же источника исходят и все представления древнего Востока о земной власти. Убеждение в том, что высший носитель власти имеет связь с невидимым миром, вызывало представление о чрезвычайно высоком нравственном уровне земного властителя, который должен был всецело отвечать за благоденствие своих подданных. Так, Конфуций, спрошенный одним царем, почему развелось так много воров в его земле, ответил: “Если бы ты, о царь, жил честно и справедливо, не было бы воров в твоём царстве”. Через все древние законы Индии красной нитью проходит ответственность всех представителей власти за счастье, здоровье и благосостояние народов, которыми они управляли. Отсюда происходит множество указаний в древней индусской литературе на то, как нелегко было доставать начальников и настолько их деятельность была ответственна и трудна.

За властителем в древней Индии стояло нечто, носившее в законодательстве Ману название Данда, что вернее всего перевести словом Правосудие, которое зорко следило за его действиями и требовало от него полного бескорыстия и безусловной справедливости.

Чтобы осуществление такого высокого нравственного уровня царей и правителей древнего Востока стало понятным, необходимо прибавить, что, согласно эзотерическим указаниям, все они были посвященными в религиозные мистерии. Но для того чтобы быть допущенным к посвящению, необходимо было пройти через строгую школу нравственной дисциплины, которая развивала дух терпимости и самообладания, строгое чувство ответственности и отречение от всех личных интересов. Правитель был в то же время и мудрецом, понимающим внутренний смысл явлений и связь этих явлений с прошлым и будущим управляемого им народа.

Любопытно сравнить эту идею сосредоточения власти в руках наиболее мудрого с

западноевропейским идеалом народовластия. Каковы будут последствия полного проведения в жизнь этого идеала, можно отчасти судить по тем результатам, которые уже начинают обнаруживаться в стране, где народовластие осуществлено в наибольшей полноте. Я говорю об Австралии и вспоминаю речь австралийского министра земледелия Суинбурна, который выразил сетования наиболее образованных людей своей страны в таких словах^[1]: “Австралия — одна из богатейших стран мира; она осуществила вполне принцип демократии, ее жители обладают самыми широкими правами, а между тем мы отстаем от других стран и в деле воспитания, и в постановке образования, и в других важных отделах общественной жизни. Возьмем школы; все они в руках самого народа, но они ведутся отвратительно; народ гораздо меньше думает о здоровом воспитании молодого поколения, нежели об аристократическом правительстве. Точно так же мы относимся и к нашим преступникам, к сумасшедшим, которые переполняют сумасшедшие дома, и к нашим бедным. Никогда люди не нуждались так сильно в мудрости, как нуждаемся мы теперь. Да, в мудрости. В этом вся трудность. Как найти ее и каким образом водворить ее на место власти?” В признании этом ярко сказалась та истина, что самые высокие общественные формы без внутренней культуры и до конца проведенное равноправие — если при этом власть отдается не самым мудрым и нравственным, а наиболее покладистым, — вовсе не обеспечивают истинного прогресса.

Третье. Следующей особенностью древнего Востока является высокое развитие идеи Долга. Но для древнего индуса эта идея — на санскрите Дхарма — выражала гораздо больше, нежели наше понятие о долге. Для него она означала необходимость познать свое место в мировой эволюции и выполнять все обязанности, налагаемые долгом, как можно совершеннее. Индус знал, что все его будущее развитие находится в полной зависимости от того, будут ли им выполнены все его обязательства, и знал, что если он их не выполнит, то никакое движение вперед для него невозможно. Долг по отношению к старшим, долг к равным, долг к низшим, долг относительно животных — вся жизнь древнего индуса была насквозь проникнута сознанием долга, ему и в голову не приходило оправдываться тем, что кто-то другой нарушил свой долг. Отсюда кроткое и терпеливое настроение индийского народа, резко отличающееся от боевого настроения западноевропейских народов, у которых столь ярко сознание своих прав и столь призрачна идея долга.

Четвертое. Отсюда же вытекает и другое чрезвычайно важное различие восточных и западных идеалов. Восточный кодекс нравственности никогда не поставит одного и того же требования младенцу и зрелому мужу, человеку неразвитому и человеку ученому.

На Востоке класс воинов имеет свой нравственный идеал, отличный от идеалов брахманов, точно так же нравственный идеал купца будет отличаться от идеала крестьянина и так далее. От слуги требуется лишь послушание, честность и усердное служение, и других требований ему уже не поставят; но эти требования он должен выполнять в совершенстве. Таким образом, каждой ступени эволюции соответствуют свои требования нравственности, и по мере того как человек (воплощаясь снова и снова) поднимается на высшие ступени, растут и предъявляемые к нему требования.

На Востоке не было разногласия между религией и знанием; там мудрость законодателей не противоречит религиозным началам, а наоборот, насквозь проникнута ими. На Западе высокий нравственный идеал Христа не только не входит в соображение государственных людей и законодателей, а наоборот, откровенно признается неприменимым к жизни. И это до такой степени, что лондонский епископ нашел возможным произнести следующие

знаменательные слова¹: “Если бы один из современных народов взял за основу своего поведения Нагорную Проповедь, он был бы обречен на неизбежную гибель”.

Пятое. Идеал простоты в жизни, идеал добровольной бедности. На Востоке богатство никогда не пользовалось особым почетом; наоборот, скопление богатства предоставлялось лишь третьей касте, а у двух высших каст были иные задачи. Правда, у владетельных князей Индии можно увидеть много драгоценностей, и общественное служение их обставлено пышным великолепием, но это относится лишь к торжественным выходам. Домашняя жизнь раджей и правителей чрезвычайно проста и мало чем отличается от жизни простого народа.

Что же касается касты брахманов, то есть учителей народа, то для них богатство было бы не только не почетно, а наоборот, послужило бы большим укором.

Величайшим почитанием пользуются в Индии не только бедные, но и ученые брахманы, перед которыми и раджа, и богач почтительно склоняются до земли. Этот простой строй жизни вырабатывает благородную простоту нравов в высших классах, доступную и для простого народа. Все путешественники и все, кто жил в Индии, единодушно утверждают, что индусы отличаются изящной выдержанностью и благородным самообладанием, и самый бедный крестьянин производит впечатление человека воспитанного и сознающего свое человеческое достоинство.

Наша европейская жизнь, наоборот, все более усложняется, а загромождающие ее бесчисленные предметы показной и безвкусной роскоши грозят совсем изгнать из нашего быта истинную красоту с ее благородной простотой.

Мое письмо подошло к концу. В нем лишь слегка намечены главные черты восточных идеалов, но уже и эти черты говорят о том, каким неисчерпаемым источником новых идей и вдохновений мог бы послужить для современного европейского сознания научно-религиозный синтез древнего Востока.

Но из этого не следует, что мы должны насаждать восточные верования на нашу европейскую почву. Как в средние века возрождение античных идей и античной красоты послужило лишь освобождению христианской культуры от мрачного фанатизма и узкой нетерпимости, так и возрождение древней Индии может лишь возвеличить европейскую культуру, влив в нее элемент духовности, освободив понятия современных христиан от мертвящего материализма и осветив новым светом еще не разрешенные проблемы личной и общественной жизни.

Когда знаешь, что человечество едино и что его творчество во все века и во всех частях земного шара является лишь проявлением различных сторон его сознания, всякое соперничество и желание возвеличить свои верования за счет чужих исчезает. И мечта о едином стаде и едином Пастыре перестает быть мечтой и становится твердой уверенностью.

Часть V. Путь Выступления и Путь Возврата

Признак низшей природы человека есть стремление брать, признак высшей природы — стремление отдавать.

В прошлом письме мы упоминали, что одна из точек соприкосновения, как бы мост, переброшенный через пропасть веков и соединяющий древнее восточное

миросозерцание с современным западноевропейским, — это учение об эволюции. Но в то время как на Западе учение это остается научной абстракцией, совершенно чуждой общественной этике, и приходит на ум образованному европейцу разве когда он вспоминает о своем проблематическом родстве с обезьяной, в древнем Востоке учение это пронизывало всю жизнь сверху донизу и служило руководящей нитью к устройению общественного и государственного быта. На идее эволюции основано и все учение о перевоплощении, и вся этика древнего Востока, проникнутая духом красоты и терпения, духом самоотречения и сострадания.

Воспитывая сознание на уверенности в том, что каждый человек проходит все ступени развития одну за другой, что там, где сейчас стоит мой темный и падший брат, в прошлом стоял и я, что туда, где сияя праведностью, стоит святой, в будущем смогу подняться и я, — этой уверенностью древнее миросозерцание в самом корне подрывало человеческий эгоизм, оно вело человека всю силу логики и всеми инстинктами его высшей природы к единству, к солидарности, к чувству ответственности каждого за всех и всех за каждого. Указывая каждому на его место в мироздании, оно выдвигало перед человеком его Дхарму, долг его жизни: “Ты стоишь здесь, а не в другом месте, — говорила ему Дхарма, — потому что должен выполнить именно эту задачу. Ты не должен уклоняться от ее выполнения, чтобы не нарушилась гармония целого, и если ты, часть этого целого, будешь действовать дурно, то и целое придет в расстройство”.

Как не похоже это глубокое сознание единства жизни и нравственной ответственности на наше европейское поверхностное сознание, ведущее к эгоизму, к обособлению и одиночеству... “*Apreres moi ie deluge*”¹ могло сложиться только там, где всякая связь с остальным миром утеряна, где все жизненные счета человека заканчиваются на его могиле.

Идеал древнего Востока очень высок. Как же рисуют восточные учения достижение этого идеала?

На заре своего земного существования человек жадно захватывает для себя все, что может захватить, все, чего требует его пробужденная жажда жизни. Жизненные уроки его начались. Он вступил на Pravritti Marga — на “Путь Выступления”, как называли древние индусы начало эволюционного пути человечества. На этом начальном пути человек отождествляет себя с формой, со своим временным телесным бытием, и это необходимо, потому что грубые, страстные, резкие прикосновения извне одни только и в состоянии разбудить дремлющее сознание первобытного человека, разжечь в яркое пламя глубоко скрытый огонь жизни.

Чтобы почувствовать отчетливо свое обособленное бытие, свое я, свою самость, нужно, чтобы ярко ощущались те тесные границы, куда заключена та часть общей Жизни, которую мы ощущаем как свою личность.

Эгоизм и есть ограничение Жизни, втеснение ее в узкие грани. В начале пути эгоизм человека — чисто личный. Но настает момент на “Пути Выступления”, когда душа как бы останавливается в своем жадном стремлении к захвату и внутри нее возникает вопрос: “Почему все только для меня? Другие нуждаются не менее, чем я”. Это важный момент зарождения общественной этики.

Первая часть “Пути Выступления” пройдена. Человек начинает жить более расширенной жизнью своего племени, своего народа, он начинает признавать свою ответственность

перед обществом; раздвинувшиеся границы его жизни включают в себя новые опыты, новые переживания, новые уроки совести. Сознание человека выросло; совесть его развилась и утончилась.

Но и на этом расширившемся эволюционном пути человек все еще стремится брать для себя, для своей семьи и для своего народа как можно больше даров от природы и от людей, и это продолжается до тех пор, пока душа его не возьмет всего, что можно взять извне, пока она не насытится и больше брать уже не захочет.

Pravritti Marga закончилась. Эволюционный путь поворачивает назад, и человек вступает на Nivritti Marga — на “Путь Возврата”. На этом пути кончается желание брать, возникает столь же повелительная потребность отдать все, “до последнего кодранта”, все, что человек взял у мира, у природы и у людей. Без такого возврата не может быть восстановлено нарушенное равновесие, не может осуществиться справедливость, на которой держатся все миры.

Если мы поднимемся на вершину горы и окинем взором весь эволюционный путь человека, мы увидим, как его жизнь-сознание постепенно расширялась, как она вмещала в себя все больший и больший круг переживаний, пока наконец, разбив границы своего личного я, сознание его не слилось с единой Жизнью, с единым Я... Тогда только начинается для него истинная духовная жизнь, жизнь неистощимой полноты и неугасимого света. Ибо высшая радость доступна только для разбившего свой эгоизм, для перенесшего центр сознания с личной жизни на жизнь сверхличную. Когда это совершится, безграничные духовные радости сделаются доступными для той же души, которая при начале своего выступления на Pravritti Marga испытывала одни лишь плотские наслаждения.

Светлость праведника, ясность его взора, тишина его настроения происходят оттого, что между его я и остальным миром пали все преграды, кончилась его ограниченность, которая и есть несовершенство, вызывающее страдание, и волна великой общей жизни свободно влилась в его душу.

В тяжелое время, которое выпало на нашу долю, когда вместе с обветшалыми формами жизни расшатывается и нервная система людей, когда тоска неверия и утерянного смысла жизни начинает уже вызывать самую страшную из всех эпидемий — заразу самоубийства, каким сильным противоядием могла бы служить полная духовной красоты этика древнего Востока с ее стремлением к единству, с ее ярким чувством долга, с ее глубоким сознанием того, что каждая отдельная жизнь должна участвовать в общей жизни как ее ответственная часть.

Если бы мы прониклись таким настроением, то каким благим смыслом осветились бы для нас глубокие и таинственные слова Божественного Учителя: “Сберегший душу свою потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее”. (Матф., X: 39).

Часть VI. Необходимость внутренней культуры

Истинное просвещение достигается внутренней культурой, развитием совести, которая одна дает верное направление приобретенным знаниям. Без такой культуры знания не только не улучшают, а могут даже ухудшить человека, ибо, не изменяя его внутренне, они дают ему могучее орудие для достижения эгоистических целей и для удовлетворения личных страстей.

Когда у нас на Западе говорят о Мудрости, чаще всего является представление о бесстрастном философе или даже об отжившей старости. А между тем Мудрость — ступень сознания, через которую со временем пройдет все выросшее человечество.

Ступень эта достигается тогда, когда ярко освещенный, остро переживаемый круг личного опыта, личных чувств и ощущений все более расширяется и развивающееся внутреннее зрение человека делает его способным различать те мириады невидимых нитей, которые соединяют освещенное поле его личных переживаний с жизнью остального мира.

Представим себе могучий дуб; вначале он был той идеальной точкой внутри желудка, невидимой и невесомой, которую вернее всего назвать идеей; но в этой идее заключался весь дуб со своей сложной красотой. Чтобы осуществилась эта идея, потребовались мириады веществ, множество сил, взятых из почвы, воды, воздуха и от солнца.

Попробуем погасить в своем воображении солнце, уничтожить почву и влагу — и дуб исчезнет, он станет невозможен, как и вся природа, которая может существовать только в совершенном единстве всего мироздания, в глубочайшей зависимости каждой отдельной формы жизни и всего Целого.

То же можно сказать и о разумной человеческой душе: она стоит лицом к лицу с объективным миром и вбирает в себя все, что в состоянии взять и от земли, и от неба, и от великой человеческой семьи со всеми многообразными культурами различных веков и народов. Все это душа вбирает в себя, как дуб вбирает элементы земли, воздуха и солнца, и нет в человеке ничего, ни единого атома, физического или духовного, которого он не получил бы от мира. Он все взял от мира и должен все отдать миру. В этом заключена вся тайна вселенской этики, и на справедливом равновесии между “брать” и “отдавать” держится вся гармония мироздания.

Мудрость — владеть ключом к пониманию единства Жизни. Но чтобы достигнуть Мудрости, необходимо пройти через самопознание. Самопознание же вызывает неминуемую потребность водворить порядок в собственной душе, в ее внутреннем обиходе, приводит к необходимости душевной культуры.

Появление этой потребности — чрезвычайно важный момент в развитии человечества; и, может быть, во всем мире нет народа, для которого пробуждение этой потребности так важно, как для народа русского.

Восхищение вызывает у европейца широта, талантливость, быстрота, с которыми все схватывается русским умом, и тот же европеец смотрит с глубоким недоумением на преступную беспечность, с которой русский человек относится и к своей собственной, и к чужой жизни, к своему земному устройению, к тем подробностям существования, из которых вырастает красота жизни.

Когда-то меня сильно поразили слова Гейне, если не ошибаюсь, в его “Reisebilder”: “Wenn ich einen Liflander von unserem Dibirsch und von unserem Russland sprechen hore, ist es mir, als ob en Hering den Wallfisch fur seinen Landsmann und das Weltmeer fur seine Heimath hielte”¹.

Интуиция поэта могла навести Гейне на мысль о широте русской души, сложившейся на необъятном просторе русских равнин, где так привольно разгуливать бурям и непогодам, об ее выкованной в страданиях терпеливой силе, об ее устремлении ввысь, к Вечному. Но все это пока — непроявленные свойства народной души; истинная их ценность

обнаружится в народном творчестве, которое далеко еще не закончилось.

Весь смысл человеческого существования на земле — в творчестве; все, начиная с недр матери-земли с ее камнями и металлами и кончая собственной душой, должно пройти через сознательное творчество человека.

Вся земная жизнь, все прошлые, настоящие и будущие цивилизации, все эти громады городов, величественные храмы, чудные сады, вся человеческая культура, от мельчайших ее подробностей до величайших произведений вдохновенного гения, — не более как средство для того, чтобы проявилось человеческое творчество, и цель совершенно не в этих внешних формах, а в развитии творческих сил души.

Западный европеец и тот лифляндец, о котором упоминает поэт, несравненно культурнее русского, но они сотворили из своей культуры “кумира”, они превратили ее из средства в цель, они готовы отдать за нее все, вплоть до божественного дара свободы своей собственной души.

Преклоняясь перед ее внешними формами, они забыли, что признак истины, праведной культуры заключается в том, чтобы жизнь всех становилась легче, благороднее и красивее; они не хотят видеть, что культура, которая вызывает жестокость и грубость, как мы это видим в современном мире, которая выращивает индивидуальный народный эгоизм, явно нарушая законы Духа, что такая культура превращается из источника блага в источник зла и становится не благословением, а поводом для зависти, вражды и разъединения.

Но и без культуры великий народ не может существовать. Чтобы выполнить свою мировую миссию, он должен внести свое в общечеловеческое творчество.

Первая половина исторической жизни русского народа, которая так ярко запечатлелась в выражении “земля наша велика и обширна, но порядка в ней нет”, заканчивается на наших глазах. Чтобы продолжать жить исторически и жить хорошо, русский народ должен водворить праведный порядок в своей великой и обильной земле. Иначе, несмотря на свои колоссальные размеры, Россия сведется к ничтожеству.

То же самое применимо и к психологии русской души. Как необъятные поля России и неисчислимы богатства ее природы требуют ухода, просвещенного труда и водворения хорошего порядка, точно так же необходимо это и для русской души. Мы гордимся нашей широтой. Мы презираем “мещанство”, нам нравится наша яркость, смелость порывов, острота переживаний, неожиданные взрывы, жуткая неуравновешенность — то “к звездам поднятие, то в бездну падение”.

Но пока все это богатство не подчинится контролю воли, не пройдет через самопонимание и не осуществится в жизненном творчестве, до тех пор оно не столько служит жизни, сколько мешает жить. Как в роскошном, но неустроенном доме, где все свалено в хаотическом беспорядке, электрические провода перепутаны, водопроводные краны не действуют, рояль не настроен и так далее. Не окажется ли гораздо пригоднее для жизни скромное жилище, в котором все приведено в стройный порядок?

Это сравнение безусловно верно в том отношении, что чем богаче и сложнее душевная жизнь человека, тем настоятельнее нужны самопознание, внутренняя культура и приведение всех свойств в гармоническое сочетание.

Психология западных народов создавалась влиянием внешней культуры; творя ее, они добровольно налагали узду на свою низшую природу. Их культура была одновременно и школой народного воспитания. Не то у нас. Нашему добровольному участию в культурном творчестве ставились всевозможные преграды, оттого оно и не воспитывало нас.

На Западе самовоспитание шло извне, от внешнего порядка. Нам же нужно начать самовоспитание изнутри, создать высокую внутреннюю этику, которая бы направляла линии нашего внешнего творчества. Это возможно, потому что наша очередь творить пришла тогда, когда западные народы уже успели выработать огромный исторический опыт, из которого нам осталось разумно выбирать самое лучшее. Благодаря этому условию и благодаря особенностям нашей народной психологии, наша историческая задача могла бы быть совершенно особой, объединяющей все лучшее, что создали развивавшиеся ранее нас народы.

Но без душевной культуры подобная миссия невыполнима. Наука, разрабатывающая “культуру души”, на Западе даже и не возникала. Но она всегда существовала на Востоке; средоточия ее находились в тех оккультных школах, которые во все века помогали сильным духом подняться на высшую ступень развития, выражавшуюся в душевной чистоте, в благородстве настроения и в самоотверженной деятельности на пользу всех.

Одна из задач современной теософии — поведать миру методы этих школ высшей духовной культуры и доказать, что последняя не может существовать без религиозного сознания. Только религиозное сознание в состоянии преобразить человека и погасить эгоистические инстинкты его низшей природы.

Раскрытие религиозного сознания неизбежно приводит к:

- а) признанию единого духовного начала, скрытого во Вселенной и ясно раскрывающегося в развитой совести человека;
- б) сознанию единства мировой жизни, а следовательно, и братства, взаимопомощи и взаимной ответственности как категорического требования морали;
- в) необходимости нравственного совершенствования.

И если наша передовая интеллигенция стремилась обойтись без религиозного сознания, то это происходило по недоразумению: она или смешивала религиозное сознание с церковностью, или же считала его несовместимым с научным мышлением. На самом же деле можно обладать в высокой степени религиозным сознанием и совершенно не сходиться с догматическими взглядами, быть глубоко ученым и в то же время глубоко религиозным человеком. Всегда, когда человек поднимается до героизма, до самопожертвования, он приближается к религиозному сознанию, хотя бы интеллектуально он и отрицал Бога.

Часть VII. Психология русской народной души

В одной своей лекции, касавшейся будущей шестой расы, которая должна появиться на смену пятой арийской расе, д-р Штайнер¹ упоминал о русском народе. Он указывал на возможность для него великого духовного будущего, основываясь на некоторых чертах народной психологии, которая отличает его от остальных европейских народов; он указывал на признаки в нем большей духовности и большей пластичности, нежели у западных народностей, которые успели как бы закристаллизироваться в своих

национальных особенностях.

Проверить с этой точки зрения психологию русского народа в такое время, как наше, когда идет полная переделка общественного строя, а будущий строй еще не наметился, едва ли возможно; но можно — в свете эзотерической идеи — попробовать взглянуть на прошлую судьбу русского народа. Если его взять как цельный организм, а его тысячелетнее существование как выражение его внутреннего содержания, мы увидим нечто поразительное. Со стороны духовной жизни — ясно выраженное стремление к идеалу и тоска по высшей правде; но лишь только мы перейдем к земной действительности, к повседневной жизни народа, мы наталкиваемся на такую трагическую антитезу, какой мир не видывал. Вверху — реяние незримых крыл духовности, призывающих душу народа к Вечному, а внизу — бедность, грубость, невежество, апатичное равнодушие каждого к своей личной судьбе и к судьбе своего ближнего, тысячелетнее добровольно взятое на себя рабство в пользу государства... Словно за всю историческую жизнь, положенную на то, чтобы создать огромную империю, народу некогда было подумать о себе, о своем воспитании и об устройстве жилища, нельзя же считать жилищем беспрестанно выгорающие, покрытые соломой полутемные избенки стомиллионного русского крестьянства... Смотришь и видишь перед собой незаполненную бездну между святыней души народной и земной жизнью того же народа — два полюса без срединного содержания...

История не дает другого такого явления. Все народы вырабатывали постепенно некие промежуточные ступени, ведущие от жизни стихийной, младенческой к жизни сознательной, основанной на большем или меньшем равновесии между обязанностями и правами граждан.

Русское крестьянство и по сей день остается в тех же младенческих условиях жизни, словно и не желая себе никаких прав взамен тяжелой обязанности, которую оно несет, поддерживая и защищая огромное государство; и в то же время выразители его духовного склада создают учения, которые по прогрессивности и высоте задач опережают самые культурные народы... Отсутствие промежуточных ступеней, отсутствие своей органической культуры, вырабатываемой, как соты из пчелиного организма, из свойств и способностей самого народа, образует какую-то жуткую пустоту в нашей истории.

И если взглянуть в эту пустоту, вся она заполнена страданиями народными, неустанными жертвоприношениями, внизу — во имя идей государства, у интеллигенции — во имя защиты угнетенных... Но никогда не во имя свое.

Едва ли какой-либо народ прошел такую тяжелую школу самоотречения, как народ русский. И если, несмотря на все перенесенные страдания, его историческая жизнь сложилась так, что после тысячелетнего существования ему нечего терять, до того скудны дары его собственного благоденствия, нет ли в этом глубокого смысла, который ускользает от нас?

Все культурные народы с историческими традициями, с органически выработанной культурой, склонны беречь ее дары, охранять устоявшиеся формы жизни, хотя бы они, устарев, и препятствовали свободному развитию растущей жизни. Психология таких народов, уже завершивших свои задачи, начинает идти по нисходящей линии: они консервативны, осторожны, энергично держатся за свои права и привилегии. У благоденствующего народа, гордого своим творчеством, душевное настроение совпадает с духовно-немошным настроением евангельского богатого юноши, который желает не

грешить, но после слов Учителя: “Раздай имущество твое и иди за мной” — опечалился и отошел от Христа. Дары культуры, назначение которых служить людям, начинают приобретать такую силу над человеческой душой, что из средства превращаются в цель и под конец поработают внутреннюю свободу души.

Если христианские народы Запада в состоянии довести свою историческую задачу до конца, они должны прийти к христианской общественности, основы которой начертаны на страницах Евангелия. Но как евангельский богатый юноша не в силах был дойти до конца и печально отошел от Учителя, так же трудно будет и народам Запада, поработанным дарами собственной утонченной культуры, довести — по собственному почину — христианский идеал до конца.

Не найдем ли мы здесь ключа к пониманию исторической судьбы России, в течение тысячи лет продвигавшейся по необъятным равнинам своим в поисках естественных границ для своего государства, в жертву которому уходили все силы и все достояние народа, жившего в постоянном напряжении, чтобы напитать и охранить разраставшегося колосса и не имевшего вследствие этого досуга, чтобы создать свою собственную культуру? Не в том ли призвание России, чтобы, взяв все наиболее ценное и совершенное у западных народов и объединив все европейское творчество в одно целое, осуществить на земле истинное христианство? Если это так, то в психологии русского народа должны быть черты, необходимые для выполнения такой миссии. И действительно, едва ли не самая яркая черта этой психологии — глубокий демократизм русского народа, начиная с низших его слоев и заканчивая лучшими представителями верхнего слоя. Положение истинного аристократа в России было только у царя, все остальные — одни более, другие менее — были в сущности бесправными слугами государства. И если всмотреться в проявления не казенной, а подлинной России, той, которая страдала и боролась, то мы увидим, что боролась она не за свои классовые интересы, а всегда за интересы всех, за интересы общечеловеческие. Тогда как западный европеец ценит чрезвычайно аристократическое происхождение, наши лучшие родовитые люди не дорожили своими привилегиями и предпочитали аристократизм мученичества земному величию.

В этой черте демократизма, полного отсутствия классовой обособленности у лучших людей России, сказывается одно из свойств народной души, которая, в переводе на язык вечных ценностей, есть глубокая потребность справедливости.

Другая, столь же ясная черта русской психологии — жажда царства Божия на земле. Все лучшие русские люди искали и призывали царство Божие, а не царство земное. Мечта о власти, о преобладании, национальная гордость, идея империализма в европейском смысле — никогда не имели власти над русской душой: для нее несравненно понятнее и дороже святое величие жертвы, нежели торжество удовлетворенного властолюбия. Стоит только восстановить в памяти вереницы наших странников и сектантов из народа, лучших наших художников и поэтов, ряды мучеников за общечеловеческие идеалы — всем им, как яркий светоч, светила мечта о водворении не сильного царства земного, а праведного царства Божия, и не для себя одних, а непременно для всех, чтобы для всех исполнилась та высшая Правда, по которой тоскует человечество.

Все, глубоко исследовавшие духовное русское творчество, всегда отмечали стремление русского человека не к частному и близкому, а к общему и абсолютному. И стремление это не метафизическое: духовная работа нашей интеллигенции стремилась постоянно к выработке общественной морали, а социалисты наши останавливались преимущественно над справедливым распределением, над принципами взаимопомощи, гениальнейшие

русские люди, все без исключения, проявляли глубокий интерес к проблемам религии, понимая религию в широком смысле, как носительницу духовного начала Вселенной.

Россия стоит на перепутье: она может пойти по проторенной дороге и снова повторить весь пережитый европейскими народами опыт, результаты которого на наших глазах потрясают мир все более ожесточающейся борьбой на полях битвы и на мировых рынках. Но она может пойти и по новому пути, на который уже две тысячи лет тому назад указал Христос.

Для успешного движения по второму пути недостаточно одной умственной деятельности, опирающейся на науку; недостаточно и одного чувства, пребывающего в молитвенном настроении. Для осуществления такого общественного строя, в котором вместо эгоизма обособленного я побуждением к деятельности будет общее благо, необходимо религиозное сознание, воспринимающее религию не как церковные догматы, а как сознание единства жизни, исходящее из единого Божественного Начала, и вытекающее отсюда чувство ответственности каждого за всех и всех за каждого. Без такого мирозерцания недостижимо общее благо, о котором мечтают благороднейшие представители европейского мира. Оно одно может создать настроение, враждебное эгоизму.

Европейское сознание так сроднилось со своим строем, что большинство людей находится под гипнозом, будто существующий экономический строй неизбежен; и сознание не освободится от этого гипноза, пока дальнейшее развитие будет совершаться по тем же линиям, пока эгоизм одного будет переходить в эгоизм многих, порабощение всех — в порабощение меньшинства. Выход для свободы человеческой души будет по-прежнему закрыт, а между тем вся суть христианства (не буквы, а духа его) основана на свободе человеческой души.

В младенческий период своего существования народы арийской расы не знали раздвоения сознания, они жили цельной жизнью под руководством религиозного мировоззрения; в зрелом возрасте они прошли через все ступени сомнения, отрицания и безверия; человеческое сознание описало огромный круг, и наступают времена, когда оно снова вернется к исходной точке, но уже свободно и осмысленно.

Часть VIII. Страдание

Не для того же я страдал, чтобы собой, злодействами и страданиями моими унавозить кому-то будущую гармонию. Я хочу видеть своими глазами, как лань ляжет подле льва и зарезанный встанет и обнимется с убившим его...

Понимаю же я, какое должно быть сотрясение Вселенной, когда все на небе и под землю сольется в один хвалебный глас и все живое и жившее воскликнет: “Прав Ты Господи, ибо открылись пути Твои!..” Но вот тут-то и запятая, этого я и не могу принять.

“Братья Карамазовы”, гл. IV, Бунт

Такими стопами души выражает представитель русской интеллигенции, Иван Карамазов, глубокий разрыв современного сознания, непримиримую рознь между запросами сердца и представлениями нашего “эвклидова ума”, между жаждой поверить в Бога и Его правду и материалистическим пониманием процесса жизни.

Нигде, ни в одном литературном произведении душевное смятение от этого разрыва не

изображено с такой страдальческой остротой, как у Достоевского. В его душе этот разрыв был особенно страшен: его горячее сердце тянулось к Богу, с мучительной тоской жаждало поверить в высший смысл жизни, а привычные линии мысли сводили все содержание жизни к слепой механической силе, которая давит и разбивает направо и налево, без выбора и смысла, часто самое прекрасное и ценное.

Страдания невинных детей, хрупкость человеческой жизни, единственной, которая не повторится уже никогда, гибель и страдания наиболее благородных, неравенство и кажущаяся несправедливость всего, что творится на земле, и более всего греховность и темнота человеческой природы — вот ряд мучительных вопросов, которые европейское сознание не сумело разрешить и которые заставляют его разбиваться в бесплодных попытках найти на них разумный ответ.

Но действительно ли нельзя найти на них ответ? Если бы это было так и человек навсегда был обречен стоять перед неразгаданной тайной своей судьбы, та же тоска и то же неудовлетворение должны были бы царить везде, где существует человек... А между тем это не так.

На Востоке, несмотря на наличие тех же страданий и того же несовершенства, нет ничего похожего на болезненную остроту наших запросов, там нет нашего беспочвенного висения между небом и землей. И происходит это вследствие коренной разницы мирозерцания современного Запада и древнего Востока.

На стороне Востока такое явное преимущество спокойного достоинства и ясного самообладания, что потерявшему равновесие европейцу следовало бы гораздо внимательнее и гораздо серьезнее отнестись к тому, что; дает такую цельность и равновесие восточной мысли. Легкомысленно повторяемые фразы о “фатализме” Востока, отвлечении его к небытию, к непонятной “нирване”, не дают серьезного объяснения. Мы знаем, что все великие Мудрецы обладали ясностью и душевным равновесием.

Восточная мудрость не допускает бунта, потому что совсем не признает произвола и случайности; для нее само бытие немислимо вне условия незыблемого порядка, без которого космос превратился бы немедленно в хаос.

Для нее невозможны такие речи: “Не хочу я гармонии... Не стоит она слезинки хотя бы одного замученного ребенка... Не стоит потому, что слезки его остались неискупленными... И чем ты искупишь их?.. Неужто тем, что они будут отомщены?.. Но зачем мне их отмщение, зачем ад для мучителей, что тут ад может поправить когда те уже замучены? И какая же гармония, если ад? Я простить хочу, я обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше”... И дальше вывод: “Лучше уж я останусь при неотмщенном страдании моем и неутоленном негодовании моем, хотя бы я был и не прав. Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему... столько платить за вход. А потому билет свой на вход спешу возвратить обратно... Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билет Ему почтительнейше возвращаю”.

Если бы эти, как яд, прожигающие слова, были особенностью одного Достоевского, не следовало бы и ссылаться на них. Но в них вылилась вся неудовлетворенность современного агностического миропонимания, зияющая бездна, отделившая нашу веру и наши идеалы от явлений действительности.

Более двадцати лет, протекшие с тех пор, как произносился этот мучительный вызов Богу,

не улучшили нашего положения; учащающиеся самоубийства указывают слишком ясно на то, что мы духовно не вооружены для борьбы с тяжелыми условиями нашего времени и для разрешения назревших задач жизни. Отсюда и уклонение от этих задач всевозможными способами, вплоть до прекращения самой жизни.

Вникая в источник, откуда исходит глубокая разница в понимании самых коренных вопросов мировой жизни на Западе и на Востоке, приходится на первое место поставить религиозные представления восточных и западных народов.

Едва ли не самой главной причиной раскола в современном европейском сознании следует считать потерю эзотеризма у христиан. Во всех остальных религиях мы находим рядом с открытыми учениями, предназначенными для руководства всего народа, и сокровенные (эзотерические) учения, которые приносят удовлетворение тому опередившему остальных меньшинству, которое, подобно Достоевскому, стремится дойти в своих исканиях до самого источника явлений. Что такое же учение для наиболее поднявшегося меньшинства существовало в христианстве, на это есть намеки и в Евангелии, и особенно у апостола Павла, который сравнивал открытое учение с “молоком, пригодным для младенцев”, а сокровенное — с “твердой пищей”, и говорил (1-е посл. к Коринф, гл. 11, 6-8) о мудрости, “которая проповедуется между совершенными”¹, и о “премудрости Божией, тайной, сокровенной, которую никто из властей века сего не познал”...

Я не могу останавливаться на причинах исчезновения эзотеризма из христианской церкви; это требует больших специальных знаний², но мне хотелось лишь указать на это исчезновение как на один из источников совершившегося на Западе раскола между верой и разумом. Одно из двух: или наука опередила религиозное откровение, что является явной бессмыслицей для верующего, либо ключ к истинному пониманию священного Писания и его символизма утерян для западных богословов.

Допустить последнее необходимо: иначе мы никогда не поймем огромной разницы, которая существует между нашим европейским отношением к загадкам человека и космического бытия и отношением к тем же загадкам восточного сознания.

Происхождение человека, его место в мироздании, его отношение к Богу, самый процесс его эволюции в трех мирах³, его потустороннее существование и цель мировой жизни — на все это можно найти ответы в эзотерических учениях восточных религий.

Другой причиной тяжелого состояния европейского миропонимания является его оторванность от мирового единства. Оно сосредоточило все свое внимание на одном земном мире, не видя его связи с остальными мирами и не осознавая, что этот мир — лишь часть великого целого, лишь переход к более совершенным ступеням непрестанно развивающейся вселенской жизни; отсюда — неверное представление о том, что земля есть нечто в себе законченное. Если бы это было так и вся наша жизнь протекала на этом брошенном в необъятное пространство Вселенной клочке сгустившейся материи, который сегодня есть, а завтра может застыть или рассыпаться в прах от слепого напора проносящейся кометы, было бы от чего прийти в отчаяние.

Но попробуйте на тот же земной шар посмотреть как на временное место действия, где разыгрывается лишь один из актов великой мировой драмы, свяжите его с остальной Вселенной так, как в жизни человека сегодня связано с завтра и вчера, попробуйте принять его как одну из страниц великой Книги Жизни, дивный смысл которой закрыт от

нас только потому, что сознание наше ограничено, подобно сознанию дикаря, от которого закрыт весь земной мир, кроме его родной страны, — попробуйте вместо “в себе законченной” величины мыслить земную эволюцию как временное явление развивающегося процесса жизни, и вы увидите, как изменится все ваше настроение.

Совершенно то же и относительно отдельной человеческой судьбы. Если считать одну земную жизнь несовершенного человека, в которой столько непонятого и с виду ненужного страдания, за единственную, тогда есть от чего прийти в отчаяние и заговорить языком Ивана Карамазова.

Но взгляните на ту же жизнь как на один из бесчисленных эпизодов бессмертного опыта души, видимого нами только потому, что опыт этот происходит на доступном нам физическом плане в момент нашего наблюдения; допустите, что помимо этого эпизода существует необъятное поле опыта той же души, невидное для нас, но в котором и кроются все причины наблюдаемых нами временных явлений, — и тогда исчезнут все признаки произвола и ненужности, которые и зарождают ту трагическую остроту европейского воззрения на страдания.

И в самом деле, что может быть ужаснее “ненужного страдания”? Это чувство возмущения законное, потому что “ненужное страдание” обнаружило бы или бессилие Бога, или жестокость Его. Но ненужных страданий нет. Есть только временное неведение истинной причины переживаемого.

Неведение это отозвалось особенно тяжело на европейском сознании, все внимание которого было устремлено на видимость, на внешний покров явлений. Материализм западной мысли порвал все тонкие нити, связывающие земной ум человека с его высшим сознанием, его временное земное бытие с прошлым и будущим его бытием, он опустошил для нас небеса и закрыл перед нами нашу собственную глубину; он свел всю этику западного мира к ряду компромиссов, приспособленных для низшей природы человека, тогда как его высшие стремления превратились в какую-то мертвую идеологию, оторванную от жизненного творчества. В материализме европейской мысли и кроется третья причина нашего трагического воззрения на земные испытания.

Отчего нет этого трагизма на Востоке? Там невозможны страдальческие стоны и бессильный бунт Ивана Карамазова. Сохранившийся в религиях Востока эзотеризм, который не ограничивается тесными пределами “эвклидова ума”, проникает в невидимые миры и имеет дело с высшей логикой событий, дает ключ к самым мучительным загадкам жизни. Учение о перевоплощении — в его эзотерическом, глубоком толковании — разрешает загадку внутреннего неравенства людей, а закон кармы — причину страданий, через которые проходят и добрые, и злые, и достойные, с нашей точки зрения, и недостойные.

Чем в действительности вызывается страдание? Ничем иным, как нарушением закона природы, физической или духовной. Каждый раз, когда человек страдает, он переживает последствия такого нарушения, и нарушение это должно быть восстановлено.

Когда дело идет о физических законах, это ясно для всех: обожженная рука болит, потому что огонь разрушает ее ткани, удар в голову вызывает изменение нормальной работы мозга и так далее.

Но проследить последствия нарушения законов духа таким же непосредственным наблюдением возможно только для человека, способного к самоанализу и углублению:

для чуткой совести совсем не трудно, обозревая каждый прожитый день, уловить те или другие нарушения законов духа, которые могут повлечь за собой тяжелые последствия, или же, переживая страдания, доискаться до причин этих страданий в своих прошлых грехах.

Но это возможно только относительно собственных проявлений, мотивы которых нам известны, и возможно только в этой последней земной жизни. Если же взять всю судьбу человека, во всей ее полноте, причины переживаемого должны неминуемо ускользать от нашего сознания, ибо в момент наблюдения над тем, что мы считаем незаслуженными страданиями, человек переживает последствия того, что он же совершал, но на протяжении невидимого для нас поля его жизни. Его страдания — следствие им же нарушенного закона. И они необходимы, потому что иначе он не пришел бы к познанию закона.

Мы ведь не негодуем на то, что младенец падает, ушибается и обжигает себя, пока не узнает, что нарушенное равновесие опрокидывает тело, что огонь — жжет, стена — отталкивает и так далее. Мы знаем, что без таких, опытом добытых, знаний человек не может быть деятельным в условиях земной жизни. И не негодуем на это, потому что причина, вызвавшая страдание, нам видна. Мы знаем, что это — нерушимый закон, что в нем нет ни произвола, ни перемены, и мы удовлетворяемся этим.

И если бы ту же уверенность мы перенесли на все, происходящее в мире причин невидимых, но не менее реальных, нежели причины видимые, то протесты в духе Ивана Карамазова стали бы так же неприемлемы, как протесты ребенка против ударившей его стены. Мы бы знали, что, нарушая закон по неведению и испытывая оттого страдания, мы собираем драгоценный опыт, благодаря которому наша душа растет и достигает той внутренней зрелости, когда вся ее деятельность придет в сознательную гармонию с законом добра.

Проследить этот постепенный рост души, как мы следим за ростом ребенка, связать зарождаемые самим человеком причины с последствиями, которые обнаруживаются лишь через длинные периоды, в одном из последующих воплощений той же, собирающей опыт, человеческой индивидуальности, — это возможно только для сознания, которое в состоянии охватить всю земную эволюцию этой индивидуальности [1](#) до конца.

Под “концом” я разумею ненужность дальнейших воплощений выросшей в полный возраст души, прекращение ее земной деятельности, переход к деятельности на иных планах космической жизни. Это вовсе не означает, что мы никогда не поймем всех внутренних пружин нашей эволюции, не узнаем той связи, которая существует между невидимыми причинами и переживаемыми нами видимыми последствиями этих причин. Для каждого человека пробьет час, когда весь смысл всех его жизней — земных и потусторонних — раскроется перед ним во всем внутреннем единстве.

Но даже и теперь, вооружившись светочем эзотерических учений, мы можем принять вызов, брошенный потрясенным сердцем Ивана Карамазова, которое жаждало красоты и гармонии и не видело ничего, кроме темноты и греха. Нет, не для того мы страдаем, “чтобы собой, злодействами и страданиями нашими унавозить кому-то будущую гармонию”...

Утомительно и полно тяжелых испытаний медленное восхождение человека; но в этих

усилиях, в этих страданиях, в этой непрестанной борьбе между животным и божественным полюсами создается его человечность, выковываются его силы, завоевывается его свобода.

На самом низу, когда высшее сознание, через которое говорит божественная природа человека, еще не пробудилось, переживания его просты и несложны, как у животного; на средних ступенях они усложняются и достигают высокой степени напряжения и остроты, когда божественное и животное начало вступают в единоборство, когда поочередно побеждает то низший полюс, то высший, когда торжество зверя сменяется тоскою униженного бога...

И так силен вначале этот зверь, что если бы жизнь была радостным пастбищем для него, а не долиной скорби, то зверь развился бы в свой полный размер и убил в нашей душе все человеческое. А человеческое необходимо как почва для развития божественного, которое должно победить и вступить во все свои права на той вершине, на которую поднимается все человечество.

Нет, не “кому-то” готовит своими страданиями человек “будущую гармонию”; он грешит, падает, страдает и проходит через всю полноту земного опыта для того, чтобы, свободно избрав добро как окончательный и незыблемый закон жизни, участвовать своей бессмертной, в огне страдания созидавшейся индивидуальностью в божественном творчестве, сознательно содействовать его гармонии.

Будь у человека одна животная природа или одна божественная, не было бы ничего, подобного тем страданиям, которые возмущают сознание Ивана Карамазова. В первом случае человек двигался бы безошибочно животным инстинктом, во втором — по божественной воле, но у него не было бы свободы. В силу же того, что человек обладает внутренней свободой, он вечно колеблется между противоположными полюсами, и эти колебания, эти трения, эта снова и снова возобновляющаяся борьба делают его творцом своего собственного содержания, дают ему возможность дорасти до самосознающей индивидуальности, бессмертной и способной к самостоятельному творчеству. Вот светлая цель, к которой ведут наши трудные земные переживания, и в них — все оправдание страдания.

Вся пытка разбивающейся в темноте мысли Ивана Карамазова происходит оттого, что все эти “обиженные детки” и их ненаказанные мучители воспринимаются его сознанием без прошлого и без будущего, что только обрывок человеческой драмы проходит перед его глазами. Если бы он допустил на минуту, хотя бы как гипотезу, что у этого ребеночка с его “неотомщенными слезками” есть земное прошлое, в котором он мог быть повинен в таких же мучительствах над беззащитными существами; и что переживаемые им страдания в этой его жизни есть неизбежное последствие им же нарушенного закона, правда которого должна быть восстановлена; и что у того злого мучителя есть земное будущее, когда он на себе испытает всю преступность обнаруженной им злой воли; если бы Иван Карамазов допустил эту возможность, перед его бессильно бунтующим сознанием открылись бы совершенно новые глубины и совершенно неожиданные перспективы.

Не отмщение — в мрачном земном смысле разгневанного Бога — ожидает мучителя, а нерушимый закон справедливости, который поставлен Богом как необходимый регулятор в великом океане жизни, без чего вся она превратилась бы в страшный хаос. Но в приведенных речах вытравлена не только всякая вера в высший смысл жизни, но

упразднена и возможность какого-либо будущего для человеческой души.

“Зачем мне ад для мучителя, что тут ад может поправить, когда те уже замучены?” Даже смутная мечта о бессмертии, о возможности светлого будущего для замученного — исчезает, и загипнотизированное сознание не в состоянии подняться над поразившим его эпизодом человеческой жестокости.

Прекрасно сознающий, что даже в этой темной и мучительной жизни бывают мгновения столь высокого просветления, столь значительных и огненных переживаний, что за эти мгновения “можно все отдать”, он здесь даже не допускает ничего способного возместить физический страх и физическую боль замученного тела.

Не признавая никакого будущего для души навсегда замученного ребенка, он не принимает “возмездия в бесконечности, где-нибудь и когда-нибудь”, он требует этого возмездия “уже здесь, на земле, и чтобы я его сам увидел”. И непременно этими самыми глазами, которые, по его же признанию, совсем не помогают понять смысла всего совершающегося.

Весь трагизм европейского агностицизма, все его внутреннее бессилие выразилось в этих двух противоречащих одна другой фразах: “Хочу возмездия здесь, на земле, и чтобы я его сам видел” — и рядом: “Я простить хочу, я обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше”.

Умный Иван Карамазов даже не замечает, что, требуя зла за зло, страдания за страдание, он тем самым делает уже навсегда невозможной свою мечту “простить, обнять, прекратить для всех и навсегда всякие страдания”. Сердцем он чувствует, “что все противоречия исчезнут, как жалкий мираж... и в мировом финале, в момент вечной гармонии, случится и явится нечто до того драгоценное, что хватит на все сердца, на утоление всех негодований, на искупление всех злодейств, всей пролитой людьми крови, хватит, чтобы не только было возможно простить, но и оправдать все, что случилось с людьми”... А умом, этим “жалким эвклидовым умом” своим, он ничего не видит, кроме бессвязных отрывков жизни, и, несмотря на то что всем размером своей человечности чувствует, что за этими отрывками кроется великий и благой смысл, он все же подчиняется своему “жалкому уму” и на его бессилии строит свой бунт.

Непонимающие всей глубины, в которую теософия вводит наше сознание, бросают нам горький упрек, будто по ее учениям “все хорошо в этом лучшем из миров”. Но такой упрек исходит из незнания.

Теософия говорит совсем иное; она признает земной мир самым трудным из всего эволюционного пути, по которому проходит человеческая индивидуальность, но она учит и в этом мире видеть не хаос бесцельных столкновений и ненужных страданий, а великую творческую работу, которая приведет человека, развившего все стороны своего сознания и победившего всю свою низшую природу, к его высочайшей цели: к преображению в образ и подобие Божие.

И когда это исполнится и все разрозненные звенья сомкнутся, тогда и все поводы к страданию упразднятся, ибо, описав полный круг опыта и познав себя, человек вернется к источнику жизни и “внидет в радость Господа”.

И как близок к истине был Иван Карамазов, когда, наперекор своему бунтующему уму, понимал, “каково должно быть сотрясение Вселенной, когда все на небе и под землей

сольется в один хвалебный глас и все живое и жившее воскликнет: “Прав Ты, Господи, ибо открылись пути Твои!””

1909 г.

Часть IX. Вибрации мысли

Мысль возникает в одном мозгу, она высылает ток, достигающий другого мозга, ток этого другого мозга воспринимается третьим; и мы будем правы, если представим себе все человечество соединенным между собой подобием огромной телеграфной сети, по которой безостановочно передаются токи мысли.

“Сила мысли и мыслеобразы”. Е.П.

Приближается весна, и мысль невольно стремится к природе, в памяти возникают цветущие луга, молодой шепот зеленых листьев, веселый звон ручьев, проносятся ароматы трав и цветов.

Мне всегда казалось, что запах выражает душу природы: она доносится до нас в соленой пахучести моря, в свежем ветре, в нежном аромате цветов, во всех испарениях оттаявшей, вновь захотевшей жить земли.

Все в мире имеет свою аналогию. Обнаруженное указывает на скрытое, явное — на тайное.

Кто внимательно, и любовно изучает природу, тот узнает божественный разум и свои собственные скрытые глубины, кто вдумчиво изучает себя самого, тот поймет и весь мир. “Бескорыстное самопознание ведет к Богопознанию”.

Когда стремишься обнажить все покровы и раскрыть все видимости, глядя на явную лабораторию духа, перед сознанием раскрываются бесконечные аналогии, стройное единство явлений, видимых и невидимых.

В ароматах природы — ее душа. Ароматы человека — в его скрытых мыслях, чувствах и желаниях. Они возникают в глубине его души и несутся от него в те невидимые миры, в которых происходит их таинственное претворение в новые творческие силы.

Но здесь аналогия кончается: цветы и травы, океан и горные вершины насыщают земную атмосферу своими сладкими, острыми и освежающими дыханиями, и эти дыхания растворяются в воздухе.

Аромат человеческой души — нечто бесконечно более ценное. Ни одна мысль, ни одно чувство, ни одна мечта не пропадают бесследно. Чистые, активные, добрые мысли и чувства людей создают для них счастливое воплощение в будущем и творят светлые эпохи в исторической судьбе народов. Вялые, корыстные, эгоистические и сладострастные мысли и чувства создают эпохи упадка.

“Древняя Мудрость” в своих учениях о вибрациях и о творческой силе мысли, об осуществлении в человеческой жизни закона причинности и о непрерывном взаимодействии между видимым земным миром и миром невидимым раскрывает перед нами таинственную работу духа и дает определенные указания на истинное значение внутренней культуры, которая бесконечно важнее культуры внешней, потому что творит она, а последняя — лишь видимая ее форма.

Мы все постоянно выбрасываем из себя токи мыслей, целые волны чувств, страстей и желаний, которые распространяются от нас, как круги на воде, непрерывными рядами сильных и слабых, добрых и злых, жестоких и нежных вибраций и, ударяясь о мозг и нервную систему окружающих людей, вызывают в них ответные вибрации.

Если носящиеся в пространстве мысли по преимуществу злые, враждебные и тревожные, то духовная атмосфера наполняется вредными, разлагающими элементами; наоборот, мысли активно-добрые и благородные создают благоприятные условия для дружной общественной работы. Мысли несут в себе или зачатки разрушения, или помощь человечеству, смотря по тому, что двигает нашим сознанием.

Большинство людей думает так или иначе не потому, что они сделали оценку тому или другому общественному явлению в глубине своей совести, а потому, что толпа думает так. Наиболее сильные умы создают определенные мыслеобразы, а более слабые воспринимают их. Ум толпы заражается вибрациями этих немногих, умеющих думать сильно и определенно, и созданные ими волны мыслей усиливаются по мере того, как воспроизводятся в тысячах умов, и они-то и создают общественное мнение.

От постоянных повторений однородных мыслей возникают глубоко обозначенные линии в умах большинства, которые и определяют характер эпохи.

Неизмеримо важный жизненный смысл этого факта, если он ясно усвоен, должен вызвать в людях чувство глубокой ответственности за никому невидимую работу их мыслей, чувств и воли.

Излагать в коротком письме учение “Древней Мудрости” о вибрациях мысли и о том, как они влияют на судьбу человечества, невозможно; учения эти подробно разработаны в теософской литературе и доступны всем, кто желает познакомиться с ними¹. Мне хотелось лишь дать несколько указаний моим читателям на факт передачи мыслей и чувств от мозга к мозгу, от нервной системы к нервной системе, а также на возможность охранить свой мозг от непрестанно бьющих в него волн чужих мыслей.

Основной закон, по которому вибрации чужих мыслей легко воспринимаются другим мозгом, коренится в сходстве вибраций у посылающего и у воспринимающего мысль. Дурно настроенный ум будет легко воспринимать злые вибрации и беспрепятственно развиваться в дурном направлении. Точно так же и праздный, смутно, непоследовательно работающий ум есть открытое поле для всевозможных воздействий со стороны.

Для того чтобы создать прочный оплот против несущихся на нас со всех сторон заряженных всевозможными страстями и желаниями мыслей, нужно научиться думать по определенным линиям, выработать собственное мирозерцание, поставить перед своей душой ясный идеал, способный вдохновлять и вести вперед.

Каждая чужая мысль и каждое чувство, не соответствующее обычным вибрациям вашей мысли и вашего чувства, будут отброшены от вас так же, как высокий звук отбрасывается без следа от струны, способной звучать лишь низкими тонами.

Если человек думает и чувствует правдиво, лживые мысли не вызовут в нем ответных вибраций и не проникнут в него; если душа его настроена любовно, мысли ненависти и злобы пронесутся мимо нее, не причинив ей вреда; если желания его благородны, низменные желания не затронут его. Беззащитность человека против чужих мыслей и чувств кончается, как только он начинает вырабатывать свой духовный мир сознательно,

как только внутренняя культура души принимает ясные, связанные между собой и обоснованные линии.

Ради этой цели нужно не уставая оберегать свою душу от случайных влияний и растить и укреплять в ней духовную красоту. И тогда наш внутренний сад расцветет и благоухание от его цветов освежит и оздоровит окружающую нас духовную атмосферу.

В особенности в нашу эпоху перелома и переоценки всей жизни, когда прокладываются новые линии общественного сознания, неизмеримо важна такая внутренняя культура. Ведь именно мы, развитые и образованные, создаем эти линии, и мы же будем ответственны за то, будет ли в них правда и красота, или же они поведут наш народ к новым бедствиям и к новому духовному рабству.

Кроме внутренней культуры, наш ум оберегается от дурных влияний чужих мыслей и общением с благородными умами, как в жизни, так и в книгах. Книги — это кристаллизованные токи мыслей; прикасаясь к уму ученика, они оживают и действуют на него так же, как и несущиеся на него живые вибрации.

Вот почему для человека, знающего всю силу и значение невидимого творчества мысли, так тяжело и жутко видеть распространение дурных книг.

Когда проходишь по улицам, мимо окон книжных лавок и мимо столиков, наполненных раздражающей мозг и нервы литературой о похождениях разных сыщиков, будящей в молодых людях нехорошие инстинкты охоты за двуногим зверем, или видишь порнографию во всех видах, разжигающую самую низменную чувственность, становится больно и страшно. Видишь внутренним зрением, как затаптываются душистые цветы в молодых душах, как грязнится свежая красота невидимого сада...

И невольно вырывается полный тревоги вопрос: каковы те вибрации и токи, которые выбрасываются в наше безмерно тревожное и безмерно важное время душою русского народа, и какие очертания его будущей судьбы слагаются из этих вибраций и токов, невидимых для нас и лишь смутно ощущаемых всеми.

1910 г.

Часть X. Значение земной жизни для эволюции человека

“Можно ли назвать жизнь сном?” — спрашивает один из читателей. Откуда произошло это сравнение: “жизнь есть сон”, и есть ли в нем смысл?

По мере того как наше сознание растет и крылья нашей мысли, окрепнув, поднимают нас от земных низин в широкое приволье мировых пространств, все явления приобретают новый смысл и объем, и тогда становится ясно, что истина не дается людям, потому что они подходят к ней с разных сторон и каждый видит ее по-своему: одному она кажется городом, другому — высокой горой, а третьему — лесом дремучим, как картинно выражается Лев Николаевич Толстой в своей “Песне о Правде”.

“Является ли жизнь сном?” Если этот вопрос будет разрешать человек, ярко живущий одними земными переживаниями, сильно ощущающий свою физическую природу и связанные с нею резкие чувственные вибрации, который весь отдается своим страстям и в Темных наслаждениях находит удовлетворение, то для него эта жизнь — не только не сон, но единственная доступная ему реальность.

Но если на тот же вопрос нам будет отвечать философ, мы сразу увидим, что фокус его внимания устремлен не на яркие физические видимости, а на непрочность земных явлений, на мимолетность самых острых и сильных переживаний. Ему бросается в глаза, как невозможно — несмотря на самое пламенное желание — удержать земную радость неизменной хотя бы на один лишний час; он видит, с какой легкостью земное счастье переходит в раздирающую горе, как равнодушно косит смерть и старость, и очаровательную юность, как беспощадно разрушается самое дорогое для сердца человеческого...

Весь этот пестрый, бурный поток жизни проносится перед сознанием философа, и он думает, что жизнь есть иллюзия, майя.

Иначе ответит на этот же вопрос ученый-материалист, и еще иначе — мистик.

Для первого в переходе одних форм в другие и заключается цель бытия, в неустанном творчестве природы и в беспредельном совершенствовании ее методов он видит смысл и оправдание сложных явлений мировой драмы, для него жизнь — не сон, а лаборатория.

Для мистика сравнение земной жизни со сновидением должно быть особенно выразительно, потому что для него реальность физических переживаний является уже бедной, грубой и тусклой в сравнении с огненной, неимоверно сильной и быстро вибрирующей духовной жизнью.

И непрестанно на огненных розах

Живой алтарь мирозданья курится;

В его дыму, как в творческих грезах,

Вся сила дрожит и вся вечность таится.

И все, что мчится по безднам эфира,

И каждый луч, плотский и бесплотный,

Твой только отблеск, о Сердце мира,

И только сон, только сон мимолетный.

В этой картине в душе поэта отразилась та же жизнь, которая для непробужденной души постижима лишь в медленных процессах земного существования, и отразилась она так необычайно, потому что он соприкоснулся с жизнью духа и оттого постиг бесконечно более, нежели может вместить наше земное сознание.

Как же решает этот вопрос теософия? Если ее последователи правы и ее учения на самом деле охватывают в стройном синтезе все сложные явления мировой жизни, то и на этот вопрос она должна дать полный ответ. И она его дает.

На все вопросы, которые ставятся сознанием, теософия дает ответы, заключающие в себе все ступени понимания как светского человека, так и мудреца, как ученого, так и мистика. Иначе и быть не может: наука духа должна рассматривать явления сверху, в широкой перспективе, видеть их со всех сторон, и не в виде оборванных клочков, а в непрерывающейся взаимной связи, как текущий момент в великом круговороте жизни,

где все имеет свою цель и свои причины.

Вот почему теософия может согласиться и с мистиком, все внимание которого устремлено на неизменное и вечное, вследствие чего постоянно меняющийся калейдоскоп пестрой земной жизни и должен представляться ему как “мимолетный сон”; но точно так же она может согласиться и с ученым, внимание которого сосредоточено на процессах творчества, когда он сравнивает мировую жизнь с “лабораторией”; и в то же время всем опытам земной жизни, всем разнообразным переживаниям человека на земле теософия придает такое решающее, такое ничем незаменимое значение, какого мы не встретим даже у самых ярых приверженцев земной жизни, видящих в ней и начало, и конец всего.

Теософия знает, что земное существование человека не есть начало его жизни и ее конец, но ступень, на которой творятся самые важные из всех процессов человеческой души: пробуждение и раскрытие всех скрытых в ней свойств и возникновение — путем столкновения этих свойств с объективным миром — определенной индивидуальности.

Нужно не забывать, что теософия строго различает преходящую личность (данное воплощение) и бессмертную индивидуальность, которая не только неразрушима, но именно в ней, в ее свободном развитии и в ее законченной красоте заключается вся скрытая цель непрестанного мирового творчества.

Напомню читателям в нескольких словах учение теософии об эволюции человеческой души: основа души — божественна; в ней скрыты возможности всего совершенства, но проявить эти возможности должен сам человек, самостоятельно и свободно.

Для этого дано поле — земная жизнь; все ее столкновения и вся борьба, все радости и страдания существуют только для того, чтобы пробудить к жизни и развить скрытые силы человека. Земные переживания имеют совершенно такое же отношение к росту души, какое имеют почва, влага и свет к развитию совершенного растения. Как из невидимой точки зерна получается могучее дерево с тысячами ветвей и миллионами листьев, так из зачаточного сознания младенческой души должен развиться Совершенный Человек.

Путь этот так велик, работа сознания так необъятна и сложна, что загадка Человека до сих пор остается самой трудной из всех тайн бытия. Теософия разрешает ее учением о многочисленных существованиях человека на земле все в новых, постепенно усложняющихся условиях. Именно в этом учении, если его понять до конца, и выясняется все великое, ничем незаменимое значение земных переживаний для развития сознания и для роста души. Все, что мы испытываем на земле, вызывает тот или другой ответ в нашей душе: эти ответы и питают наше сознание, они и составляют сложный рисунок нашего характера.

Каждый человек, заканчивая свой земной путь, несет в недрах своей души особую добычу — результат всех мыслей, чувств, эмоций и желаний, которые были вызваны из его внутренней сути всеми земными переживаниями. В посмертном существовании вся эта добыча претворяется в индивидуальные качества и свойства, но собираться она может только на земле, и отсюда — великое значение земной жизни.

Каждый раз, когда человек воплощается снова, он проходит через новый опыт, и, благодаря этому опыту, в нем развивается и новая сторона сознания. Таким образом, не весь человек, не все его сознание проявляется в каждом отдельном воплощении, а лишь часть его.

Некоторые ученые начинают все ближе подходить к этому факту. Одни догадываются, что поле нашего сознания несравненно шире той частицы, которая проявляется через мозг. В одной из своих лекций профессор Лодж сравнивает работу человеческого сознания с работой амебы: амеба выбрасывает часть своего тела, нечто вроде руки, схватывает пищу и вновь втягивает ее в свое тело и так далее, бесчисленное число раз; благодаря этому амеба растет.

Профессора Лоджа поражает аналогия между работой амебы и работой человеческого сознания: вытянутый член амебы — личное сознание человека на земле, втянутая пища — результат всего земного опыта, вся амеба — весь человек, все поле сознания, вырастающее из многочисленных сознаний того же человека, много раз возвращавшегося на землю.

В этом сравнении много верного, и оно ярко подтверждает, что, несмотря на бесконечное разнообразие творчества, основные законы, по которым оно совершается, одни и те же как для инфузории, так и для человека, как для капли воды, так и для всей Вселенной.

Как же ответит теософ на вопрос: “Сон ли жизнь”? Он ответит, что, хотя все явления земной жизни и временны, все же эта жизнь является решающей для развития человека, и чем она полнее, активнее и деятельнее, чем совершеннее выполняются все ее задачи, тем значительнее будет тот драгоценный опыт, из которого складываются очертания внутреннего человека, его бессмертная индивидуальность.

Чем сильнее человек живет, тем быстрее совершается рост его души.

Как же объяснить в таком случае подвижничество, удаление от мира? Ведь среди подвижников были люди с великой душой? Несомненно. Однако это — временная ступень; великий подвижник может явиться в следующем воплощении великим деятелем. Его временное удаление в бездействие могло быть потребностью большой души победить свою низшую природу сразу либо желанием в непрестанной сосредоточенной молитве духовно помогать грешному миру. Все великие Учителя человечества действовали в мире и посвящали себя служению миру.

Ясное понимание учения о перевоплощении приводит к факту чрезвычайной важности: деятельное и возможно совершенное выполнение всех задач земной жизни, до конца исполненный долг — вот что совпадает с внутренним прогрессом человека.

На Западе идея долга отодвинута на задний план; древний Восток был мудрее и выдвигал долг как центральную идею общественной и личной этики. Но там эта идея выражала не произвольную мораль, а космический закон, нарушение которого замедляет развитие человека.

Карма, или долг каждого, создавалась самим человеком в прежних воплощениях; в совершенстве выполнять этот долг — означает работать в гармонии с законами Вселенной; наоборот, уклонение от долга или ленивое его выполнение приводит к нарушению этих законов. “Человек достигает совершенства, упорно выполняя свой долг (карму)”, — говорит Кришна в “Бхагавадгите” (XVIII, 45).

1910 г.

Часть XI. Влияние космических вибраций

Человеческий ум полон предрассудков. Люди слишком заняты внешними делами, чтобы остановиться в молчании, погасить на минуту свои тревожные вибрации и взглянуть в глубину пестрого потока жизни.

А между тем, если бы они это сделали, не мало ходячих мнений заменилось бы новыми, многие “общепризнанные истины” оказались бы предрассудками и много такого, что считалось “бредом идеалистов”, оказалось бы глубокой истиной.

Один из ходячих предрассудков — “жестокая”, “бездушная” природа... И что “ей нет дела до страданий”, что она “беспощадно разрушает и бесстрастно творит”, словно природа существует сама по себе, а мы — вне ее.

Все эти ходячие мысли сложились благодаря тому же греху обособления, который искажает в нашем сознании всякую истину. Мы отрываем себя от целого, отрезаем все бесчисленные нити, которые связывают нас с остальным живым миром, и, нарушив таким образом в самом начале нашего анализа главный закон жизни, начинаем делать наши самоуверенные выводы.

Столько же логики было бы в рассуждениях крошечного кровавого шарика, если бы он, выскочив из вашего тела, стал утверждать, будто вы необыкновенно жестоки. Он делал бы выводы из нескольких наблюдений, собранных в крошечной сфере, непосредственно его окружающей; чтобы подойти к истинному смыслу своей жизни и верно понять ее явления, ему нужно было бы охватить жизнь всего вашего организма и затем уже определить свою роль в круговороте совершающихся в нем процессов.

Наши расхожие представления о человеческой и мировой жизни недалеко ушли от представлений кровавого шарика: мы схватываем видимость без ее содержания, определяем следствие, не узнав его причин, выхватываем одно звено из целой цепи явлений и воображаем, что наши выводы могут быть верны. Это — смелость, если хотите, но такая смелость уменьшается пропорционально с расширением внутренних горизонтов.

Одно из великих свойств теософии в том и состоит, что она помогает нам расширить наши внутренние горизонты. Приобщившийся к ее мудрости уже не будет считать природу “бездушной”, “жестокой”, каким-то Молохом, приносящим своих детей в жертву бесцельному механическому творчеству.

Он увидит в ней единый живой организм, в котором все процессы взаимно связаны между собой и все ведут к одной общей великой цели, временно закрытой от нас и лишь в редкие минуты вдохновения молниеносно озаряющей наиболее чутких из нас, — организм, одушевленный единою жизнью Бога, в которой все мы принимаем более или менее деятельное участие. Это воззрение не только шире и жизненнее ходячего представления, но оно и несравненно разумнее.

Возьмем еще одно общепринятое выражение: “Жизнь есть борьба за существование”, выживает лишь сильный, свирепый, пожирающий других... Наша мысль так закристаллизовалась в этом предрассудке, что мы даже не умеем думать в другом направлении, мы не умеем наблюдать явления иного порядка, которые опрокидывают привычную для нас формулу.

Помню, как несколько лет тому назад профессор-почвовед, если не ошибаюсь, Докучаев, произвел ошеломляющее впечатление на аудиторию, начав свою лекцию о почве с того, что вся ее жизнь основана на законе... не “борьбы за существование”, а на законе...

любви!

Все в природе живет благодаря взаимопомощи, все взаимно поддерживается и питается, одно подготавливает условия для существования другого, это другое, в свою очередь, жертвует собою, чтобы сделать возможным жизнь для нового ряда организмов. Возьмите кучу навоза. Бактериолог знает, какая кипучая и сложная жизнь происходит в этой куче, как в ней зарождается один вид бактерий, все назначение которых в том, чтобы приготовить благоприятные условия для существования другого вида, а у этого другого вида, в свою очередь, деятельность направлена на то, чтобы подготовить почву для успешного произрастания хлебных растений.

Если смотреть на природу с этой точки зрения, проникнув в глубокую связь, существующую между нашими только с виду отдельными телами и великим телом природы, многое раскроется перед нами нового и чудесного.

Я пишу это письмо в разгаре лета, когда все, для кого это возможно, перекочевали поближе к лесам и лугам. Дачи, усадьбы, курорты — все наполнилось людьми, стремящимися отдохнуть, набраться новых сил или полечиться. Их тянет соприкоснуться на просторе с космическими силами природы, напитать свое захиревшее в больших городах тело лучами солнца, свежим дуновением чистого воздуха, здоровыми излучениями трав и лесов.

Новая наука, названная “биометрией”, исследующая хорошие и дурные, здоровые и больные магнетические токи, которые излучаются человеческим организмом, иначе, его ауру здоровья, должна открыть новую эпоху в области гигиены и врачебного искусства.

До сих пор европейская медицина шла ощупью; в ее распоряжении были лишь самые грубые показатели нарушенного здоровья, вроде белого языка, горячей кожи, неправильного биения сердца и так далее; но лишь только дело касалось более тонких явлений нервной системы и всех расстройств, которые зависят от ослабления невидимой работы жизнестилы человека, его “праны”, медицина становилась в тупик.

А между тем есть множество указаний на то, что в древности лечебные методы были несравненно тоньше, что они действовали непосредственно на укрепление и регулирование жизнестилы человека, которая для ясновидящего совершенно определенно выражалась в “ауре здоровья”: у нормального человека ее излучения идут под прямым углом относительно поверхности тела, у больного же они понижаются, и это находится в полной зависимости от степени обмена между космической, от солнца идущей жизнестилой и человеческим организмом, расцветающим, когда обмен этот энергичен, и понижающимся, когда он происходит вяло и слабо.

Когда наше врачебное искусство узнает об этом, пока еще “окультурном”, воздействии космических излучений солнца, воды, воздуха и земли на организм человека, произойдет переворот в педагогической и общественной гигиене, который заставит изменить весь наш искусственный строй жизни и вызовет потребность расселиться из больших городов в небольшие поселки, окруженные здоровым излучением трав и лесов. Правда, об этом воздействии некоторые врачи уже начали догадываться, уже возникают так называемые Naturheilstätten (“лечебницы природой”), вроде Кнейповской или лечебницы Ламана около Дрездена, Но все это лишь частичные попытки, плохо обоснованные и убедительные только для того, кто на самом себе испытал магическое влияние космических сил.

С одной из таких “лечебниц природой”, распрямляющих поникшую “ауру” человека и обогащающих его “прану”, мне хочется познакомить моих читателей и рассказать, как интересно она возникла.

Дело происходило приблизительно в 30-х годах прошлого столетия в одной из славянских провинций Австрии, в южных Альпах, в очаровательном местечке, где среди горных трав звенят кристальные ручьи, где голубое, как бирюза, и прозрачное, как стекло, озеро отражает облака и звезды юга, где солнечные закаты представляют целую симфонию чудных красок, от нежно-розовой трепетной игры до пламенно-алеющих снопов света, которыми заходящее светило зажигает белизну снеговых вершин.

Среди этой красоты рос мальчик, нужно думать, что на полной свободе, иначе ему не удалось бы сделать свое открытие. Взбираясь, как дикая коза, по горам, мальчик любил открывать новые уголки и, когда утомлялся, любил ложиться на открытой полянке под горячие лучи вблизи журчащего ручья. Полежав так на припеке, обливаясь потом и насквозь прогретый солнцем, он затем бросался в ручей, сильно растирал свое разгоряченное тело, быстро остывавшее в холодной воде, и потом босиком, с обнаженной головой, шел дальше по горным тропинкам разыскивать новые уголки.

Проделав много таких солнечных ванн и водяных массажей, мальчик почувствовал настолько необычайный прилив жизненных сил, что сообщил об этом своим товарищам, которые под его руководством начали тоже поджариваться на солнце и растираться в ручье.

Через много лет эти детские опыты вызвали у выросшего Рикли решение основать “природолечебницу” в Вельдесе¹, где на берегу хрустального горного озера выстроился небольшой поселок из деревянных домиков с тремя стенами и покатой крышей; передней стены у них нет совсем, что дает возможность больным не только днем, но и ночью купаться в волнах бархатного горного воздуха.

Когда я узнала — это было лет семь назад — старика Рикли, теперь уже умершего, и услышала его рассказы о том, как еще в детстве у него возник весь его лечебный план, он был уже 80-летним стариком, но крепким, как дуб, и бодрым, как юноша; когда, бывало, встретишь его в горах с длинной альпийской палкой, необыкновенно высокого и сухого, почерневшего от солнца и ветра, со свободно развевающимися седыми волосами, с жилистыми, До колен обнаженными ногами, невольно вспоминался горный дух.

Девизом его лечения природой были три следующие предписания: Да врачует тебя свет. Да очистит тебя вода. Да укрепит тебя воздух! Вся система его лечения — это буквальное подражание его детским поджариваниям на солнце и купаниям в ручьях: утром больные в течение двух-трех часов принимают воздушные ванны в огороженном парке, гуляя, делая гимнастику, играя в разные игры почти без всякой одежды; среди дня их укладывают на покатую крышу, причем только одна голова остается в тени, а все обнаженное тело предоставляется достаточно жгучим прикосновениям солнечных лучей; затем на том же припеке разгоряченное тело заворачивают в байковое одеяло и начинается сильнейшее потение; после этого — энергичный массаж всего тела в прохладной ванне, обливание свежей водой, и... пациент отправляется босиком с обнаженной головой “побегать” по горным тропинкам.

Надо признаться, что режим довольно жестокий для малокровных горожан, и если прибавить к этому вегетарианскую диету с преобладанием фруктов, то можно себе

представить, какому сильному обновлению подвергается весь организм, как он насквозь пронизывается космическими вибрациями солнца, земли, воды и воздуха!

Забавно было смотреть на восхищенное изумление какого-нибудь пожилого профессора или переутомленного чиновника, которые после четырех недель такого режима рассказывали про свои ощущения, про потребность резвиться в огороженном эдеме, где старички взапуски с юношами играют в футбол и участвуют в бегах и различных состязаниях! Им самим казалось чудом, что привычное раздражительное и угрюмое настроение преобразуется в жизнерадостное, успокоенное и бодрое.

А между тем иначе быть и не могло: вибрации света, воздуха и земли, в которых свободно купается обнаженное тело, развивают в нем сильные гармоничные токи, обогащенная прана усиливает обмен веществ, и весь физический аппарат человека делается более совершенным проводником оздоравливающих космических влияний.

Трудно себе представить, до какого вырождения дошло бы население больших городов, если бы оно — от времени до времени — не обновляло свой увядающий организм в сильных, свежих и чистых вибрациях природы!

Придет время, когда общественное сознание поставит во главе своих нравственных обязательств воспитание детей среди здоровых вибраций природы, но это — впереди, а теперь только еще занимается сознание относительной важности этих тонких, невидимых вещей.

О “скоплении психофизических эманаций” начинают уже заговаривать на страницах академического медицинского журнала. Эманации эти — факт природы. Но мало еще признать этот факт, необходимо проследить его источник, понять его значение в экономии природы и разумно использовать его, если он полезен, и устранить — если он окажется вредным.

Если бы только врачи, педагоги и общественные деятели, все, кто двигает жизнь вперед, поняли, что “эманации природы” хороши и целебны только потому, что душа природы не нарушает божественных законов, что только оттого ее свежие, могучие дуновения действуют на нас с такой животворящей силой!

Если бы врачи и педагоги ясно осознали, до чего бесполезны все лекарства и внешние правила, пока люди будут считать в порядке вещей постоянное нарушение божественного закона единства и любви во всех областях своей сложной общественной жизни! И лишь тогда, когда этот закон будет признан руководящим для истинно человеческого существования, займется заря новой общественности, построенной не на борьбе и насилии, а на взаимопомощи и любви.

1910 г.

Часть XII. Круговорот жизни

Всесторонне развить человеческую личность и заложить в человеке глубокое, тщательно обоснованное идеалистическое мирозерцание — значит гарантировать для него устойчивость в самые трудные минуты жизни и в смысле физического здоровья.

Профессор Яроцкий

Приведенные слова получают совершенно особое значение, когда читатель узнает, что их

написал ученый, врач, профессор патологии и терапии. Книга профессора Яроцкого “Идеализм как физиологический фактор” (Юрьев, 1908 г.), из которой взяты приведенные строки, рассматривает болезни и их лечение с точки зрения единственно правильной и приемлемой для теософа, но совершенно необычной для европейской науки. Профессор ставит физическое здоровье человека в тесную связь с его стремлением к идеалу, с поднятием нравственного уровня, с развитием высших сторон его душевной жизни.

Было бы великим благом для современного человечества, если бы подобные идеи широко распространились в сердцах людей и легли в основание всех новых систем общественного строя.

И это будет, потому что материалистическое воззрение на человека и его природу сыграло свою роль и не может уже удовлетворять растущее сознание. Скажем мимоходом, что это нисколько не умаляет значения великих приобретений материалистической науки, которая была необходима для развития точных приемов анализа. Никто не знает яснее теософа, что нет ничего лишнего и ненужного в мире явлений, что все истекает из важных причин, недоступных нам только из-за того, что зрение наше далеко еще не “орлиное”; поэтому он стремится вникать с одинаковой вдумчивостью и в то, что ему нравится, и в то, что не нравится.

Истекшее столетие с его расцветом материалистической науки сделало важную работу для будущего, и ошибка материалистов состоит не в оценке значения этой работы, а в односторонности, в том, что они не видят духовной стороны живых явлений. Не видят, потому что хотят понять жизнь, рассматривая ее только на одной физической плоскости.

Попробуйте узнать направление бегущих кораблей, оставаясь на берегу; не пройдет и нескольких минут, как они исчезнут из ваших глаз. Но стоит подняться на значительную высоту над их движением, наблюдая за ними с иной плоскости, и нам станет ясно и их направление, и гавани, куда они ведут свой рейс.

Материалист — если ему попадет мое письмо — может возразить: мне и не нужно самому видеть корабли, у меня есть наука, беспроволочный телеграф, точные географические сведения, и я, оставаясь и на берегу, буду знать, что этот корабль идет в Смирну, а тот — в Японию.

Да, это было бы верно, если бы все грани сложной жизни умещались в одной физической плоскости и движение жизни происходило по точным вычислениям механики. Но этого нет: налетит неожиданно буря, потопит корабль со всеми телеграфными аппаратами, либо жестокость капитана вызовет взрыв злобы среди матросов, они разделаются с ним и повернут курс корабля в совершенно другом направлении.

Преимущество идеалистического понимания жизни в том и состоит, что оно стремится подняться над миром проявленных явлений, чтобы охватить их общий смысл. Но, не имея истинного ключа к тайне жизни и смерти, идеализм строит гипотезы за гипотезами, а коренной вопрос: в каком же истинном отношении стоит дух к телу и тело к духу? — остается и по сие время не решенным.

Ключом этим не могла обладать ни спекулятивная философия, имевшая дело с одними лишь идеями, ни материалистическая наука, исследовавшая одни только формы; им может овладеть только та система знаний, которая совместит оба полюса жизни в одном объединяющем синтезе. Такая система существовала уже в глубокой древности: в наше время она же дается нам под именем теософии и уже потому должна заслуживать

внимания ученых и мыслителей, что, несмотря на глубокую древность своего происхождения, в состоянии удовлетворить самым передовым требованиям нашего времени, нисколько не противореча и самым последним выводам науки.

Согласно учению теософии, человеческая жизнь протекает одновременно в трех мирах: физическом, астральном и ментальном, и из взаимодействия этих миров создаются те сложные явления земной жизни, которые мы называем благополучием и бедствием, процветанием и упадком, здоровьем и вырождением народов.

Иногда теософию называют Наукой Духа; и она имеет право на это, ибо земная жизнь, по Науке Духа, дается человеку как поле разнообразных опытов, благодаря которым развиваются все стороны его сложного сознания: и ум, и сердце, и совесть. На земле зарождаются причины всего совершающегося, в астральном мире созревают последствия этих причин; в ментальном мире все активные усилия человека претворяются в непреходящие качества, а когда человек снова возвращается на землю, чтобы на высшей ступени эволюции выявлять новые стороны своего сложного сознания, эти же усилия выражаются в виде прирожденных способностей и талантов.

Этот круговорот жизни и смерти продолжается до тех пор, пока человек не научится всему, чему можно научиться в земных условиях существования.

В тяжелые эпохи, подобные переживаемой нами, когда эгоизм и несправедливость одних классов общества вызывают взрывы озлобления и ненависти у других, последствия такого настроения не исчерпываются теми явлениями, которые мы можем наблюдать вокруг себя; кроме этих видимых последствий, созревают и другие последствия, невидимые для нас, но тем не менее реальные и полные огромного значения для будущего народов.

Они создаются теми бесчисленными вибрациями ненависти, зависти, страха и отчаяния, которые несутся от смятенного человечества в потусторонний мир¹ и порождают там условия, при которых возникают прототипы всевозможных заразных бацилл. Возникая от столкновения потрясающих вибраций человеческих злых страстей, этот невидимый посев ожидает только благоприятных условий, чтобы наброситься на землю и воплотиться в ней в виде чумных, тифозных, холерных и других бацилл.

Таков истинный круговорот жизни: мирная культурная работа вызывает гармоничные условия в потустороннем мире, которые, со своей стороны, отзываются благими последствиями на земном существовании человека; и наоборот, насилие и злоба производят страшные пертурбации в потустороннем мире, а эти последние, в свою очередь, вызывают всевозможные бедствия на земле.

Приняв только одно это положение теософии, мы уже получим незыблемую основу для первенствующего значения нравственности в жизни народов.

Этот закон взаимодействия, вызывая в сознании неизбежный круг видимых причин и невидимых последствий, устанавливает как безусловную необходимость, без которой невозможен истинный прогресс и неизбежны народные бедствия, культуру всех благородных свойств человеческой души, всех ее добрых качеств, без которых никогда не водворится “мир и благоволение” на земле.

Ступени духовной эволюции, которой достиг народ, его физическая наследственность и его карма — вот три основы, на которых строятся судьбы народов и которые диктуют то мрачные, то светлые страницы исторических летописей. Все они создаются самими

людьми и не могут быть ничем и никем изменены, кроме самих людей, кроме индивидуальных и коллективных усилий свободной человеческой воли.

Когда какой-нибудь народ бедствует духовно и физически, первоначальный источник этих бедствий кроется в его собственных отрицательных свойствах и в погрешностях его исторического творчества. Если эти свойства таковы, что тормозят поступательное движение жизни, они создадут карму отсталого народа, бедного среди природных богатств, слабого, несмотря на свою численность, нуждающегося в сильных толчках извне, которые будили бы и подгоняли его вперед.

С другой стороны, если проанализировать те положительные качества народной души, которые ведут человечество к истинному прогрессу, то все они сводятся к соблюдению основных этических законов, которые давали людям во все времена великие мировые религии. Живя сообразно с этими законами, народ творит добрую карму, готовит себе светлое будущее и вместе с тем вызывает оздоровление своей физической наследственности.

Из этого видно, что “карма” не есть нечто фатальное, не поддающееся изменению. Это — живой процесс человеческого творчества, всегда готовый видоизмениться под влиянием добрых усилий человека. Возьмем пример из жизни современной Англии. Чудовищное накопление богатства в руках немногих лордов в ущерб обезземеленному сельскому населению породило страшные картины преступности, болезней и смертности детей в трущобах больших городов Англии, описанию которых посвящены столь потрясающие страницы в старинных английских романах.

Но за последние десятилетия парламентские деятели Англии создали законодательным путем целый ряд широких общественных мероприятий, и трущобы, со всеми их ужасами, начали исчезать с лица земли.

Несколько лет тому назад, когда я была в Лондоне, последние остатки узкой трущобной улицы времен Диккенса срывали при мне до основания, чтобы дать место широкому проспекту; кроме этих разрушаемых домов, я так и не нашла тех мрачных трущоб, о которых читала, но зато собственными глазами видела чудную общественную купальню для жителей беднейшего из всех кварталов Лондона с проведенной за десятки верст из Темзы водой, проточной и нагретой, и рядом с этим — множество лавочек с казенной продажей по дешевой цене молока для детей бедняков с муниципальных ферм.

Такая деятельность уничтожает благоприятные условия для проявления ранее созданной дурной кармы и сильно смягчает ее последствия. Таким образом, разумная и добрая деятельность руководящих классов гасит злую Карму народа и создает благоприятные условия для его здорового и успешного развития.

Если перейти к влиянию душевных процессов отдельного человека на его здоровье, мы увидим, что выводы профессора Яроцкого во многом совпадают с учением теософии.

В сознании большинства современного образованного общества и по сие время преобладает материалистическое воззрение на гигиену души и тела. Большинство современных врачей и даже родителей отождествляет самого человека с его телом, и отсюда происходит односторонняя культура тела, чрезмерное холение и лелеяние его, неправильное воспитание ребенка, “упитывание” его, фиксирование его внимания на физическом самочувствии в ущерб душевным качествам, которые, вследствие этого, отодвигаются на задний план.

Результат — понижение всего уровня человеческой жизни и развитие самого низменного эгоизма, готового жертвовать всем ради личного удовлетворения. Можно считать аксиомой, что культура тела без культуры души ведет к эгоизму, эгоизм — к ограничению сознания, а узкий кругозор — самый сильный тормоз для развития человека.

Идеалистически настроенные люди проявляют другую крайность: не считаясь с требованиями физического здоровья, они изнуряют себя чрезмерным напряжением и часто надрыдают свои силы. Обе крайности одинаково далеки от правильной культуры всего человека.

По учению теософии, тело есть проводник духа, и его следует развивать, никогда не делая из его самочувствия цели жизни, но не забывая, что чем здоровее и совершеннее проводник, тем легче и полнее могут через него проявляться все стороны человеческого духа.

Здоровье и прочность физического организма достигаются не мясным режимом и не врачебной гимнастикой, а правильной культурой духа, естественными последствиями которой является верно направленная воля, физическое воздержание и гармония душевной жизни.

Под влиянием такой культуры строится гибкий и устойчивый организм с большой работоспособностью и тонкой восприимчивостью. Восточные йоги, обладающие совершенно невероятной для европейца властью над своим организмом, достигают этой власти соблюдением строгой дисциплины души и тела, которую можно свести к трем главным задачам: расширению сознания, культуре эмоций и очищению тела.

Европейцу трудно даже представить себе ту могучую силу, с которой йог владеет своей природой, телом, эмоциями и страстями. Напомню читателям пример, приведенный мною в одном из предыдущих писем, пример самообладания даже не йога, а образованного индуса из касты брахманов, который не захотел принять хлороформ во время мучительной операции, утверждая, что он в нем не нуждается, и он действительно не чувствовал боли благодаря тому, что он устремил свое внутреннее внимание на определенный объект. Благодаря власти над своим телом йог добивается такой устойчивости и такой силы сопротивления, что можно, не преувеличивая, утверждать, что йог никогда не хворает и что его жизнь удлиняется до размеров, которые вызвали даже легенды о бессмертии йогов.

Чем же достигаются такие результаты? Психологические методы, применявшиеся древними “посвященными” на Востоке, непригодны для людей слабых и легкомысленных, но они совершенно доступны для того, кто твердо решил стать хозяином своего тела и собственной судьбы. Здесь все сводится к выдержке, самообладанию, терпению и мужеству.

Душевная культура йога достигается: устремлением внимания на вечное и равнодушием к преходящему; строгим контролем над своими мыслями, эмоциями и поступками; широкой терпимостью; верностью идеалу и верой в свое божественное происхождение; развитием всех видов терпения; достижением совершенного внутреннего равновесия.

Душа, по любимому выражению индусов, должна стать подобной тихому горному озеру, без малейшего дуновения страстей, которые мешают отражать истину.

Физическая гигиена йога состоит из растительной пищи, для питья употребляется чистая

вода и молоко, в пище и питье — ничего раздражающего и способного возбуждать. Строгое воздержание во всем, неизменный ритм ежедневной жизни, правильное чередование труда и отдыха, бодрствования и сна.

Можно согласиться с тем, что такая дисциплина трудно выполнима в наших шумных городах с их искусственной жизнью, устремленной на пустяки, и с их лихорадочной деятельностью. Все современные условия ведут к тому, чтобы развить неуравновешенных, болезненных и эгоистичных людей с вечно меняющимися настроениями.

Но это — явление переходное. Будущность — за сильными, уравновешенными, победившими свою низшую природу, способными на самопожертвование.

И человек, желающий участвовать в творчестве грядущего, должен стремиться к такой силе и к такой победе и оставаться при этом чутким ко всем многообразным интересам усложнившейся общечеловеческой жизни. Потому что будущая человеческая раса совместит в себе все лучшие качества Востока и Запада: многосторонность творчества, острый анализ европейца и его яркая индивидуальность сольются с самообладанием, уравновешенностью, широким синтезом и стремлением к единству восточного мудреца.

Если читатель спросит меня, знаю ли я людей, приближающихся к такому совершенству, то я могу ответить твердо: да, знаю, и прибавлю, что красота человека будущей расы настолько велика по сравнению с несовершенствами современного человека, что нет таких усилий и нет таких жертв, которые не стоило бы принести для достижения этой красоты.

Профессор Яроцкий, по-видимому, знает это и знает, что нет более могучего средства борьбы с болезнями, как сильный дух, вполне овладевший своей низшей природой, и что единственный архитектор, способный построить действительно здоровое, выносливое, не поддающееся болезням тело — это поднявшаяся над эгоизмом, благородная и сильная в активном добре душа человека.

Если книга профессора Яроцкого — знамение времени и его идеи перейдут в сознание большинства образованных людей, это будет зарею обновленной жизни на земле, фундаментом для новой общественной этики, бесконечно более совершенной и гуманной, нежели этика отживающего строя современной жизни.

Часть XIII. Эволюция человека

Всестороннее развитие человека и его слияние с природой должно длиться до тех пор, пока руки его не будут в состоянии соприкоснуться со звездами, глаза его не будут видеть сквозь землю, уши его не будут понимать язык зверей и птиц, и, благодаря развитию его способности сочувствия, небо и земля не будут беседовать с ним.

Эмерсон

Говоря об эволюции земных существ, д-р Штайнер нарисовал такую картину: “Когда земля была окружена холодными туманами, настолько густыми, что солнечный свет не проникал сквозь их покров и тьма стояла над землею, живые существа плавали среди этих туманов, передвигаясь посредством ластообразных конечностей, дыша органами, сходными с жабрами, и не имея еще глаз. Но туманы эти не висели неподвижным покровом, они передвигались, и там, где они местами разрежались и становились менее

плотными, солнечные лучи согревали их; приближаясь к этим местам, плавающие существа с ладообразными конечностями испытывали удовольствие от соприкосновения с греющим действием солнечных лучей и надолго задерживались там. В них пробуждалось внутреннее стремление сохранить это приятное ощущение, познать его сущность, войти в более непосредственное общение с этой сущностью; и это внутреннее стремление положило начало органам зрения”.

Картина эта дает ключ к эволюции человеческого организма. С одной стороны, воздействие на организм извне всех сил природы, с другой — внутри организма, в невидимой лаборатории духа — тяга воспринять действие этих сил, стать с ними в более непосредственное соприкосновение, создать для этой цели проводники и развивать их до тех пор, пока искомое соприкосновение не достигнет возможной полноты.

Усилие человеческого духа познать жизнь вне себя создает проводники, которые способны передавать сознанию человека разнообразные вибрации этой жизни.

Вся эволюция организма состоит из возрастающего взаимодействия между объективным миром и внутренним миром и из постепенного расширения поля этого взаимодействия. Извне — толчки, изнутри — ответные вибрации, медленно творящие органы для восприятия жизни извне. Так сформировались физические органы чувств у человека, так же развивается и его психическая и духовная организация. Только в первом случае на человека действовали стихийные силы природы, во втором — действует вся совокупность психических и духовных вибраций, которые со всех сторон бьют на него, будя ответы внутри его мозга, сердца и нервной системы и вызывая в нем стремление войти в общение с другими сознаниями.

Вначале удары извне сильны, резки и однообразны, как мы видим это в жизни дикаря, но с течением времени они все более усложняются, делаются все быстрее, разнообразнее, тоньше, и мы не можем даже вообразить — на нашем уровне развития, — до каких пределов может идти нарастающая быстрота и тонкость доступных для человека вибраций жизни.

С того наблюдательного поста, который доступен нам, распознавание смысла жизни оттого так и затруднено, что перед нами на мировой сцене сталкиваются, борются и действуют люди, стоящие на самых разнообразных ступенях развития, психические и духовные вибрации которых до того различны и часто настолько противоречивы по самим свойствам своим, что их столкновения должны неизбежно порождать ту мучительную напряженность, сложность и неуравновешенность у действующих лиц человеческой драмы, которые мы замечаем вокруг.

Бесчисленные токи мыслеобразов, неустанно сменяющиеся волны психической энергии, в которых перемешаны все элементы: и грубые, и дикие, и злые, и смешанные, и прекрасные — сливаются в ту невидимую силу, которая бьет по внутреннему человеку, как молот по наковальне, и выковывает свойства, необходимые для деятельной роли в условиях все быстрее развивающейся жизни.

Правда, молот бьет очень сильно и очень больно, но тот, кто умеет проникать в невидимое творчество жизни, знает, что эти удары необходимы. В мировом историческом процессе, так же как и в истории отдельного народа и отдельного человека, одно и то же не повторяется: возможность изменить условия, которые в нашей власти сегодня, завтра заменится уже другим соотношением сил; а между тем большинство и до

сих пор еще так инертно, так крепко держится за призрак мягкого ложа, на котором хочется поспать еще и еще, что, не будь этого громко звучащего молота, жизнь двигалась бы чрезмерно медленно и оказалась бы невыносимой для более деятельного меньшинства.

Кстати, о темпе жизни. Один из самых ясных признаков внутреннего прогресса — сильное ускорение темпа жизни. Мы уже не будем говорить о той исчезнувшей из нашего сознания дали, когда развивался физический организм человека; когда природа с неистощимым терпением помогала ему создавать физические органы чувств; здесь жизнь двигалась с такой медленностью, которую нам трудно даже и вообразить. Но если взять даже жизнь дикаря, обладавшего уже вполне развитым физическим организмом, она, для нашего темпа, протекала бесконечно медленно, повторяя бесчисленное число раз все одни и те же несложные уроки первобытной жизни.

С появлением общественного быта и государственного строя, с воздействием всего разнообразия различных культур, темп жизни все более ускорялся, и мы знаем из оккультных учений, что последние ступени человеческой эволюции пройдут бесконечно быстрее, и не только по сравнению с ее началом, но и с переживаемым нами серединным циклом.

Медленность и быстрота темпа эволюции находится в полной зависимости от того, который из полюсов сложной человеческой природы преобладает. Вибрации низшего полюса — медленные, тогда как вибрации высшего — чрезвычайно быстры и энергичны. Высший полюс человека — его бессмертное божественное начало — влечет человека вперед и вверх, к совершенству. Низший полюс — животнo-личнoй — является противодействующей силой, которая пребывает в постоянной борьбе с высшим полюсом и тянет человека назад.

В результате этой борьбы развивается человеческая индивидуальность, которую на Западе так часто смешивают с личностью, внося этим смешением большую путаницу как в анализ исторического процесса, так и в психологические понятия европейца.

Кроме животного начала, общего всем животным организмам, и личного, которое можно ясно видеть у наиболее развитых домашних животных, каждый человек владеет высшим началом, которого у животного нет.

У дикаря оно лишь в зародыше, у высокоразвитого человека оно выражается ясно в его совести, у идеального человека, приближающегося к Богочеловечеству, оно сияет уже ярко и всеми своими свойствами говорит о бесконечно более широком сознании, нежели сознание ограниченной местом и временем личности.

Индивидуальное начало отличает человека от всего животного царства; оно выражается двумя признаками: самопознанием и творчеством.

Если мы возьмем самое развитое животное, способное к дрессировке и преданное своему хозяину, мы найдем в нем иногда ясно выраженные личные свойства, но индивидуальности, сознающей свое я и способной к творчеству, мы в нем не найдем, как бы далеко в глубь веков ни обращалось наше расследование.

Самому умному слону нет никакого дела до судьбы и достоинства всей слоновой породы, для него не существует исторического процесса, который в действительности есть не что иное, как различные этапы развивающегося самопознания; или, если мы возьмем собаку

или лошадь и окружим ее на протяжении любого периода — хотя бы то были тысячелетия — самыми прекрасными произведениями искусства, то ни в собаке, ни в лошади не разовьются художественные свойства, но не вследствие недостаточно развитой нервной системы, а потому, что в их внутренней сути нет необходимого для того условия.

Животное обогащает своим личным опытом не себя, а общую душу того вида, к которому оно принадлежит; из его опыта создаются инстинкты, полезные для всего вида; вот почему отдельное животное не ответственно за свои действия и неспособно к индивидуальному творчеству.

Если мы возьмем самое развитое животное, способное к дрессировке и преданное своему хозяину, мы найдем в нем иногда ясно выраженные личные свойства, но индивидуальности, сознающей свое я и способной к творчеству, мы в нем не найдем, как бы далеко в глубь веков ни обращалось наше расследование.

Самому умному слону нет никакого дела до судьбы и достоинства всей слоновой породы, для него не существует исторического процесса, который в действительности есть не что иное, как различные этапы развивающегося самопознания; или, если мы возьмем собаку или лошадь и окружим ее на протяжении любого периода — хотя бы то были тысячелетия — самыми прекрасными произведениями искусства, то ни в собаке, ни в лошади не разовьются художественные свойства, но не вследствие недостаточно развитой нервной системы, а потому, что в их внутренней сути нет необходимого для того условия.

Животное обогащает своим личным опытом не себя, а общую душу того вида, к которому оно принадлежит; из его опыта создаются инстинкты, полезные для всего вида; вот почему отдельное животное не ответственно за свои действия и неспособно к индивидуальному творчеству.

Лишь человек представляет собой отдельный мир, сознающий свое я и набирающий опыт для эволюции этого я; он один отвечает за свои действия — “создает свою карму”¹, как выражаются на Востоке; он один способен к индивидуальному творчеству.

У животного высшее начало — личное; у человека оно — низшее и умирает с физическим организмом.

Этим различием между индивидуальным и личным началом следует овладеть как можно яснее, потому что различие это дает ключ к верному анализу сложных процессов внутри человеческой души. Личное начало в человеке стремится к самоутверждению и к обособленности; оно жадно претворяет в свою пользу все, что может захватить для себя, оно — центростремительно. Орудиями его являются нервная система и мозг, а выразителями — интеллект и личные страсти, которые кончаются вместе с личной жизнью человека. Высшее начало человека стремится к самопознанию и к единению; оно расширяется не поглощением чужих жизней, а участием в них, оно не захватывает, а отдает себя, оно — центробежно. Орудием его является высшее сознание, которое еще в зачатке у большинства людей, а выразителем — совесть, интуиция и сверхличная любовь, которые не угасают со смертью личности, а служат нетленным содержанием бессмертной человеческой души.

Да не подумает читатель, что я хочу умалить значение личности. Чем ярче, талантливее и оригинальнее личность, тем сильнее ручательство, что и высший полюс яркой личности представляет собой большую индивидуальную величину. Личное начало необходимо как переход от животного полюса к божественному, но нужно твердо помнить, что есть нечто

высшее, и к этому высшему стремиться.

Питая и обоготворяя свою “личность”, мы идем к эгоизму, задерживаемся на низшей ступени, а следовательно, мешаем истинному прогрессу. Обуздывая ее и заставляя служить высшему, мы делаем из нее подножие развивающемуся внутри нас Богу и содействуем истинному прогрессу.

Какой же вывод можно сделать из этих беглых указаний на внутреннюю эволюцию человека?

С европейской точки зрения, не признающей перевоплощения, познать истинного человека или хотя бы отчасти разрешить темную загадку человека невозможно. Оставаясь на этой точке зрения, мы всегда будем стоять перед безмолвным сфинксом, таинственно вперяющим в нас свой загадочный взор.

Если бы он заговорил, мы услышали бы от него приблизительно такие речи: “Вы не понимаете человека, потому что смотрите на него как на законченное существо, тогда как в действительности он подлежит постоянной перемене. В настоящем вы совсем не те, что были в прошлом, и в будущем вы будете совсем иными. Воплощенный человек — лишь часть бессмертной индивидуальности, которая есть и корень, и цель всей проявленной жизни. Облекаясь в многочисленные воплощения, переходя от существования к существованию, ваша бессмертная душа строила постепенно то тело, которым вы обладаете ныне, медленно развивала мозг и нервную систему, которыми вы пользуетесь как орудием, чтобы собирать опыт и соприкасаться с мирами вне вас. Цель вашего страдальческого опыта — раскрытие всех многообразных сторон вашего сознания, полное выявление всей силы, красоты и величия, сокрытых в той частице Жизни Бога, которую одарен каждый человек. Ваше прошлое — необозримо, и ваше будущее не имеет пределов, и прав был ваш философ-поэт, когда говорил о человеке, “руки которого будут соприкасаться со звездами, который будет видеть сквозь землю, понимать язык зверей и птиц и отзываться на мысли неба и земли, когда последние будут беседовать с ним””.

1911 г.

Часть XIV. Эволюционирует ли нравственность?

“Усовершенствуется ли человеческая нравственность?” — спрашивает меня один из моих читателей.

Для теософа это — странный вопрос, для него весь процесс жизни есть неустанное развитие, переход из простого в сложное, из несовершенного в совершенное.

Однако вопрос этот приходится слышать нередко; его задают самые чуткие люди, с отчаянием смотрящие на отрицательные явления усложняющейся человеческой жизни.

Но отчаяние это вызывается недостаточным проникновением во внутреннюю суть эволюционного процесса. С точки зрения теософии, все, что творилось в далеком прошлом и что совершается на наших глазах, имеет один смысл и одно оправдание: все ведет к постепенному раскрытию сознания, понимая сознание в самом широком смысле — как работу ума, сердца, совести и воли человека.

Средство для раскрытия сознания на всех ступенях жизни одно и то же: неустанная деятельность во всех сферах жизни, видимой и невидимой. И вся природа, во всей своей

совокупности, весь объективный мир — извне, а потребности физического и духовного человека — изнутри толкают его к деятельности во имя этой единой, все заключающей в себе цели.

Дикаря понуждает к деятельности голод, холод и страх перед более сильным человеком и зверем, и на этой ступени натиск, смелость, беспощадность являются высшими качествами.

Позднее, когда свободный дикарь превращается в раба, стимулом для его деятельности выступает подчинение более сильному и более развитому победителю. Здесь добродетелью является покорность и безропотное послушание, а рабский труд становится пружиной, имеющей скрытую цель преодолеть инерцию, которая чрезвычайно сильна на низших ступенях развития.

На следующей ступени начинается борьба классов, борьба за независимость, за уравнивание прав с бывшими победителями, и здесь труд является пружиной, имеющей скрытую цель развить инициативу, активную энергию, а нравственность выражается в зарождающемся чувстве человеческого достоинства.

На высшей ступени сознания, которая в историческом процессе еще впереди, борьба заменится стремлением к единству, труд сделается добровольным даром для блага всех, а нравственность выразится в бескорыстной любви.

Я намечаю здесь самые главные этапы развивающегося сознания, но между этими этапами простирается лестница с огромным числом ступеней, а на каждой ступени — свой критерий нравственности, поднимающий человека все более над животным полюсом, все более очищающий его от грубого эгоизма.

Но прежде чем сознание большинства поднимется на высшую ступень и признает безнравственным то, что на предыдущей ступени было нормой поведения, передовая волна человечества, всегда сильно опережающая остальных, должна дать пример, проложить новые пути, выработать высшие формы поведения.

Когда эти высшие нормы переходят в сознание большинства, начинается процесс приспособления, и такая переходная эпоха производит всегда впечатление кажущегося регресса.

Это происходит оттого, что установившееся равновесие расшатывается, психология человека усложняется, и, пока она приспособляется к более высоким требованиям жизни, все ее внешние проявления становятся более хаотичными, сошедшими с прежних устоев, выбитыми из сложившихся нравственных норм.

Для наблюдателя, не считающегося с общим ходом эволюции, с тем скрытым смыслом всего переживаемого, которое связано с прошлым и будущим в единый эволюционный процесс, хотя и чрезвычайно сложный в своих частях, но внутренне спаянный единой общей целью, — очень трудно оторваться от временных явлений мучительного настоящего. Принимая все совершающееся за окончательное проявление человеческой природы, наблюдатель приходит к неверному выводу, что человеческая нравственность не продвинулась, а скорее пошла назад.

То же самое явление замечается и в низших царствах природы на всех переходных ступенях: происходит видимый регресс, например, при переходе из растительного

царства в царство животных, когда появляются организмы, с внешней стороны менее совершенные, все внутренние силы которых направлены на приспособление к новым функциям жизни.

То же происходило и в человеческом мире при переходе от патриархального к правовому строю, от - памятного еще многим крепостного права — к свободному быту.

Искренние защитники отживших форм жизни ссылаются на их прочность, порядок, уравновешенность, в противоположность расшатанности и хаотичности текущего момента: со своей точки зрения они правы, но они не видят связи явлений и грешат тем, что направляют свое внимание только на прошлое и совсем теряют из виду будущее. Да и в прошлом их привлекает лишь общий характер безопасности и устойчивости, а не те живые слагаемые, из которых постепенно возникла эта видимая устойчивость.

Мне вспоминается сейчас поразительный пример, приводившийся Виктором Гюго, из эпохи вандейских войн, как крестьянин-отец дополз на коленях до дома своего синьора, чтобы вымолить у него прощение за дерзость сына, замученного этим самым синьором. С точки зрения феодала и его представлений о нравственности, старик был достоин одобрения, но даже небольшой исторической перспективы достаточно, чтобы ярко осветилась вся бесчеловечность таких представлений.

Каждый раз, когда старая ступень сознания изживается и очередь наступает для новой, много времени требуется для борьбы с ранее приобретенными свойствами, для приспособления к новым требованиям жизни, для постепенной перестройки всех прежних понятий, чувств и внутренних навыков.

На наших глазах в русском народе происходит такое приспособление: вместо крепкого телом и духом помещика недавней крепостной эпохи мы видим нервных, мятущихся, глубоко неудовлетворенных представителей современной интеллигенции; вместо преданных крепостных крестьян, терпеливо несших свою трудную долю, появилось совсем иное поколение, недовольное, строптивное, расшатанное, беспокойное, но с более сложной психикой и с большей впечатлительностью.

По внутреннему смыслу всего, что совершилось на наших глазах, жизнь сильно продвинулась вперед, но, пока будет продолжаться приспособление к ее усложнившимся задачам и к поднявшимся нравственным требованиям, мы неизбежно будем переживать распадение прежних устоев, которые, худо ли, хорошо ли, помогали народной жизни удерживаться в известном равновесии.

Такой период приспособления всегда сопровождается тяжелыми явлениями и носит на себе все признаки падения нравов; мало того, он может растянуться на чрезвычайно долгий срок, если господствующие классы не помогут поступательному движению жизни, а тем более если они затормозят его искусственными преградами.

И все же, несмотря на все тяжелые видимости, внутреннее творчество народной души продолжает свою невидимую работу и готовит будущее с более справедливыми и более совершенными нормами общественного быта.

Здесь мы подходим к явлению особой важности: европейская материалистическая наука считается только с внешними воздействиями на человека, теософия же имеет дело с его внутренним творчеством, с постепенным раскрытием высших свойств человеческой души; и здесь мы сталкиваемся уже не с экономическими и социальными факторами, а с

проблемами духа, с усовершенствованием всей психики человеческой, с раскрытием в ней новых начал, с поднятием мысли, чувства, совести и воли человека на высшую ступень сознания.

В совершающемся историческом процессе различные ступени сознания не разделяются резкими гранями, они сливаются в многоцветной ткани жизни, из которой состоит текущая действительность: рядом с людьми, уже успевшими подняться на высшую ступень, действуют и сильно отставшие, и догоняющие, и тормозящие — сознательно или бессознательно — движение вперед.

Принимающим участие в этом пестром жизненном творчестве трудно разобраться в истинном направлении всех его перепутанных нитей. Чтобы верно судить об этом направлении, нужно подняться над временным явлением борющихся классов, отвлечься от партийных симпатий и антипатий и постараться уловить положительные стороны всего совершающегося на наших глазах.

Ибо наблюдатель никогда не сделает верного вывода, если будет смотреть лишь на одни отрицательные явления, только на зло, которое всегда ярче бьет в глаза, только на острые углы, которые всегда выступают яснее наружу. И никогда не поймет он всего процесса жизни во всей его полноте, если внимание его будет устремлено на одну лишь поверхность, где в бурные переходные эпохи скапливается столько грязной пены и выплывает так много всяких отбросов.

Чтобы не ошибиться в выводах, нужно проникнуть в то, что создается в глубине, что еще не вылилось наружу и не бросается в глаза, как выброшенные на поверхность отбросы.

Если направить внимание на внутреннюю суть совершающегося, то мы увидим, что в то время как на поверхности идет борьба классов, эгоистическая и беспощадная, в глубине общественной совести зарождаются новые представления, возникает потребность более справедливого строя, зажигаются новые идеалы.

Несомненно, что наши нервы истерзаны той тучей вражды, которая закрывает от нас на время солнце Истины, и эти тучи создают иллюзию, будто мир погибает. Но это совсем не так.

Возьмем любое современное явление из самых несимпатичных, хотя бы тягу крестьянского молодого поколения из деревенского приволья в душные фабричные города, неразборчивую жадность этого поколения к внешним развлечениям. Но разве эта тяга и жадность исходят только из одних дурных источников?

Деревня застыла в своем патриархальном строе, она не поспевает за движущимся потоком жизни, она не удовлетворяет растущую любознательность, не дает пищи для усложнившейся души народа, вот почему из нее бегут.

Но это — явление временное. Сейчас город дает гораздо больше впечатлений, но большая часть этих впечатлений бесконечно ниже тех, что дает здоровая жизнь посреди природы, и когда деревня перенесет к себе то ценное, чем обладает культурный город: хорошую книгу, образованных учителей, удобные жилища, хорошую музыку и так далее — тогда лучший элемент из народа снова потянется в деревню, разочарованный в отрицательных сторонах тесной городской жизни.

Или возьмем явление декадентства. Можно согласиться, что декаденты внесли в

литературу и искусство элемент вычурности, что речь их вымученная и образы лишены ясности, но рядом с этим нельзя не видеть, что их психология сложнее, чем у среднего человека нашего времени, что все чувства их сильно обострились и готовятся к восприятию более тонких, пока еще мало кому доступных впечатлений.

Или обратимся к современным детям. Они в общем труднее и своевольнее детей прежних поколений, но они представляют из себя более восприимчивый материал, на котором легче запечатлеваются высшие понятия растущего нравственного сознания.

Не далее как на днях мне пришлось беседовать с одной из знакомых мне матерей, которая удивлялась, насколько душевное настроение ее детей разнится от ее собственных детских переживаний. Она жаловалась, что с трудом может найти книги, которые бы подходили для ее детей; ее маленькая семилетняя дочка так огорчалась при чтении священной истории, находя в ней многое жестоким и несправедливым, а рассказы из русской истории так возмущали ее своею грубостью, что пришлось отложить обе книги в сторону.

А когда мать взяла басни Крылова, надеясь, что хоть они-то окажутся по вкусу ее девочке, и стала читать ей басню “Стрекоза и муравей”, которую особенно любила в детстве, дочка ее и тут проявила свою собственную тонкую критику. Она нашла, что “муравей гораздо хуже стрекозы, потому что он жадный, думает только о себе, а стрекоза гораздо лучше, потому что пела не для одной себя, а для всех”. “Лучше бы она обратилась к пчелке, — прибавила девочка, — та бы ей не отказала, потому что она собирает мед тоже для всех, а не для себя одной”.

1911 г.

Часть XV. Внутренний смысл разделения людей на сословия

Мы себя не осуждаем за то, что еще не достигли божественности... зачем же нам осуждать более молодые души за то, что они не достигли нашего уровня?

А. Безант. “Древняя Мудрость”

Учение теософии подобно яркому фонарю, освещающему все темные углы жизни, на которые направлен его свет. К таким темным углам, не освещенным сознанием, принадлежат наши отношения к низшим сословиям и, в частности, к прислуге. Постараемся осветить их.

Пробовали ли вы когда-либо разрешить вопрос: какой внутренний смысл в разделении людей на сословия? Почему этот человек родился в роли господина, а тот — в роли слуги? Почему один совсем освобожден от физического труда, а другой изнемогает под его тяжестью? На подобные вопросы европейская наука отвечает только с точки зрения внешнего строительства жизни, а не по существу.

Нет ли в этом разнообразии человеческих судеб, в этом резком различии одной доли от другой, глубокого смысла, необходимого для развития самого человека? Для европейца, все внимание которого устремлено на одни лишь видимости, такой вопрос неразрешим, так как он соприкасается уже с сокрытыми пружинами жизни.

Учения древней Мудрости разрешают вопрос о неравенстве по существу. Основную ноту этих учений составляет идея единства Жизни. Современная научная мысль подошла к той

же идее под флагом монизма¹. “Идеалистический монизм” — так можно было бы назвать на современном европейском языке древнюю религию-науку, которая лежит в основе всех религиозных систем. Она рассматривает Вселенную как единство, в котором все отдельные части выполняют свою особую задачу. Когда они стремятся осуществить ее как можно полнее и лучше, они ведут Вселенную к совершенству; уклоняясь от выполнения своей задачи, они нарушают мировую гармонию.

Яркой иллюстрацией этой мысли служит организм человека; здоровье, сила, красота и совершенство нашего организма зависят от того, чтобы все отдельные части: мозг, сердце, легкие, желудок, нервы и так далее — выполняли свои специальные задачи в совершенстве.

Если мы представим себе, что различные части нашего тела хотя бы на одну минуту перепутают свои функции и сердце начнет выполнять работу желудка, а легкие — работу мозга, нормальная жизнь организма должна прийти в невообразимый хаос.

Отсюда аналогичный вывод о том, что вся совокупность человеческой жизни может достигнуть совершенства лишь тогда, когда все ее составные части, то есть каждый человек в отдельности, будут выполнять свою собственную задачу как можно совершеннее.

Но человек должен жить и выполнять эту задачу по тем линиям, которые начертаны законом его собственной внутренней сути. Не однородность, а разнообразие составных частей требуется для совершенства Вселенной.

Это знали древние мудрецы, и поэтому в их учениях отсутствует идея равенства и всюду выступает идея долга, единства жизни и ясно выраженная постепенность эволюции сознания.

С точки зрения этих учений, различия в социальных и экономических условиях являются необходимым средством для постепенного роста внутренней сути человека; грехом же они становятся вследствие злоупотребления силой, которая угнетает слабых; но это есть не результат ошибочности Плана, а последствие несовершенства человека.

Несовершенство развивающегося человека нарушает гармонию общей жизни, нарушение гармонии вызывает страдание, а страдание учит человека.

Для того чтобы эти уроки соответствовали его внутренней сути и совпадали с той степенью развития, которой достигла его душа, человек воплощается в различных условиях земной жизни.

Весь строй древней Индии с ее кастами, этой видимой тканью ее общественной жизни, был основан на знании постепенной эволюции человеческой души.

Наше знакомство с кастами относится уже к эпохе вырождения Индии, когда вся одухотворенность первоначальной жизни молодой арийской расы, руководимой мудрецами, или Риши древней Индии, заменилась омертвелыми формами, как это бывает всегда, когда одна мировая эпоха заканчивается и на очередь выступают новые задачи.

Если рассматривать древние касты с этой точки зрения, то мы увидим, что каждая из них представляет свои особые психологические задачи, свои особые восходящие линии развития. Это было не искусственное разделение, а выражение естественного порядка

внутреннего развития человека.

В законах Ману написано: “Искание (священного) знания есть религиозный подвиг брахмана; охрана (народа) — религиозный подвиг кшатрия; занятие своими ежедневными делами (ремесла, земледелие и торговля) — религиозный подвиг вайшьев, и служение — религиозный подвиг шудры” (Гл. 11, 263).

Вначале переход из одной касты в другую был свободным и деление на касты имело целью дать человеку благоприятные условия для развития его индивидуальных качеств и способностей. Если вместо выражения “каста” мы назовем лежащую в ее основе идею “дифференциацией человеческого труда по способностям и наклонностям каждого”, то получится верная база для общественного строя всех времен и всех народов. Преимущество древних каст в их первоначальном виде перед современными группировками состоит в том, что для членов касты на первом плане были: долг, а не привилегия, ответственность, а не права.

Низшая каста — каста шудр — имела своей задачей борьбу с низшими инстинктами человека путем физического напряжения и повиновения господину, который в те времена представлял действительно высший тип человека. Идеалом шудры являлось совершенство в послушании и верности господину.

В следующей касте — касте вайшьев (купцов) — человек приучался к собственной инициативе, вырабатывал осмотрительность и проницательность; от него требовались беспристрастие, щедрость, отсутствие расточительности и добросовестное отношение к труду подчиненных. Его идеалом было праведное употребление земных благ.

В третьей касте — касте кшатриев (воинов), к которой принадлежали правители и воины, человек должен был защищать и охранять свой народ. В этом состоял долг его жизни. Его идеалом была беззаветная отвага, великодушие, защита слабых, самоотречение.

Высшая каста — каста брахманов, учителей народа, требовала от человека равнодушия к земным благам и победы высшей природы над низшей. Предполагалось, что человек, воплотившийся в касте брахманов, прошел уже через все низшие ступени и приобрел нравственную силу и мудрость благодаря послушанию, совершенному исполнению своего долга и усилиям в борьбе за правое дело в прежних воплощениях, что и давало ему право учить других. Идеалом и целью брахманов являлись мудрость, внутренняя свобода, всепрощение, любовь ко всему живому, чистота и единение с Первоисточником жизни.

Во времена процветания брахманизма его постановления представляли собой действительную школу народного воспитания, ибо они основывались на глубоком знании человеческой души.

Возьмем два закона, постоянно упоминаемые в священных Писаниях Востока, равносильных которым мы не имеем в западной психологии.

Первый из них — закон Дхармы. Чтобы понять этот закон, нужно иметь в виду процесс эволюции, то есть видеть в человеке существо, движущееся вперед и меняющееся по мере своего развития. Когда человек жил в Карфагене, он был совсем не тем, каким он стал, живя в наше время, скажем, в Англии. Все его понятия изменились и нравственные критерии стали совершенно иными.

Дхарма — понятие сложное: это показатель той ступени развития, которой достигла бессмертная индивидуальность человека, его я, и в то же время закон следующей ступени его развития.

Вот почему Дхарма переводится то словом Закон, то словом Долг. Знать свою Дхарму — значит верно определять ступень, которой достигла моя индивидуальность, и в то же время сознавать закон, по которому она должна развиваться далее. Не зная места, которое я занимаю в мировой жизни, я не могу безошибочно направлять свои шаги вперед.

Второй закон — Карма, или закон причинности, определяет всю земную судьбу человека; по картинному сравнению восточной мудрости, человек, посеявший добрые дела и добрые мысли, не может пожать ничего, кроме добра и блага.

Эти два закона являлись теми ключами, которые в древности раскрывали загадку человека, и они могли бы раскрыть ее и для нас, если бы мы научились владеть этими ключами.

На знании этих законов были основаны в своем первоначальном виде и древние касты, которые имели целью дать внешние условия, подходящие для Дхармы каждой души, достигшей той или иной ступени развития.

Тогда человек был менее сложным, нежели теперь; благодаря этому и грани его жизни были очерчены резче, чем в наше время, когда люди свободно переходят из одного сословия в другое.

Человек несет в своем внутреннем существе три элемента: животного, человека и Бога. Весь длинный путь его разнообразного земного опыта направлен к обузданию животного, к развитию человечности и к раскрытию таящегося в нем божественного начала.

В самом начале пути, когда душа вся еще в возможности, когда она похожа на нераскрывшуюся завязь, все влияния извне направлены на то, чтобы разбудить ее дремлющие силы и обуздать ее животное начало.

Чем же достигается такое обуздание легче всего? Усиленным физическим трудом. Психологическую цель усиленного труда можно определить как использование животной энергии с целью отвлечь силы человека от животных страстей, которые у первобытного человека очень сильны. Напрягая физические силы человека, труд преодолевает лень, инертное начало, которое на этой ступени, когда преобладает низший полюс, легко одолевает человека, заглушая еще зачаточные силы его души, слабые ростки его воли, мысли и чувства.

Если бы на этой низшей ступени не было принудительного физического труда, не сдерживаемые животные страсти развились бы до чрезвычайных размеров в ущерб высшим началам человека.

Все наблюдения над подонками современного общества, например над восточными кули, переносящими тяжести, или над нашими крючниками, приводят к тому, что сытая жизнь без усиленного физического труда могла бы им принести только вред.

На Западе, где неизвестен закон Дхармы, дающий проникновение в невидимую эволюцию души, сложилось ошибочное представление, будто все дело во внешних условиях жизни: дайте человеку образование и нравственные понятия, предоставьте ему

благоприятную внешнюю обстановку — и он сразу изменится.

Наблюдения над жизнью говорят иное; они скорее подтверждают учение древнего Востока о постепенном переходе души с одной ступени на другую, о различии человеческой Дхармы, на основании которой запрещалось “смешение каст”.

В наше время, когда усложнившаяся Дхарма современного человека требует и соответствующего разнообразия в его переживаниях, а следовательно, и в общественных условиях, “смешение каст” неизбежно; было бы большим бедствием, если бы люди начали искусственно строить стены между различными сословиями. Но понимание самого закона необходимо, потому что оно дает ключ ко многим загадкам человеческой судьбы.

Если бы мы могли исследовать человеческое тело не только внешним образом, но и внутренним, то есть безошибочно определить, какую степень отзывчивости отличаются его атомы и с какой быстротой и энергией они вибрируют, то мы увидели бы большую разницу между телом среднего крестьянина и телом человека из интеллигентной среды.

Первое вибрирует в ответ на внешние раздражения медленно и неполно, отзываясь лишь на более резкие и совершенно не отвечая на более тонкие вибрации. Стоит лишь представить себе крестьянина обыкновенного типа в картинной галерее, в концертном зале или перед театральной сценой, на которой идет символическая пьеса, чтобы убедиться в этом.

На это могут возразить, что тут дело не в свойствах материала, из которого построен организм крестьянина, а в степени образования и воспитания. Но это не так. Правда, свободное смешение сословий создало для современного человека весьма сложную карму, и может случиться, что тонко развитый организм — в силу кармической связи с крестьянской семьей — воплотится именно в этой семье. Но это не правило, а скорее, исключение.

Кто не знает случаев, когда дети внезапно разбогатевшего крестьянина, попадая в условия интеллигентной среды и получая утонченное образование, кончали тем, что сходили с ума или спивались и предавались иным излишествам?

Отчего это? Оттого, что самый материал, из которого построены организмы таких, внезапно вырванных из своей среды, людей, требует усиленного физического напряжения и способен отвечать только на грубые и резкие вибрации; а между тем новые условия жизни содействуют полной физической праздности и окружают этих людей такими утонченными вибрациями, на которые их организм не способен отзываться. Благодаря такому несоответствию между организмом и средой, они обыкновенно отчаянно скучают и оживляются только тогда, когда в их с виду культурную жизнь врывается нечто, с точки зрения культурного человека, очень дикое, что-нибудь резко бьющее по нервам.

Вспоминаю, как много лет тому назад, когда мне еще совсем незнакомо было учение теософии, меня поразила исповедь одного крестьянского мальчика, отданного матерью в годовалом возрасте на воспитание знакомой мне помещице, которая воспитывала его самым утонченным образом, на французском языке, среди музыки, книг и самого любовного внимания. Помню, как этот мальчик рассказывал, когда вырос, как он мучительно скучал и как неудержимо его тянуло бросить и барский дом, и свою вторую мать и убежать в деревню. Особенно ему было трудно побороть свою тягу, когда до

усадыбы доносились хороводные песни и шум деревенской толпы. Этот не погиб, но после смерти своей воспитательницы перешел на крестьянское положение.

Из трех сословий, занимающихся исключительно физическим трудом: крестьянского, фабричного и прислуги — самая трудная доля и самая трудная психология, несомненно, у последней.

Если отбросить на время обычную для нас, европейцев, точку зрения и стать на точку зрения теософскую, согласно которой все многообразные человеческие переживания и испытания являются средством для постепенного движения к совершенству и по которой все мы в разное время проходим один и тот же путь, — тогда вся драма, совершающаяся на земле, примет в наших глазах совершенно новый характер, полный благого значения. Тогда и наша собственная роль в этой драме из произвольной и не зависящей от нашей воли делается сознательной и ответственной.

Если бросить общий взгляд на путь, которым идет современное человечество, первый этап на этом пути — жизнь крестьянина. Если он протекает нормально, здоровый труд и тесная связь с природой придает этой жизни столько достоинства и такую цельность настроения, какой не встретишь нигде, кроме деревни.

Но как ни хороши условия деревенской жизни, остановиться на этой ступени нельзя. От тесной связи с природой, от ее здоровой периодичности человек должен перейти в иную среду, где влияние природы отступает на задний план и выдвигаются психологические влияния, соприкосновения с иными индивидуальностями, и чем разнообразнее эти индивидуальности, чем ярче и многостороннее их воздействие на душу человека, тем быстрее будет расти эта душа. В этом заключается внутренний смысл перехода из жизни сельской общины, где все заняты одним делом и все приблизительно равны, к искусственной культуре городской жизни, где в одном месте соединяются люди всевозможных профессий, где рядом с рынками и фабриками влияют музеи и университеты, картинные галереи и консерватории, публичные лекции и театры.

Вообразите на минуту всю эту разнообразную деятельность большого города в виде невидимых, но совершенно реальных вибраций, бьющих со всех сторон на молодую душу: потрясая ее, они пробуждают одну за другою все ее дремлющие способности.

Естественно, что ее цельность утрачивается, впечатлительность обостряется, нормальная деятельность нервной системы переходит в тревожную, появляется неуравновешенность, внутренний разлад.

Явление это замечается всеми, оно породило нескончаемые жалобы на порчу и огрубление нравов переселяющихся в город сельских жителей. Но жалобами ничему не поможешь. Для того чтобы помогать, нужно понимать смысл происходящего перед нами.

Понимание той связи, которая существует между внешними явлениями и их невидимыми причинами, воспитывает в человеке терпимость и доброжелательность и вместо негодования вызывает потребность сознательно участвовать в творческом процессе жизни.

Признав внутреннюю необходимость перехода растущей человеческой души от детской ясности и простоты к хаотичной сложности и неуравновешенности, мы начнем понимать совершенно иначе и наш собственный долг относительно низших сословий и прислуги.

Несомненно, что само разделение людей на господ и на слуг, продающих свой труд, есть остаток варварства. В идеальном обществе все будут служить друг другу так или иначе, но не за деньги, а из сознания единства жизни и из любви к ближнему.

Но даже в наше время Правильно понятые отношения между образованным слоем, идущим впереди, и некультурными представителями народа могли бы стать источником блага и для тех и для других.

Для слуг постоянное общение со старшими по развитию и опыту могло бы вызвать более быстрый переход на высшую ступень эволюции, для господ явилась бы возможность погасить свой долг относительно взрастившего их народа, за счет которого они и получили возможность подняться на высоту.

Такова идеальная схема человеческого общежития; но во что она выродилась под влиянием эгоизма, который уничтожил само сознание человеческого единства, заменив его эгоистическим, основанным на страдании ближнего господством личных интересов, — это мы видим слишком наглядно в современной жизни, где страдание следует за неправдой так же неизбежно, как тень за движущимся предметом.

В действительности отношение “господ” к прислуге полно бессердечного эгоизма, безмерных претензий и презрительного равнодушия к ее внутреннему миру.

Благодаря этому, все хорошие возможности превращаются и у той и у другой стороны в дурную действительность: долг “господ” остается невыполненным, а у слуг вместо усиленного развития расцветают отрицательные черты ума и характера, накапливаются чувства зависти, обиды и недоверия, страсти направляют их на вражду к господам, и невидимый мир наполняется вибрациями взаимного раздражения, горечи и ненависти.

Нельзя, конечно, не принять в соображение того, что благодаря современному смешению сословий человек, стоящий по своей Дхарме еще на очень низкой ступени развития, получает права, до которых он совсем еще не дорос. Вследствие этого беспрестанно встречаются “господа” или очень мало, или совсем не поднявшиеся над уровнем своих слуг. С этих и спрашивать нечего. Но это не оправдывает тех, которые имеют внутреннее право на передовой пост. Этот пост накладывает на них обязанность усовершенствовать жизнь, заменять ее отжившие формы высшими формами.

Прежний патриархальный характер отношений между господами и слугами достигал у лучших людей несомненной красоты¹. Это происходило оттого, что господа и слуги жили одной жизнью, одними идеалами и между ними сохранилась живая духовная связь. Связь эта нарушена. Интеллигенция слишком далеко отошла от простоты и цельности патриархального строя, а слуги, переживающие трудный переход от стихийной культуры к сознательной, отличаются раздражительностью, беспринципностью, повышенным самолюбием и усиленной жадой новых впечатлений. Все это сводит взаимные отношения между обоими сословиями к очень низкому уровню, к чисто механической связи между покупающими чужой труд и продающими его. Такие отношения не имеют будущего; они должны замениться новым строем жизни.

Свет, бросаемый теософией, ясно указывает, по каким линиям должен складываться этот новый строй, если наша жизнь пойдет действительно к совершенствованию.

“Господ” и “слуг” в современном смысле вовсе не будет. Сознание единства жизни и всеобщего братства вызовет добровольное, отвечающее силам и способностям каждого

участие в общем творчестве. Добровольное разделение труда заменит принудительный труд.

Отношение более развитых и сильных духом к так называемым низшим сословиям будет носить такой же характер любовной заботы, какую мы видим в отношениях старших к младшим членам в нормальной семье. И это не утопия. Как ни далека наша темная и грешная жизнь от этого светлого будущего, но она настанет: за это ручается неумирающее религиозное сознание² человечества.

Сознание это продолжает жить в нашей душе, какое бы имя ему ни давали. Оно снова и снова говорит нам, что есть Бог и вовне, и внутри нас и что мы страдаем из-за того, что наша истинная стихия — не грех и тьма, а праведность и свет. Весь человеческий путь состоит в неутолимой жажде этого света, в неугасающей потребности этой праведности.

Мы кружимся по лабиринту жизни не даром; нам дана свобода движения, но в то же время дан и внутренний показатель, который неизменно дает знать, когда мы направляемся по неверному пути.

Показатель этот — страдание. Мы стремимся избежать его, пробуем идти то по одному, то по другому направлению, снова возвращаемся, выбираем новую дорогу, а суть остается одна и та же; мы можем быть счастливы — не по видимости, а по существу — только тогда, когда наши дела совпадают с требованиями нашего высшего Я, нашей совести.

В этой зависимости нашего счастья от нашей совести и в способности последней расти и утончаться — залог грядущего светлого будущего.

Сейчас наша жизнь темна и грешна, над ней как бы нависли черные тучи; но безнадежна она была бы только в том случае, если бы мы не страдали от этой темноты. Однако мы от нее страдаем и с каждым поколением будем страдать все сильнее: растущая совесть людей, все яснее говорящая о неизбежной зависимости личного благополучия от общего блага, поможет людям пробить брешь в этой нависшей над нами свинцовой туче.

Над нею сияет все то же солнце, творящее жизнь и разливающее довольство и радость всюду, куда проникают его лучи. Это солнце — любовь. Без ее животворящей силы все темные углы нашей жизни, в том числе и затронутые в этом письме, останутся навсегда темными и неприглядными, вызывающими недовольство и вражду.

Необходимо повернуть фокус сознания на качество нашей земной деятельности, и тогда мы ясно увидим причинную связь удручающей нас темноты жизни с дурными качествами этой деятельности.

Не нужно останавливаться на том, что “все так делают”, и думать, будто усилия одиноких бесплодны.

Это неверно: добро сильнее зла, и каждое праведное усилие разрывает темные тучи греха то там, то здесь и дает возможность проникнуть отдельным лучам солнца. “И порознь их отыскивая жадно, мы ловим отблеск вечной красоты”, — сказал поэт.

Превратить этот отблеск “вечной красоты” в яркое религиозное сознание, полюбить эту красоту так, чтобы без нее и жить на свете было бы невозможно, — вот к чему мы должны стремиться, если хотим, чтобы свет одолел тьму, чтобы его лучи проникли во все темные углы нашей жизни.

1911 г.

Часть XVI. Отношение к животным

Выживание наиболее приспособленного есть закон эволюции животного; самопожертвование есть закон эволюции человека.

Профессор Гекели

В первой половине июля прошлого года (1909) улицы Лондона, идущие от Темзы мимо Чаринг-кросс и Трафальгар-сквер до самого Гайд-парка, на расстоянии более трех верст представляли из себя совершенно необыкновенное зрелище: по ним двигалась забавная оригинальная процессия “друзей животных”, которые митингом в Гайд-парке заканчивали свой международный конгресс.

В этой процессии участвовали представители всех стран со своими знаменами, кроме России¹, и не менее ста различных союзов, не имеющих прямого отношения к защите животных, но пожелавших выразить свое сочувствие конгрессу.

Особенность этой необыкновенной процессии состояла в том, что в ней участвовали и герои конгресса в виде лошадей, ослов, кошек, собак, кроликов и так далее.

Задолго до начала конгресса по всему Лондону были вывешены объявления о том, что всем сочувствующим защите животных предлагается принять участие в процессии, а тем, у кого есть домашние животные, захватить и их с собой. Благодаря этому, со всех концов Лондона, в том числе и из трущоб, повыползали обыватели со своими четвероногими друзьями, и нельзя сказать, чтобы эта часть процессии отличалась красотой: здесь виднелись и оборванцы, и нищие старушонки, которые несли на руках или держали за веревочку таких же бедняков, как и они сами, со взъерошенной шерстью и слезящимися глазами, но все же трогательно разукрашенных пестрыми бантиками.

Но было много и красивых подробностей: людская процессия прерывалась от времени до времени нарядными колесницами, разубранными цветами, на которых красовались то разные зверьки, то хорошенькая девочка в костюме феи с котенком на руках, то из-за зеленых веток выглядывала рыженькая белка, над которой развевалось шотландское знамя с такой надписью: “Кто говорит о любви, но не являет милосердия к беззащитным тварям, тот не знает любви”. Очень интересна была огромная ломовая лошадь в чепчике и в цветах, которую с гордостью вел в поводу ее хозяин. Тут же участвовали и союз детей “Dog’s Friends” (“Друзья собак”), сотни мальчиков со своими приятелями всевозможных пород и размеров; были тут и простые дворняжки, но они терялись в толпе мопсов, которые, оказывается, занимают первое место в сердцах английских мальчиков.

Не менее разнообразны были и представители двуногой породы: ученые, доктора, члены парламента, светские дамы, трущобные хулиганы — всех соединило в одну дружную толпу доброе чувство к “беззащитным тварям”. Очень выразительны были картины и надписи на развевавшихся над процессией знаменах. Одно из них было даже изъято из употребления по распоряжению блюстителей порядка, которые опасались, как бы оно не вызвало волнения на улицах. На этом знамени были изображены два увеличенных фотографических снимка собаки — до вивисекции и после нее. На одной стороне знамени виднелась здоровая сильная собака, а на другой — измученный призрак, с такой печатью страдания на всем исхудалом теле, что на нее страшно было смотреть.

Улицы, по которым двигалась процессия, были переполнены народом: со всех сторон раздавались смех и остроты в адрес четвероногих демонстрантов и даже корректные полисмены, выстроенные по обеим сторонам, чтобы охранять процессию, с трудом удерживались от веселых улыбок.

Все звери имели вид смысленный и полный достоинства, словно они хорошо понимали, к чему все это клонит. Одна собака несла в зубах копилку с надписью: “На помощь страдающим животным” и вежливо приостанавливалась, когда туда бросали деньги.

Когда процессия вошла в Гайд-парк, не прошло и нескольких минут, как его огромная лужайка превратилась в живописный лагерь, окруженный, словно забором, воткнутыми в землю знаменами. Все — и люди и звери — уселись на траву, откуда-то появились чашки с водой, из которых четвероногие участники процессии принялись усердно лакать; на подъехавшие повозки-платформы взобрались ораторы, и понеслись горячие речи против убийства животных и против вивисекции, причем доводы ораторов опирались не только на нравственное чувство, но и на научные исследования.

Подобные конгрессы имеют значение общественных показателей: здесь уже выражается протест не единичных личностей, здесь сказывается пробуждение общественного сознания.

Народ, который начинает задумываться над своим отношением к живым тварям, вступает уже на высшую ступень развития.

Было время, когда люди поедали своих ближних и находили это вполне естественным. Это время осталось далеко позади, и греховность людоедства не вызывает ни в ком сомнения. Но до сознания греховности убийства и поедания животных мы еще не доросли, и только немногие, опередившие остальных, начинают протестовать против грубого эгоизма, с которым человек относится к “беззащитным тварям”. А между тем пока мы не создадим и в этой области жизни новых нравственных норм, отвечающих не грубым инстинктам нашей низшей звериной природы, а растущей потребности стать действительно человеческими, — до тех пор мы останемся по существу варварами, сколько бы ни утончалась наша внешняя культура.

Нечего закрывать глаза на то, что наша человечность остается вообще под большим сомнением, раз наши законы терпят организованные бойни, где целые гетакомбы жизней¹ приносятся в жертву нашим похотям и где создается низший тип человека, пропитанный испарениями крови и делающий за нас то жестокое и грязное дело, которое почти ни у кого из нас не хватило бы сил сделать самому.

И чем оправдываются эти преступления против чужой жизни? Тем, что природа “жестока”, что убийства разлиты в ней как обычное явление и что не только человек, но и все твари занимаются истреблением друг друга.

Но если это даже и так — а согласиться с этим можно лишь с большими оговорками, потому что все тигры и пантеры вместе взятые лишь невинные младенцы в сравнении с кровожадностью человека, — животные делают это так же стихийно, как растет трава, они не сознают, что это дурно, и потому не отвечают за свои убийства.

Однако положение совершенно меняется, когда речь идет о человеке, одаренном сознанием и совестью. Перед ним вся природа с ее бесчисленными дарами, которыми он может питаться безгрешно, и если он предпочитает убийства и нанесение страдания, он

должен отвечать за это.

Целые стада разводит он искусственно для того, чтобы прирученных животных, лишенных средств самозащиты, убивать для удовлетворения своих вкусовых ощущений.

Да, я утверждаю, что здесь вопрос идет не о необходимости поддержать свое существование, а о вкусовых ощущениях. Известно, что целые народы обходятся без животной пищи и что с каждым днем во всех странах мира возрастает число вегетарианцев, которые бросают мясную пищу и не только не страдают от этого, но испытывают явную пользу для своего здоровья.

Наше сознание полно предрассудков и суеверий. Переходя на новую ступень развития, мы еще долго живем по инерции тем, что осталось позади, пережитками варварства, которые мы в действительности уже переросли. К таким пережиткам относится и питание убитыми животными, и глубоко прав был Л. Н. Толстой, когда сказал: “Мясоедение есть пережиток варварства, и переход к растительной пище есть самое первое и естественное последствие просвещения”.

Кроме того, питание мясом убитых животных поддерживается нашим глубоким невежеством относительно тех тонких процессов жизни, которые совершаются в невидимой лаборатории нашего физического организма.

Мы совсем не считаемся с номенальной стороной того, что мы вводим в свой организм, а между тем материал, из которого мы строим его, не кирпичи, а живая субстанция, проникнутая определенными психическими свойствами, которые не поддаются ни взвешиванию, ни химическому анализу.

Мы совершенно не задумываемся над тем влиянием, какое наше безжалостное отношение к поедаемым нами животным может иметь на качество материала, из которого мы строим наше физическое тело. А между тем все наше физическое благосостояние находится в непосредственной зависимости от дурного или хорошего характера наших отношений к миру вне нас.

Благодаря глубокому неведению со стороны материалистической науки тех процессов жизни, которые творятся под внешним покровом явлений, она не только допустила, но и санкционировала три рода преступлений против животных: отнятие у них жизни для питания нашего тела, привитие здоровому животному болезней для поддержания нашего здоровья и жестокие мучительства над его организмом для развития науки.

Все эти преступления, как и все греховное, могут дать только дурные результаты, и с развитием просвещения они будут осуждены и изгнаны из того нового строя жизни, к которому мы медленно, но неизбежно продвигаемся.

Но даже и в наше время на Западе, особенно в Англии, возник целый поход авторитетных медиков и ученых против нашего греховного отношения к животным. Немало просвещенных докторов пришли к убеждению, что море крови, которое ежегодно проливается ради питания человечества, идет ему не на пользу, а во вред: оно усиливает животные страсти, вызывает склонность к алкоголизму и создает целый ряд заболеваний.

Передовая медицина доказывает, что там, где мясное питание вытесняет все больше из народного обихода растительную пищу, растут заболевания, и особенно три бича

современных клиник: воспаление червеобразного отростка, чахотка и рак¹, которые все три находятся в непосредственной связи с обильной мясной пищей и почти совсем отсутствуют у вегетарианцев.

Рядом с этими выводами медицинской науки растет число ученых, которые доказывают, что весьма сомнительная польза прививок сводится к отрицательной величине. Они утверждают, что улучшение гигиенических условий является несравненно более верным предохранительным средством против заразных заболеваний, нежели всевозможные прививки.

Не менее поколеблена вера и в пользу вивисекции. Из лагеря ученых все чаще раздаются голоса против бесцельных мучений, которым беззащитные животные подвергаются в ученых застенках. Все чаще и в передовой литературе, и среди наиболее благородных представителей науки встречается осуждение нашего безжалостного отношения к убиваемым животным как с точки зрения гигиены, так и с точки зрения усовершенствования человеческого типа и усиления нравственного чувства.

Из этого можно заключить, что наше сознание действительно переходит на высшую ступень; однако необходимо, чтобы это выросшее сознание проникло в жизнь, чтобы оно вызвало коренные реформы во всех подробностях нашего обихода и подняло весь нравственный кодекс нашего поведения.

Но есть в этих вопросах еще одна сторона, совершенно чуждая западному сознанию, сторона оккультная, относительно которой мне хотелось бы дать несколько указаний моим читателям.

Если допустить хотя бы как гипотезу, что за видимым физическим миром существуют миры невидимые, а за жизнью видимого организма кроется невидимая жизнь сознания, сохраняющаяся после смерти, в таком случае необходимо поставить вопрос: куда же девается “жизнь-сознание” тех бесчисленных существ, которых ежеминутно — порознь и целыми массами — убивает человек? И имеет ли какое-либо отношение сознание убитых к убивающим?

Наука молчит на этот вопрос, этика европейских народов — как и во всем остальном — довольствуется компромиссами или же ссылается на Библию, на проблематического пасхального агнца и так далее.

Совсем иное говорит этика древнего Востока и современная теософия. Она утверждает, что жизнь едина и закон един для всей Вселенной, видимой и невидимой, и что, нарушая закон здесь, на земле, мы неизбежно создаем тяжелые последствия в невидимых мирах, которые можно считать ноуменальной стороной мира видимого; и последствия эти, в свою очередь, отражаются на земной жизни и приносят с собой благо или бедствия с такой же математической точностью и неизбежностью, с какой ударяющееся о каменную стену твердое тело отскакивает назад.

Одной из самых укоренившихся идей современного сознания является право собственности. Это “священное право” относится к вещам, домам, землям, и здесь оно ограждается законом и нравственным чувством.

Но как только вопрос касается величайшего из всех прав — права живого существа на жизнь, тут на нравственное сознание современного человека набрасывается покров, сотканный из слепого эгоизма, и покров этот заставляет человека воображать, что весь

мир создан только лишь для его потребностей, что все окружающие его существа, сходные с ним по организации и по способности радоваться и страдать, существуют только ради него и их жизнь, столь схожая с его собственной жизнью, не имеет ни своей ценности, ни собственной цели.

Видал ли кто-нибудь из моих читателей, питающихся мясом, выражение ужаса в глазах той курицы, которой дворник или повар перерезает горло? И многие ли отваживались, как Л. Н. Толстой, сходить на общественную бойню и понаблюдать над психическим состоянием тех животных, над которыми заносит нож убийца? Кто видел эти картины, тот знает, что в эти минуты от животного отделяется интенсивная сила, которую можно назвать ужасом и предсмертной тоской.

Куда же девается эта сила и во что она преобразуется? Мы прекрасно знаем, что, несмотря на все наше невежество в области душевных переживаний, любовь вызывает любовь, а ненависть порождает ненависть, а также, что эти невидимые силы создают совершенно реальную связь между любящими и ненавидящими. Но мы видим только обрывок этих взаимодействий, выразившийся здесь, на земном плане; остальная игра тех же самых взаимодействий ускользает от наблюдений нашего трехмерного разума.

Но она продолжается в четвертом измерении, в невидимых для большинства миров с такой же логикой и реальностью, с какой определенные последствия следуют за причинами, доступными для нашей проверки здесь, на земле. Я сказала “для большинства” потому, что даже в наше время появляются люди с раскрывшимся внутренним зрением, которое дает им возможность производить наблюдения в области невидимых миров. И то, что они там видят и что рассказывают, совершенно логично и вполне соответствует закону причинности, который действует и у нас на земле.

Допустив, что кроме нашего осязаемого мира существуют невидимые миры, где жизнь-сознание продолжается, когда физическая оболочка убита, следует сделать еще один шаг вперед и спросить себя: как отражаются в этих мирах страдания убиваемых животных? Чем выражается этот трепет ужаса и предсмертной тоски бесчисленных жертв, жизненный опыт которых человек снова и снова прерывает незаконченным? Куда устремляется неудовлетворенная жажда жизни, все обрезанные нити ощущений, все уничтоженные возможности?

Не естественно ли предположить, что весь потусторонний мир переполнен вибрациями страха и ненависти к человеку? И не получают ли характер полной вероятности рассказы ясновидящих о том, какие угрожающие, ужас наводящие явления несутся навстречу душе злого человека, вступающего в потусторонний мир?

Отчего происходит страх смерти? Оккультист знает, что этот страх — опыт души, которая в бреду, в болезни или во сне, освобождаясь из своего физического тела и переносясь в астральный мир, видала, с какой жуткой реальностью астральные формы убитых и замученных животных набрасываются на своих умерших мучителей.

Между убийцей и его жертвой возникает невидимая для нас, но чрезвычайно сильная магнетическая связь, которая выражается в потустороннем мире тем, что убитый привлекается к виновнику своей насильственной смерти и всюду следует за ним до тех пор, пока не закончится очистительный период перешедшей в загробный мир души.

Можно себе представить, как приятно пребывание в этом мире ученого вивисектора, за которым упорно гонится стая стонущих и воющих от боли истерзанных жертв его научных

опытов!

И напрасно стали бы мы оправдывать себя тем, что нам неведомы эти невидимые нити жизни, что мы ничего не знаем о переживаниях убиваемого животного. Нет, каждый из нас видел хотя бы мимолетно, какие отчаянные усилия оно делает, чтобы сохранить свое право на жизнь. И каждый знает, что греховность убийства сказывается в глубине нашей совести совершенно отчетливо, и когда жертвой является человек, мы ужасаемся и не колеблясь осуждаем убийцу. Но эта отчетливость появилась вместе с эволюцией нашего нравственного сознания: было время, когда человек убивал своего собственного брата с легким сердцем.

В настоящее время мы достигли той ступени, на которой убийство человека карается и законом, и мучениями совести, но на убийство и мучительство животных все еще дается разрешение и собственной грубостью, и судом общественной нравственности. Несомненно, что и эта ступень останется позади нас, как остались позади века людоедства, и настанут времена милосердного отношения к беззащитным животным.

Тогда изменятся и условия в потусторонних мирах, вибрации этих миров не будут отражаться тяжелыми влияниями на нашем земном мире и люди перестанут бояться смерти. Разве мы не знаем, что и в наше время кроткие и любящие умирают без всякого страха?

Современное человечество начинает уже приближаться к той ступени своей эволюции, когда его движение вперед требует ясного сознания единства жизни и осуществления на деле закона любви и милосердия. И отдельный человек, и целый народ, сознательно нарушающий закон любви, работает над своим угасанием, ибо будущее — за сильными в любви, а не в кулачном праве, за победившими свою низшую звериную природу, а не за рабами ее. Вот почему истинный теософ так горячо протестует против боен и против вивисекции: во имя чего бы ни совершалась жестокость, она всегда влечет за собой соответствующее возмездие.

Тонкое чувство чести было во все века признаком благородного происхождения. Это чувство законное, но оно искажено узким пониманием рыцарской формулы: *pobblesse oblige* (благородство обязывает). Истинная человечность требует расширения этой формулы на весь Божий мир, на всех, зависящих от великодушия человека.

И несомненно, придет время, когда растущая совесть заставит человека осудить все хищнические поползновения в том мире, где он фактически является властелином и законодателем. И тогда он начнет строить новую культуру, основанную не на жестокости, а на милосердии, которая одна в состоянии принести человечеству и физическое здоровье, и истинное благополучие.

1910 г.

Часть XVII. Болезни

На земле зарождаются причины всего совершающегося, в астральном мире созревают последствия этих причин... Последствия эти не исчерпываются теми явлениями, которые мы можем наблюдать повсеместно вокруг себя; кроме этих видимых последствий, созревают и другие, невидимые для нас, но тем не менее реальные и полные огромного значения для ближайшего будущего народов. Они создаются теми бесчисленными вибрациями ненависти, зависти, страха и отчаяния, которые несутся от смятенного

человечества в астральный мир и порождают там условия, при которых возникают прототипы всевозможных заразных бацилл. Возникая от столкновения потрясающих вибраций человеческих злых страстей, этот невидимый посев ожидает только благоприятных условий, чтобы наброситься на землю и воплотиться в виде чумных, тифозных, холерных и других бацилл.

Таков истинный круговорот жизни: мирная культурная работа вызывает гармоничные условия в астральном мире, которые, со своей стороны, отзываются благами последствиями на земном существовании человека. И наоборот: насилие и злоба производят страшные пертурбации в астральном мире, а эти последние, в свою очередь, вызывают всевозможные бедствия на земле.

Приведенный отрывок из “Письма к читателям”, написанный летом 1909 года, исполняется в наступившем 1911 году с потрясающим реализмом. События на Дальнем Востоке — как бы страшная иллюстрация к учению теософии.

Пять лет назад поля Маньчжурии были ареной человеческой деятельности, которая по жестокости и по количеству жертв не имеет себе равной в человеческой истории.

С полями Маньчжурии связаны наши самые страшные воспоминания. У кого из нас не было друзей, братьев, сыновей или знакомых, оставшихся на этих полях навсегда и погибавших там при условиях до того жутких по своим страшным подробностям, что они в свое время терзали нас, как мучительный бред. У кого из нас в те дни не возникало хотя бы мимолетного сознания того, что зверство уже не под силу современному человечеству, что утончившиеся человеческие свойства сами восстают против кровавых боен, вызывая у участников войны потрясение нервной системы до того сильное, что оно доводит их до потери всякого самообладания, до припадков безумия, до преждевременного раскрытия перед глубоко потрясенной душою явлений сверхфизического мира...

Представлял ли себе когда-либо читатель эти поля при ярком солнце, когда оно с беспощадной отчетливостью освещало бесчисленные трупы с застывшим выражением ужаса в мертвых глазах и рядом — мучительные подробности предсмертной агонии умирающих?

Воображал ли он их ночью, при слабом освещении, когда все грубые земные звуки прекращались и невидимый мир сплетался своими незримыми призраками с отделившимися душами убитых, придвигался так ощутительно и так жутко к затихшим полям, что умиравшие должны были приобщиться к его неведомой жизни, еще не переступив грани, за которой раскрываются потусторонние миры?

Поля эти дымились не от одной пролитой человеческой крови; от них отделялись невидимые тучи, заряженные страшной силы токами, уносящими в неведомые пространства вихри злобы, отчаяния и безнадежного ужаса всех этих замученных жертв человеческого безумия.

Куда же девались эти заряженные тучи? Кто задавал себе этот неизбежный вопрос? Урок на полях Маньчжурии казался таким огромным и незабвенным, что он должен бы оставить глубокий след в сознании и совести людей. Где же этот след? Изменилась ли наша жизнь, повернула ли она на новые пути? Перестал ли над нами витать призрак войны и обнажилась ли перед сознанием вся беззаконность национального и классового эгоизма?

События отвечают на это отрицательно. Жизнь продолжает идти по тем же путям, и последствия пережитого изгладились из сердца и памяти людей; но не изгладились они из великой памяти природы; в ее незримой лаборатории ничего не пропадает даром, и то, что представители восточного и западного полушарий заседали пять лет назад на полях Маньчжурии, всходит страшной жатвой на наших глазах.

Возьмите любой отчет о чуме в Маньчжурии. В “Русских Ведомостях” от 21 января в письме из Харбина описывается такая картина:

“Вместе с русскими и английскими коллегами посетил Фудзядян, представляющий царство мертвых. Умирает ежедневно свыше 200 человек. Трупы везде — в фанзах, на улицах; тут же собаки; пожива принадлежит им. Возле больницы — двор, отгороженный изгородью в сажень вышиной, доверху набитый трупами... Скорченные трупы вколачивают в гробы... Целыми часами тянутся вереницы арб с покойниками. Впечатление, что здесь не хоронят людей, а перевозят туши мороженого мяса. Власти... начали сжигать: в разведенные костры бросают сотни трупов. В воздухе запах жженого мяса”.

А вот от 7 февраля: “В Фудзядяне от 40-тысячного населения осталось, благодаря чуме, тысяч 15... Оживленный китайский городок затих. По улицам бродят одинокие фигуры... Кое-где валяются еще неубранные трупы. То и дело встречаются двухколесные китайские арбы с наваленными на них гробами... Гробы эти отвозят за город и оставляют на открытом месте в поле. Пространство, занятое гробами, тянется по берегу Сунгари и в сторону от нее версты на четыре”... и так далее, и так далее, все в этом же роде.

Какие же выводы делаются из всех этих вестей с полей Маньчжурии? Мне не попадалось ничего иного, кроме рассуждений о санитарных мероприятиях, о мерах против тарбаганов, сведений о черных крысах, о блохах с латинскими названиями каждой породы, и — ни единого звука об истинной причине страшного бедствия.

Ни слова о том, что мир пожинает результат греховной жестокости людей, последствия погранных законов, которые не могут быть нарушены безнаказанно, ни слова о том, что зло должно родить зло и что нельзя, сея ужас и страдание, собирать благоденствие и радости жизни.

Но, спросят читатели, если чума — следствие человеческих грехов, почему же эти последствия падают на невинных? Такой вопрос возможен до тех пор, пока мы еще не сознаем, что человечество едино, пока не знаем, что одна и та же жизнь циркулирует во всем человечестве, и чем более отравы вливается в его организм, тем более в нем заболевающих и зараженных частей.

Но отчего заболевают именно эти, а не виновные? Иногда оттого, что они наиболее невежественны и пассивны, а иногда потому, что их укоренившиеся свойства нуждаются более всего в потрясениях, в ударах грома. Если мы не признаем случайностей, если видим не бессмыслицу и хаос в жизни мира, мы должны допустить, что в местах великих стихийных бедствий воплощаются не совершенные праведники с высоко развитой душой, а души, нуждающиеся в особенно сильных воздействиях и толчках.

Разбуженное этими толчками сознание пострадавших не умрет, как мы знаем, а будет снова жить в новом воплощении, но уже не по-прежнему, а умудренное пережитым опытом.

И в то же время мы можем быть спокойны, что закон кармы безошибочно совершает свое правосудие и что от него не укроются те, которые были истинными виновниками чумы, те, кто вызвал эти тучи злобы и страдания, зарядившие астральный мир страшным посевом.

Зараза, вызванная дурными страстями людей, проявляется различными способами: ее физические последствия падают на самых отставших в смысле внешней культуры; где царят бедность и теснота, грязь и невежество, там появляются наиболее благоприятные условия для воплощения заразных разрушителей физического здоровья.

Относительно этих последствий внешняя культура и хорошие гигиенические условия — самое действенное средство: общее благосостояние и опрятность ограждают людей от физических последствий человеческих грехов. И можно быть уверенным, что, когда все люди будут иметь просторные жилища, здоровую пищу и ежедневные ванны, заразные болезни прекратятся совсем и перейдут в такую же область преданий, как пиры людоедов.

Но если санитарные меры коснутся только внешней стороны человеческой жизни, а внутренние свойства человека не изменятся, то зараза будет по-прежнему действовать, но вызывать она уже будет не физические бедствия, а болезни нравственные.

Разве все учащающиеся самоубийства молодежи, внутренняя неустойчивость, расшатанность нервной системы и все формы душевных заболеваний не говорят настойчиво и ярко о том, что зараза разносится не только на почве физической грязи, но и в невидимой области души, на почве внутренней нечистоты, порождаемой эгоизмом?

В области видимой зараза проявляется повальными болезнями, в невидимой — нервными расстройствами, тоской, сумасшествием, отвращением к жизни и так далее. Это — та же чума, но против нее не помогут никакие санитарные меры.

Что же может помочь? Прежде всего широко распространенное сознание единства всех людей, а затем — ясное понимание того, что взаимодействие между видимой физической средой и невидимой психической жизнью человечества происходит постоянно и неуклонно как незыблемый закон природы.

Так же, как один человек не может отгородиться от своего народа и процветать в то время, как все остальные болеют и страдают, точно так же невозможно установить грани между физическими и нравственными причинами человеческих страданий. Самые идеальные санитарные меры не будут действенными, пока каждый будет думать только о себе и пока право сильного будет в руках эгоистов.

И пищи, и чистого воздуха, и чистой воды, и работоспособности, создающей богатства, достало бы на всех, если бы не было злоупотреблений, поддерживаемых человеческими законами.

Чтобы выйти из этого заколдованного круга, нужно признать, что духовная культура так же не обходима, как и культура материальная. Последняя должна быть делом всего общества и государства, тогда как нравственная культура — задача индивидуальная. “Каждый человек поистине сам для себя и путь, и истина, и жизнь” (“Свет на Пути”), и, прибавлю я, творец своего собственного внутреннего мира.

С внутреннего мира и нужно начинать перестройку и в нем водворять ту правду, без которой не прекратятся всевозможные бедствия на земле. И не нужно бояться

одиночества, не нужно думать, что усилия единиц ничего не значат в сравнении с жизнью всех. Закон духовного мира говорит, что бесконечно важнее, чем физические проявления человека, та внутренняя работа, которая при этом совершается в глубине его души.

Сами действия могут быть незаметны и ничтожны с точки зрения видимости, но та духовная сила, которую человек развивает, когда остается собранным и строгим к себе среди общей распущенности, когда сохраняет себя чистым среди нечистоты, целомудренным среди безнравственности, справедливым среди всеобщего нарушения правды, бескорыстным среди повальной подкупности, — такая сила превращается в огромную энергию в тех невидимых мирах, где отражаются последствия всей человеческой деятельности.

Она очищает и оздоравливает астральный мир. Сила эта, порождаемая любовью к Богу или Идеалу — что, с высшей точки зрения, одно и то же — или к страдающему миру, принадлежит уже к очень высокой области духа, а мы знаем, что, чем выше область, тем могущественнее проявление ее силы.

Происходит это оттого, что духовные силы человека скованы на земле страстями и грубо материальной средой, которая мешает их свободному проявлению. Но по существу своему они настолько могущественны, что стоит человеку вступить в серьезную борьбу со своей низшей природой и заставить замолкнуть резкие и яркие вибрации своих земных страстей, как он немедленно почувствует всю силу скрытых в нем духовных возможностей. В действительности силы эти безграничны, и они могут “горы передвигать”, если поверить в них до конца.

Когда человек вызывает к жизни свои духовные силы любви, проводит их через сознательную культуру и вносит в свою земную жизнь, он работает не для себя одного, а для всего мира. Он создает очаг силы, действие которого нельзя измерить видимыми последствиями. Последствия эти незримы, но они служат для поднятия всего человечества, они влияют на погашение дурной кармы всего мира.

Чем больше загорится таких очагов духовной силы на земле, тем скорее совершится переход человечества из мрака к свету. В этом тайна святости и ее могучего влияния на наш земной мир.

1911 г.

Часть XVIII. Аскетизм

Немного найдется вопросов, которые бы вызывали такие противоречивые решения и такую путаницу в понятиях, как вопрос об аскетизме. Мрачный фанатизм темного монаха и сознательное воздержание духовно развитого мыслителя, бесцельные самоистязания индийских факиров и проповеди о самоусовершенствовании Льва Николаевича Толстого — все это сводится к одному, к одной и той же идее “аскетизма”.

Перед этой идеей одни простираются во прах, признавая в ней величайший подвиг, другие же издеваются над ней, считая ее враждебной истинному прогрессу.

Среди бесконечных оттенков мнений об аскетизме церковный взгляд и взгляд материалистический представляют как бы два противоположных полюса.

Первый видит в монашеском аскетизме духовный подвиг и не останавливается на его

отрицательных сторонах; второй, наоборот, отыскивает одни только отрицательные стороны, проходя без всякого внимания мимо психологии тех великих подвижников, к которым нельзя относиться без глубокого уважения, и как бы не замечает, что к такому явлению не следует подходить с одной только общественной меркой, что его нельзя решать без понимания тех глубоких душевных процессов, из которых возникает тяга к уединению, искание подвижничества, потребность в созерцательной жизни.

Если рассматривать монашеский аскетизм серьезно и со вниманием, то перед нами развернется длинный ряд его ступеней, начиная с вершины, на которой, сияя совершенством, стоят святые всех времен и народов, и заканчивая мрачными потемками, где притаились изуверство и человеконенавистничество.

И если исключить великих подвижников, психология которых сама по себе представляет такой глубокий интерес, что ее не хотелось бы затрагивать мимоходом, а также всех, кто только внешним образом примыкает к монастырю, тогда увидим, что есть в монашеском аскетизме одна общая черта, которая основана на неверном представлении о тех интимных процессах, которые совершаются в борющейся душе аскета.

Черта эта — стремление уничтожить низшую природу, заклясть, побороть ее постом и молитвами, и это стремление играет такую первенствующую роль в монашеском аскетизме, что вся его психология сводится, в сущности, к непрестанной брани с низшими влечениями, инстинктами и страстями человека.

Что эта “непрестанная брань” не проходит бесследно, как не проходит бесследно ни одно активное усилие человека, тем более когда оно проявляется в области духа, — об этом мы будем говорить позднее, а теперь мне хотелось бы осветить причину, почему борьба с низшей природой в огромном большинстве случаев остается бесплодной, и с какой бы силой ни подавлялись ее проявления, она продолжает снова и снова оживать к великому смущению и ужасу аскета.

Можно целыми годами держать свою, низшую природу в суровом повиновении, но стоит лишь ослабить напряжение, рассеяться, уклониться на время от борьбы с ней, как она опять, со всем упорством стихийной силы, овладевает человеком. Все исповеди монахов переполнены этим мучительным бессилием в борьбе со своими природными влечениями, особенно с сильнейшим из них — с половой страстью.

Теософия, проникающая в несравненно большие глубины человеческой души, нежели западная психология, дает объяснение этому кажущемуся бессилию человека. В действительности бессилён не сам человек, а лишь его способ борьбы со своей низшей природой. Пока та или другая страсть еще не изжита, бесполезно изгонять ее: несмотря на все усилия, она остается в человеке, притаившаяся в скрытом месте; уничтожить ее нельзя, потому что по закону духа наши страсти подлежат не уничтожению, а преобразению.

Каждая человеческая страсть имеет два полюса: один коренится в животной природе человека, а другой, противоположный, в его божественной природе. Сознательное передвижение всех стремлений и желаний, свойств и страстей с низшего полюса к высшему и составляет содержание внутреннего прогресса человека, его движения к духовности и совершенству.

Безошибочный признак того, что человек все еще стоит внизу, — в эгоистичности его страстей, и такой же безошибочный признак его приближения к верхнему полюсу — в

сверхличности его страстей, в потребности выковать из них сильное орудие для служения не себе и своему личному благополучию, а Богу, человечеству, всему миру, смотря по тому, на которую из этих идей устремлено сознание человека.

Низший полюс тянет к разобщению, к самоутверждению, к принесению всего и всех в жертву своей личности. Верхний полюс ведет к единению, к самоотречению, к принесению себя и своих интересов в жертву интересам целого, будет ли это “целое” являться человеку как Бог, как Вселенная или как человечество.

И вверху страсть остается тою же страстью, могучим стимулом для деятельности, напрягающим все силы человека, устремляющим его к героической борьбе ради достижения желанного. И только полное неведение жизни духа и ее законов могло создать наивное представление о духовных переживаниях как о чем-то бледном, бескровном, противоположном “захватывающей красоте ярких земных страстей”.

В действительности самые яркие земные страсти — всего лишь бледное отражение тех пламенных переживаний, которые опаляют человеческое сердце на горних высотах духа, сжигая в нем все личное и преобразуя его в могучий очаг непреодолимой нравственной силы и сверхличной любви.

Вот почему бесполезно убивать страсти. Страсти бессмертны, они могут лишь очищаться и подниматься, из животных преобразаться в человеческие, из человеческих — в божественные, и это достигается или постепенно, через страдания и радости, через борьбу и испытания многочисленных земных воплощений человека, или же через ускоренный и, вследствие этого, страшно напряженный внутренний труд, быстро сжигающий все нечистые примеси страстей, на что способны лишь немногие, сильные духом, далеко опередившие остальных людей.

Для этих немногих сильных, проходящих через процесс очищения с невероятным для обыкновенного человека напряжением всех жизненных сил, аскетизм необходим: иначе организм не выдержит напряжения.

Но прошедшие через такой огонь не проклинаят человеческую природу; они все прощают, потому что все понимают, и лишь зовут людей на высоту, где злая борьба и разъединение заменяются чудным миром, любовью и прощением.

Все же, проклинаящие земную жизнь, все человеконенавистники своим настроением своим доказывают, что они не достигли цели, не смогли убить своих эгоистических страстей и, побежденные, возненавидели саму природу человеческую.

Для них еще не пробил час, и они еще так далеки от преобразования в божественную чистоту, что для них полезнее было бы устремить свои силы на очеловечивание своих страстей, а это достигается легче благодаря земным привязанностям, через семью и брак, через сильную любовь к близким и особенно к женщине. В этой сильнейшей из страстей человеческих особенно ярко выражается ступень, которой достигла совесть человека: для дикаря с еле пробудившимся сознанием исключительно чувственное отношение к женщине не вызывает угрызений совести, но как только человек поднялся над стихийной жизнью животного, такое отношение становится грехом, потому что он может поступать лучше.

Как часто приходится слышать со всех сторон жалобы на тяжесть жизни, на море несправедливости, на сгущающуюся тьму... В ответ на все эти жалобы хотелось бы

посоветовать всем недовольным проверить этим тончайшим из всех показателей состояние своей собственной совести. Пока большинство находит терпимым сохранять свое отношение к женщине на животной ступени, до тех пор и вся жизнь не может подняться и очеловечиться, потому что в этом корень и основа общественной этики.

Пока человек в своем отношении к женщине (и обратно) стремится к собственной усладе, он еще не поднялся на человеческую ступень. На человеческой ступени животная страсть преобразуется в личную любовь, которая стремится прежде всего к счастью и удовлетворению любимого существа и лишь через это счастье и удовлетворение получает свою усладу. На следующей, высшей, ступени личная страсть уже не в состоянии удовлетворить расширившееся и просветленное сердце: на этой ступени страсть преобразуется в сверхличную любовь, чаще всего к божественному Идеалу, иногда к человечеству, ко всему миру. Сила, верность и блаженство этой преобразованной страсти превышают личную страсть настолько же, насколько последняя превышает животную.

В поэме “Иоанн Дамаскин” дается намек на силу и восторг такой сверхличной страсти; здесь перед нами уже победитель, переплавивший все личные влечения в одну необъятную радость достигнутого слияния частичной своей жизни с жизнью всего мира. “О если б мог всю жизнь смешать я, всю душу вместе с вами слить... о если б мог в мои объятия, я вас, враги, друзья и братья, и всю природу заключить!” А далее поэт выражает пламенное стремление любящего сердца, его жажду отдать себя; он говорит: “Зачем я не могу нести, о мой Господь, Твои оковы, Твоим страданием страдать и крест на плечи Твой приять и на главу венец терновый! О если б мог я лобызать лишь край святой Твоей одежды, лишь пыльный след Твоих шагов, о мой Господь, моя надежда, моя и сила, и покров... Тебе хочу я все мышления, Тебе всех песен благодать, и думы дня, и ночи бдения, и сердца каждое биение, и душу всю мою отдать!”

Не отражением ли этого чистого восторга служат лучшие земные переживания человека, его жажда отдать себя, свои силы, свою нежность и “сердца каждое биение”, которые он воспевает на заре чистых радостей своей первой любви. Это те моменты, когда человеку удается на мгновение разрушить стены, отделяющие его личное я от жизни другого я, — моменты, которые дают лишь слабое понятие об огненной силе, могучей полноте и блаженстве истинной жизни, когда индивидуальность сливается с жизнью остального мира и, содрогаясь от ее безбрежности, принимает в свои объятия “и в поле каждую былинку, и в небе каждую звезду!”

Часть XIX. Аскетизм монаха и оккультиста

В прошлом письме я старалась выяснить, что прямая цель монашеского аскетизма — уничтожение страстей — не может быть достигнута; по законам духа человеческие страсти не уничтожаются, а преобразуются — или очень медленным путем естественной эволюции, или же огромным напряжением и такой героической борьбой, на какую способны лишь очень немногие, исключительные натуры.

Но, как уже упомянуто, ни одно усилие человеческой воли не проходит бесследно, и монашеский аскетизм, несмотря на всю его видимую бесплодность, все же оставляет большие и ценные следы в невидимой лаборатории внутреннего творчества.

Если принять учение теософии о многочисленных существованиях на земле, тогда становится ясным, что аскетизм монаха, вся его трудная борьба со своеволием своей временной личности, то, что называется “послушанием”, а также и точное соблюдение

строгости устава жизни, должны отразиться в будущем воплощении сильно выросшей волей, самообладанием и настойчивостью в достижении намеченных целей; а мы знаем, насколько эти свойства делают земную деятельность более ценной и более энергичной; можно наверное сказать, что чем искреннее, непреклоннее и строже был аскетизм монаха, тем значительнее и активнее будет его земная деятельность в следующем воплощении.

Насколько велик труд истинного монаха, в этом мы можем убедиться каждый раз, когда нам приходится отвыкать от какой-нибудь установившейся привычки или когда что-либо заставляет нас упорядочить сызнова строй нашей жизни. Иногда нездоровье требует полной перемены в распределении нашего дня, и мы знаем, до чего трудно бывает справляться со своими недисциплинированными желаниями.

Сейчас мне вспоминается знакомый, очень деятельный инженер, которому врач как спасение от развивающейся болезни прописал правильное вставание и утреннюю прогулку; забавно было слышать, как этот энергичный, всегда властный человек стонал: "Это хуже всякого Мукдена! Легче неприступную крепость взять, чем проделывать над собой такое насилие!" И отказался, объявил, что не в состоянии превозмочь себя.

Аскетический строй жизни, со строгой дисциплиной и постоянным принуждением себя не к тому, чего хочется, вырабатывает чрезвычайно ценный ритм в организме; а рядом с этим постоянная борьба аскета с нежелательными мыслями и эмоциями и необходимая для этого внутренняя собранность является таким могучим средством для развития воли, равного которому не найти в современной жизни.

Но из этого вовсе не следует, чтобы монастыри, в какую бы форму они ни вырождались, были явлением желательным. В них рядом с положительной стороной, которая достигается одинаково и вне монастырского аскетизма, развилось столько отрицательных сторон, что враждебное отношение к ним сознательной части общества вполне заслуженно. Но при всех своих недостатках монастыри имеют огромное значение; и пока они еще существуют и продолжают притягивать к себе народ, необходимо понять, в чем заключается тайна этого притяжения.

Тайна эта в том, что только сверхлические и религиозные идеи имеют силу вдохновлять людей, вести их вперед, утолять их духовный голод. И пока стремящиеся обновить русскую жизнь и двинуть ее вперед не внесут в народную жизнь истинного просвещения, народ будет проходить мимо них, жадно разыскивая хлеб жизни в скитах и монастырях.

В одном из своих писем мне приходилось говорить с моими читателями о том, какое великое значение придает теософия земной деятельности человека; но в то же время она учит, что нравственно недисциплинированный человек, не подчинивший свою личную волю авторитету сверхлических идей, ничем не огражден от того, чтобы его деятельность не приняла характер эгоистический, а следовательно, и несправедливый.

Вот почему во всех эзотерических школах, где ученики посвящались в оккультные методы духовного саморазвития и где передавались те учения, которые в наше время обнародованы впервые под именем теософии, аскетизм, несмотря на то что ученик оставался в мире, входил всегда как необходимое условие духовного роста.

В главных своих чертах он совпадает с высшими ступенями аскетизма, которому следовали и христианские подвижники, но цель его определяется иначе: личное усовершенствование признается не целью, а лишь средством для служения миру.

В круг такого аскетизма входит одинаково как очищение тела, так и очищение мыслей и чувств человека. Для очищения тела требуется полное воздержание от мясной пищи и от алкоголя; это — первая ступень, не перейдя которую нельзя вступить в область истинно духовной жизни: нельзя уже потому, что мясная пища и алкоголь вызывают в теле грубые вибрации, убивающие тонкие вибрации жизни духа; и еще потому, что построенные из грубых материалов, мозг и нервная система не в состоянии стать хорошими проводниками энергичного и быстрого темпа высшей жизни.

Кроме того, расширяющееся сознание ученика, сильно раздвигая границы его сочувствия, вызывает такое бережное отношение к чужой жизни, при котором убивать животное для своего питания или косвенно содействовать этому убийству становится уже невозможным.

Рядом с чистой пищей и умеренностью в еде требуется и определенный ритм жизни, строгий порядок чередования бодрствования и сна, работы и отдыха. Без введения строгого порядка в работу организма последний не может стать послушным орудием духа. Чем беспорядочнее и произвольнее образ жизни, тем деспотичнее становится тело, что мы и видим в высших классах общества, которые привыкают жить в полном рабстве у своих физических вкусов, прихотей и влечений и отдают большую часть своего времени и сил на их удовлетворение.

Здесь мы опять имеем две сходящиеся крайности: монашество грешит тем, что оправдывает неделание ради усмирения своей плоти, а современный материалистический строй грешит тем, что оправдывает чрезмерное делание ради удовлетворения своей плоти. И то и другое одинаково чуждо истинной духовности.

Истинная духовность требует не гонения на плоть и не обожествления плоти, а преобразования ее в совершенное и послушное орудие духа. Из полного подчинения тела духовному началу в человеке вырастает такая могучая сила, о размерах которой мы можем судить лишь приблизительно по тем святым подвижникам и великим основателям религий, которые, победив себя, становились Учителями и Руководителями человечества.

И все же, несмотря на всю свою самоотверженную любовь к людям, и они стремились к уединению, и избегали людского шума. Останавливаюсь на этой черте, потому что так часто раздаются несправедливые упреки: почему святые предпочитают спасаться в лесах и пустынях, вместо того чтобы жить в тесном общении с людьми?

На очень высокой ступени развития это невозможно, потому что у вполне очистившегося человека развивается такая утонченная чувствительность, которая делает для него невыносимыми грубые вибрации больших городов. Даже Франциск Ассизский, весь горевший нежнейшей любовью к людям, особенно к угнетенным и грешникам, и тот не мог оставаться среди городского шума, а выбрал для себя и своих учеников уединенную хижину вдаль от города, поближе к “*carceri*” — к тем лесным гротам, высеченным природой в горе Субазо, которые были почти недоступны по крутизне вьющихся к ним тропинок; туда он удалялся от времени до времени, чтобы остаться наедине с Богом и со своей душой.

Иначе физический организм, потрясаемый грубыми вибрациями окружающей жизни, не смог бы удержать ту собранную цельность и гармонию и тот тихий свет сверхличной любви, которым живет победивший дух человека.

Без этих признаков нет истинной духовности, без них не достигнута еще победа.

Победитель светит своей ясностью и своей любовью. Словами ясного Франциска Ассизского и закончу это письмо к моим читателям. Он не любил мрачных лиц и, заметив грустное лицо у своего ученика, сказал ему: “Если ты совершил какой-либо грех, раскаивайся в нем, когда останешься наедине с Богом. С людьми же сохраняй ясность духа, ибо не должно иметь угрюмого лица, когда находишься на службе у Господа”.

1912 г.

Часть XX. Аскетизм йога

Тьмы тысяч победил в битве доблестный воин;
но превыше его мудрый, победивший самого себя.

Дхаммапада, VIII: 103

Один из моих читателей, подписавшийся буквами В.А., просит сообщить, “какими методами обладает наука йога и почему ее методы оккультные, а не обнародованы открыто для всех”. В.А. правильно назвал йогу “наукой” и потому ее следует изучать как науку. На Западе в ее чистом виде она почти неприменима, и это происходит от глубокой разницы веками слагавшейся психологии восточного и западного человека. Ее главные условия — духовная цельность, могучая сила воли, сосредоточенность мысли, водворение внутренней чистоты и тишины, что для нашего тревожного, хаотического, полного противоречий внутреннего мира пока почти недоступно.

Происхождение йоги нужно искать в двух древних философских системах Индии — санхья и веданта, которые рассматривают мировую жизнь: первая — со стороны материи, вторая — со стороны духа. Творец философии йоги, индийский мудрец Патанджали, дал в своих “Сутрах” научно обоснованные психологические методы для ускорения внутренней эволюции человека. Эти методы изучались в оккультных школах Востока. Цель йоги — реальное слияние духовной природы человека с Первоисточником жизни; следовательно, ее цель та же, что и у западного мистика, стремящегося к соединению с Богом. Но последний достигает цели путем любви к Богу, доведенной до экстаза, возможной лишь в момент наивысшего подъема его духовной природы, тогда как йог достигает этой цели, владея знанием человеческой природы, дающим ему возможность сознательно направлять ее внутренние процессы, преобразовать ее и господствовать над ней. “Царственная йога”, как называют ее индусы, ведет человека на самый верх горы, но достижима эта вершина лишь для того, кто победил свою низшую природу, кто поверг к своим ногам самого страшного и самого сильного из всех врагов — свое собственное жадное, себялюбивое, тревожное я.

Но прежде чем дойти до этой вершины, где стоят победители, нужно совершить огромный путь внутренней борьбы и внутреннего труда. Правда, “царственная йога”¹ указывает, как ускорить этот путь, но сделать чудо, незрелого человека превратить в сверхчеловека — это и невозможно, и нежелательно. Достижение йоги на Востоке возможно только потому, что там внутренняя эволюция шла по совершенно иному направлению, чем развитие европейца, и она в течение веков развивала в душе индуса власть над его низшей природой.

“Почему методы йоги оккультные, а не обнародованы для всех?”

Да потому же, почему дифференциалы остаются оккультными для учеников младших классов, почему так долго оккультным оставалось действие пара, электричества,

магнетизма и так далее. Каждый опытный педагог знает, что все, что делается преждевременно, только подрывает здоровую энергию души, что ее силы вырастают медленно и постепенно.

Но как в мире физическом, так и в мире духа наступают свои кризисы, свои переломы, свои взрывы долго накопленной энергии. Мы живем в такую эпоху. Человечество выросло и переходит в старший класс. Это чувствуется по тому углублению, по тем серьезным запросам, которые раздаются со всех сторон, по обострившейся потребности достойного смысла жизни и более всего проявляется в ярко выраженном чувстве неудовлетворения, в той жажде высших откровений, которая устремляет наш дух в область незримого и вечного.

В ответ на эту жажду восстают из пепла веков давно забытые сокровища древней Мудрости, и как новое благое откровение доносится до наших отчаявшихся усталых сердец вера молодого человечества в божественность своей природы, в реальность потусторонних миров, в бессмертие души и в возможность познания Бога.

И можно наверное сказать, что придет день, когда европейцы будут изучать духовную культуру древнего Востока с такой же страстью, с какой в XIV и XV веках Европа изучала античный мир. И это будет великим толчком для нашего духовного развития, потому что нигде культура духовности не достигала такой высоты, как в древней Индии.

Но это не будет возвратом к древности или переходом в буддизм или брахманизм. Это будет движение вперед, к новому жизненному творчеству, к расширению сознания, к включению в него всего ценного, что выработало человечество. Это вызовет осознание, что весь человеческий род — одна семья, что все народы работают для одной и той же цели; что индусы и китайцы, англичане и русские — лишь различные проводники единой Жизни, единого Сознания, которое в различные эпохи и различными средствами развивало все новые стороны своих бесчисленных граней.

В эпоху древней Индии задачи были совсем другие, нежели наши: то было время духовной автократии, а древние индусы были чистыми созерцателями, они поднимались в своей духовности высоко над грешной землей и считали единственно достойной задачей для сознания искание единства, гармонии, синтеза всей мировой жизни в божественном Единстве. Наша задача совсем иная: задача христианских народов — развитие общественности, самодеятельности, создание совершенных форм жизни.

Но наше творчество до сих пор лишь по имени христианское, по существу же оно не только не проникнуто заветами Христа, а наоборот, оно грубо и жестоко. И это неизбежно, пока мотивом творчества продолжает быть эгоизм, лишь расширившийся из эгоизма личного в более беспощадный эгоизм партий, классов и народов. Чтобы внести в наше творчество внутреннюю красоту и одухотворить его, необходимо изменить самый мотив деятельности, а что иной мотив возможен, этому учит одухотворенная психология древнего Востока, венцом которой является “царственная йога”.

Один из самых красивых символов душевной силы создан древними индусами: победитель своих страстей спокойно и уверенно стоит на колеснице; властно держит он поводья, и покорно несут его укрощенные кони с быстротою ветра, если он захочет того, или же останавливаются как вкопанные по легкому мановению его руки. “Даже Боги завидуют тому, чьи обузданные страсти — как кони, укрощенные возницей”, — говорится в одной из священных книг Востока¹.

В длинном ряду поколений развивали индусы власть над своими страстями и мыслями, а до какой сказочной для нас степени достигает эта власть, может дать понять рассказ А. Безант о знакомом ей индусе — и даже не брахмане, который не соглашался принять хлороформ во время очень мучительной операции; когда же доктор начал убеждать его, что лучше не подвергаться бесполезным мучениям, индус спокойно отвечал, что никаких мучений он испытывать не будет. Операция была сделана, индус вынес ее не поморщившись, а когда госпожа Безант стала его расспрашивать о перенесенной боли, он ответил, что совсем не чувствовал боли, потому что внимание его во время операции было устремлено на определенную идею.

Для нас это невероятно, а для индуса это — нормальное явление. Такая могучая власть над собой несет на себе печать высокого аристократизма, и когда представишь себе такого изящного индуса с его тонким чувством уважения к каждой чужой жизни, в совершенстве владеющего собой, спокойно сдержанного и душевно вежливого со всеми, и пробуешь вообразить его среди представителей модных западных течений, хотя бы лицом к лицу с героями Пшибышевского или нашего Соллогуба и Арцыбашева¹, — какое глубокое изумление должно отразиться на спокойном лице индуса!

Каким вульгарным показались бы ему идеи этих героев, каким дурным тоном повеяло бы на поклонника богоподобной красоты от их нехорошего бреда... Не могу себе даже представить, что отразилось бы в его душе, воспитавшейся на тысячелетних усилиях укротить внутри себя животное для того, чтобы победа осталась за Богом, если бы он, не предупрежденный, встретил в XX веке в культурной христианской стране людей, открыто проповедующих унижение Бога и возведение животного на царственный трон. Это была бы знаменательная встреча: самого античного из всех кодексов нравственности и самого последнего культа разнузданности.

Устремлять фокус внимания на Целое, а не на части, на Вечное и Прекрасное, а не на временное и несовершенное — вот одна из тайн “царственной йоги”.

Могу открыть моему читателю В.А. и еще одну тайну. Йог борется не для себя одного, а для всего мира. Он проникнут чувством глубокого единства своего я со всей Вселенной. Он говорит, глядя вокруг себя: Tat twam asi, то есть это — ты. Он видит себя в мире и видит мир отраженным в себе. И это — вовсе не абстракция. Он знает, что все его мысли, чувства, каждое усилие воли есть живая сила в общей экономии духовного мира.

Мудрая мысль, праведное чувство, бескорыстное усилие каждого отдельного человека увеличивают силу того невидимого рычага, который поднимает все человечество к совершенству; и наоборот, все злые, эгоистические и корыстные мысли, чувства и стремления ослабляют силу этого рычага.

Он знает, что победившие свой эгоизм ради блага всех протягивают свои сильные руки, чтобы помочь более слабым братьям своим, а чем больше сильных рук протягивается к отставшим, к задержавшимся в темноте, тем быстрее все человечество пойдет вперед.

Этот могучий мотив и дает йогу его огромную силу: он знает, что его победа и его праведность приближают победу и увеличивают праведность всех.

И не думайте, что для этого нужно уйти в пустыню или запереться в монастырь. Истинный йог должен работать в мире и для мира, зная, что каждая бескорыстная деятельность, совершаемая не для себя, а для блага других, — такая же духовная сила, как самая пламенная молитва праведника.

“Раджа-йога” стремится к тому, чтобы человек стал прекрасен и богоподобен. И это — не ересь. То же самое заповедал и наш Учитель Христос, сказав: “Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный”. Для этого существует Вселенная. Для этого Господь зажег все эти жизни. Пускай искра Его огня еле теплится в иной из них, но все они зажглись от божественного огня и должны разгореться в божественную красоту.

1912 г.

Часть XXI. Радость

Дайте величайшие блага человеку, нарушающему закон Бога, и он будет несчастен. Отнимите у человека, положившего свое благо в исполнение божественного закона, все, что людьми считается за благо, и он все-таки будет счастлив.

Л. Толстой

Радость духа есть признак его силы.

Эмерсон

Я хочу говорить сегодня на тему, самую редкую в наш век. Кто в наши дни не только говорит, но хотя бы мельком упоминает о наиболее светлом, наиболее окрыленном из всех даров человеческой души, — о радости?

Да и возможно ли говорить о ней в наше темно-скорбное время, после всего, что прошло перед нашими глазами на заре нового века?

И не навсегда ли погас ее свет с тех пор, как для человеческого сознания зажегся Прометеев огонь пытливого проникновения в тайны Бога, гордого страдания от добровольного одиночества, неутолимой тоски по утерянной красоте отвергнутого неба?

Нет, радость бессмертна, она — отражение Жизни Бога, и потому погаснуть она не может никогда.

Правда, бывают темные времена, подобные нашим, когда свету радости не в чем отражаться, но она тем не менее здесь, около нас, незримая и неосязаемая, и от нашей воли зависит воплотить ее в жизнь нашей души.

Чтобы понять сущность радости, нужно проникнуть в большие глубины. Посмотрите кругом: кто способен испытывать беспримесную радость? Малые дети и святые. Что же общего между этими противоположными полюсами человеческого возраста? Может быть, уловив это общее, мы лучше поймем тайну радости.

Три одинаковых признака отличают и дитя, и святого. Ребенок радуется, потому что еще не выделил свое личное я из общей жизни, еще не построил стену между собой и остальным миром; его душа открыта, и он разделяет стихийную жизнь мира. То же и у святого: он победил свое личное я и уничтожил стену, отделявшую его от остального мира, он перенес центр жизни из своего крошечного эгоистического я в широкий простор общей мировой жизни, он раскрыл свое сердце и заключил в него все живое.

Ребенок радуется еще и потому, что в его душу пока не проникло сомнение, он еще полон бессознательной веры.

Не менее исполнен веры и святой, но веры сознательной, закаленной в огне страдания,

прошедшей через все тяжелые искусы земной жизни.

Третий признак, сближающий дитя и святого, — это отсутствие забот. Ничто так не разъедает здоровую радость бытия, как бесконечные заботы, все более усложняющиеся с возрастом человечества. Его творчество расширяется, предметы этого творчества умножаются до бесконечности, и жадное желание современного человека всем воспользоваться, все захватить для себя и для своих становится все ненасытнее и острее, делает его рабом и гонит покой из его души.

А радость требует свободы и внутренней тишины. На шумных площадях, в суете повседневных забот, в беспокойном искании все новых впечатлений невозможно уловить светлую гостью и нельзя удержать ее в сердце своем. Для этого нужно отойти от житейской суеты не физически, а внутренне.

Ибо возможно стоять в самом водовороте земной жизни и все же испытывать внутреннюю тишину. Это бывает, когда человеку удастся временные интересы заменить вечными и прогнать заботы из сердца своего — стать как дитя. Мудрец и святой достигают такой тишины именно тем, что они живут вечным, отчего земные заботы теряют свою силу над ними.

Это очень трудно понять человеку на всем ходу современной жизни, главным признаком которой является бесконечная сложность внешних интересов, и отсюда — все более растущие заботы о завтрашнем дне.

Но это — временное явление, а не норма жизни. Это лишь признак молодости человеческих масс, а не свойство человеческой природы самой по себе и не неизбежное условие земного быта. Сложность эта нужна, пока человек растет, как нужна школа для детей, и если школа, в которой должны развиваться молодые силы детей, превращается в место пытки, кто решится сказать, что это — норма обучения? Что жестокие английские школы, увековеченные Диккенсом в его романах, или наши старинные кадетские корпуса и наши бursы сороковых годов есть нечто неизбежное?

На всем этом люди выучились, как не следует поступать, все это уже пережито, и наши теперешние педагогические приемы заменятся со временем настолько более совершенными, что современная школа будет вспоминаться, не далее как через сто лет, так же, как англичане вспоминают школу времен Давида Копперфильда или как мы вспоминаем описанную Помяловским бурсу.

Из этого вытекает, что все несовершенства жизни временны, что они есть неизбежное условие эволюционного процесса.

Неизбежно и то, что от этого несовершенства страдают более всего два крайние полюса человеческой семьи: передовой, который состоит из наиболее развитых и тонко воспринимающих людей, страдает оттого, что несравненно болезненней чувствует недостатки своего времени, а нижний полюс, состоящий из народных масс, страдает в силу того, что несет на себе всю главную тяжесть этих недостатков.

Темнота, озлобление, предрассудки — вот что более всего портит жизнь. Но темнота уничтожается просвещением, озлобление — нравственным развитием, предрассудки — расширением кругозора. Это — временные гасители радости.

Нас болезненно режет мучительный разлад современной жизни. Эта боль — хорошее

чувство, но она должна толкать к доброй деятельности, а не к унынию и сомнению. Мы должны стремиться к более совершенным формам жизни, но в то же время твердо помнить, что суть не в формах.

Суть — в той нетленной красоте, к которой не перестает стремиться наша душа. Все видимые формы — это лишь несовершенные попытки выразить эту красоту. Мы ловим ее отблески повсюду, мы жадно ищем их в жизни, в людях, в природе, в искусстве и никогда не удовлетворяемся, потому что находимся в процессе развития.

Вся земная жизнь есть неустанное достижение. Чего? Совершенной красоты, которая дает совершенную радость.

Но пока мы будем искать этой красоты лишь во внешних формах, а духовное содержание, от которого зависит нравственный порядок жизни, останется в состоянии зачатка, радости не будет на земле.

И вот здесь мы подходим к происхождению радости: радость исходит из высшей природы человека, из его духа, а не из интеллекта и даже не из чувства. Можно быть первоклассным мыслителем, обожать своих детей, быть самоотверженным членом своей партии, даже жертвовать жизнью для осуществления своей идеи, и все же внутренне темным и несчастным и совсем не знать радости. Ибо все, что служит личному началу, хотя бы и чрезвычайно расширенному, бессильно вызвать истинную радость и удержать ее.

Радость — сверхличная. Это ее коренной признак. Этим она отличается от эгоистических удовольствий и наслаждений. Но в таком случае она недоступна для большинства людей. Для большинства нашего времени, не признающего ничего выше своей воли, ставящего свои личные мнения и вкусы высшим законом, она недоступна.

Все сверхличное предполагает существование высшего начала, не подверженного переменам и колебаниям. Начало это должно стоять над эволюционным процессом и оставаться неизменным, какие бы бури ни потрясали внешнего строя земной жизни.

Признание высшего начала, другими словами — Бога и нравственного порядка, независимого от текущего и постоянно меняющегося эволюционного процесса, есть основа религиозного сознания. А религиозное сознание и опытное переживание радости стоят в такой непосредственной связи, что одно без другого невозможно.

Только религиозное сознание в силах победить эгоизм нашего я, изгоняющий радость из человеческого сердца. Мудрец и святой — разница между ними та, что последний чувствует свое единство с Богом и миром, а первый сознает это единство — не знают уныния, потому что они победили главный источник всех душевных тревог, свое личное я. Они живут, поднявшись над этими тревогами, они опытно приобщились к широкой жизни мира, отсюда — свобода, свет и полнота их внутренней жизни.

На это могут возразить: они могли подняться над тревогами своего личного я, но имеют ли они право подниматься над чужими тревогами и страданиями? Не приведет ли это человека к равнодушию, а саму жизнь — к застою? И не видим ли мы, что как раз наиболее добрые и отзывчивые приходят в отчаяние при виде чужих страданий?

Несомненно, что отзывчивость выше равнодушия, но есть нечто еще более высшее. Можно быть очень добрым и не уметь проникать в глубь явлений.

Человек, желающий познать истину своим собственным разумом, должен еще дорасти до такого познания. Пока же он не дорос, он неизбежно будет заблуждаться, измеряя огромные величины своим маленьким личным масштабом. Если же он захочет мерить соответствующей мерой, он неизбежно поднимется до религиозного сознания, которое обнимает всю мировую жизнь, все времена и все этапы человеческого опыта и приводит к светлой уверенности, что все, переживаемое миром, а следовательно, и нами, — разумно, необходимо и ведет к конечному благу.

Нет ни одного ненужного явления, ни одного излишнего страдания, все хаотическое — временно и в конце концов превратится в гармонию. И эта уверенность не только возможна, она неизбежна для выросшего и углубленного сознания. Но она ведет не к равнодушию, а к расширенной отзывчивости, не к застою, а к сознательному участию в мировом творчестве.

Возьмите человеческое творчество: все, что человек создает ценного и прекрасного, проходит через тяжелые процессы: камень разбивается вдребезги, железо накаливается докрасна, мрамор обтесывается, но ведь это делается не бесцельно, а для того, чтобы и камень, и железо перешли в более высокое состояние, стали проводниками человеческого творчества.

Нечто подобное происходит и в процессе духовной эволюции, через которую проходит человеческая душа. Она переносит мучительные переживания и скорбные опыты для того, чтобы, не останавливаясь на достигнутых ступенях, подниматься все выше и выше.

Поднятие это трудно и требует большого напряжения; но это потому, что достигаемая вершина чрезвычайно высока. И неужели мы пожелаем, чтобы она опустилась до нашего уровня?

Если же такой уровень нас не прельщает, необходимо примириться и с тем напряжением, и с той болью, которые испытывает наша низшая природа, когда незримый Художник отбивает от нее беспощадно кусок за куском для того, чтобы выявилась скрытая за ней красота нашей божественной природы.

Эта боль и это напряжение особенно мучительны в переживаемую эпоху. Потому что наша эпоха — расцвет личного начала, завершение внутренней обособленности, каких мир еще не видел никогда. Отсюда — чувство душевного одиночества у современного интеллигентного человека.

Но и это — явление временное. Яркое переживание личных эмоций, острое ощущение всего, что соприкасается с собственным я — лишь ступень, необходимая для развития индивидуальности, для построения отчетливого индивидуального центра сознания. И эта ступень минует, и настанет конец душевному одиночеству человека, которое выросло до таких мучительных размеров в наше время.

Кто испытывал восторги молодой любви, тот знает, какое блаженство заливает сердце, раскрывшееся для того, чтобы принять в себя другую жизнь; на короткое время стена, замыкающая наше отдельное я, падает, и вместе с жизнью другой души в наше сердце вливается и радость.

Но эта стихийная радость не в нашей власти, и длится она недолго: пламенное чувство остывает, и человеческая душа снова замыкается в своем одиночестве.

Чтобы радость не переставала светить человеку и оставалась в его власти, необходимо, чтобы единство жизни проникло в его сознание и он познал, что его одиночество — иллюзия, что его собственная жизнь и жизнь остального мира связаны такими бесчисленными нерасторжимыми нитями, что всякая попытка оторвать себя от общей жизни приведет лишь к страданию и внутреннему оскудению.

Другого пути для водворения радости в человеческом сердце нет: разрушайте свой эгоизм, принимайте в свою душу жизнь окружающего мира, сознавайте.

свое единство — как с самым великим, так и с самым малым, и радость не будет покидать вас.

Мало того: вы сделаетесь светочами и для других, потому что духовная радость — великая сила, изгоняющая всякий мрак из души человека, и прежде всего его сомнение в себе самом, в своей божественности, в вечной ценности своей бессмертной души.

1913 г.

Часть XXII. Красота

Красота спасет мир.

Достоевский

Всю жизнь меня потрясали таинственные слова Евангелия: “Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный”.

“Будьте прекрасны, будьте всеведущи, будьте свободны и всеильны”, — переводила я смысл этих таинственных слов, и перед моей душой занималась заря неведомого света, словно приподнималась завеса, скрывающая тайну будущего.

А между тем две тысячи лет твердили человеку, что он — тлен и прах, что он — сосуд греха и что само спасение его души возможно только благодаря божественному милосердию.

Я не знаю ничего патетичнее старенькой крестьянки-бабушки, всю жизнь работавшей не меньше своей измученной клячи и не имевшей никаких радостей, кроме бездны всяких забот и горя, когда она, глубоко вздыхая и благоговейно крестясь, молила Царицу Небесную: спасите ее, грешную, от заслуженной гибели.

Это патетическое настроение легло в основу духовной жизни всего христианского мира, оно обессилило души людей недоверием к себе, превратило в какую-то мертвую фикцию идею Бога- Отца, а у потерявших веру интеллигентных слоев общества совсем заглушило сознание своей божественности.

Но и это — результаты временного заблуждения. Все наше тревожное беспокойство за судьбу человека прекратится, как неразумный лепет ребенка, когда мы будем больше знать нашу собственную природу, подойдем к ее незатронутым еще глубинам и начнем сознательно развивать скрытые в ней возможности.

Помню, как меня много лет назад взволновало письмо, помещенное в одном из наших ежемесячных журналов, в котором автор в ответ на статью, освещавшую религиозный вопрос с догматической точки зрения, спрашивал с волнением и душевной мукой: где

искать ключ к евангельским тайнам, как понять призыв Христа к совершенству, как понять Его обещание “горы сдвигать”, возвращать зрение слепым, слух глухим, здоровье страждущим?

Он видел в этих словах Христа указание на безграничные возможности внутри самого человека, на какие-то скрытые в нем силы, которые могут сделать его богоподобным и о которых мы ровно ничего не знаем.

“Где же скрываются эти силы? Как вызвать их к жизни? Кто укажет нам?” Вопросы эти были поставлены автором письма с большим огнем, и все письмо было проникнуто твердой решимостью искать и стучаться до тех пор, пока не раскроется тайна обетования Божественного Учителя, перед которым все было открыто — и прошедшее, и будущее — и который не мог обещать неисполнимого.

Меня потрясло это письмо, потому что в нем был громко и определенно поставлен вопрос о том самом главном во всем учении Христа, что в течение двух тысячелетий замалчивалось, вольно или невольно, а если и затрагивалось, то на таких туманных высотах мысли, которые совершенно недоступны в долине жизни, где живут обыкновенные люди. А ведь слова Христа были сказаны для всех, они всем обещали, что человек может достигнуть божественного совершенства.

Хотелось бы мне знать, удалось ли автору письма найти ключ к тайне христовых слов? Возможно, что да, потому что его душа загорелась тем огнем, который заставляет человека сойти с привычных тропинок мысли, искать новых путей и доходить до конца; и есть много признаков, что это — не исключительное явление, что уже много человеческих душ начинает искать тот же ключ.

Судя по этим признакам, мы подходим к новой мировой задаче, к задаче внутреннего строительства, вызывавшей к себе до сих пор так мало внимания, потому что люди были слишком поглощены внешним строительством.

Задачу эту можно было бы обозначить тремя словами: раскрытие тайны человека.

Мы уже вырвали много тайн у природы, но нам не удастся постигнуть тайну Бога, пока мы не овладеем “тайной человека”. Ибо не вне себя, а только внутри себя может человек познать Бога.

Читатель может спросить: какие же я вижу признаки того, что люди подходят к этой новой задаче? Виднее всего эти признаки проявляются в искусстве, которое все более и более стремится передать не то, что вне человека, а то, что внутри него. И еще заметнее это в том вдохновении и подъеме, который художник вызывает каждый раз, когда ему удается выразить в звуках или красках ту таинственную, невыразимую для трехмерных понятий жизнь души, которую все мы носим в себе.

Мы смотрим на картину талантливого художника, которому удалось в прекрасных воздушных символах выразить глубочайшие переживания своего духа, которым нет названия на земном языке, и мы испытываем вместе с ним его глубокие и светлые волнения, переносящие нас на высший план бытия.

Мы слушаем одухотворенную музыку и на время перестаем жить нашим обычным сознанием во времени и пространстве, мы начинаем жить высшим сознанием, ибо гармония, созданная такою же человеческой душой, как наша, будит в нас ответные

вибрации и поднимает нас в высшие миры, где кончаются наши земные диссонансы и начинается непрерывная гармония.

В такие минуты в нас проявляются силы, которые в обыденное время спят. Искусство будит их, потому что лишь оно одно способно выразить красоту духа, а ничто не действует так сильно на нашу душу, как напоминание об этой красоте. Мы так долго жили сознанием только на одном физическом плане и так привыкли к его шумным и резким вибрациям, что, когда нам удается подняться на высоту, где раскрывается вся тонкая красота нашей духовной природы, нас потрясает внезапное прикосновение к ней.

Прошлой зимою мне пришлось быть на лекции- концерте пианиста Шора. Концерт давался в провинциальном городе; зал был переполнен. Лектор говорил о том, как создавалась музыка, как она прежде всего служила для выражения религиозного чувства людей, он говорил о судьбе русской музыки и об ее особенностях, затем знакомил аудиторию с характером музыки Чайковского, демонстрируя ее при помощи туманных картин, рояля и пения. Все это было очень интересно, но всеобщий подъем и напряженное внимание начались тогда, когда лектор заговорил о душе русского народа.

Он говорил, что душа народа, создавшая такую музыку, как наша, музыку, в которой соединились глубина и одухотворенность, необъятная широта настроения и тонкая отзывчивость, — такая душа таит в себе великие духовные возможности. Она создаст своих Бетховенов и своих Моцартов, но еще более могучих и прекрасных. На это ей дают право ее страдания и ее размеры.

Но что такое народная душа? Где она?

Эта душа — мы сами, наш собственный дух, и, если мы хотим, чтобы душа нашего народа создала высокую красоту, мы должны растить красоту в себе самих, мы должны очищать наш внутренний мир, сознательно оберегать его от дурных вторжений, строить его по линиям той чистой красоты, которая раскрывается перед нами, когда мы перестаем подчиняться велениям нашей низшей природы и начинаем слышать голос нашего Высшего Я.

Я могу не точно передать слова лектора, но смысл их был именно такой. Смысл этот и был той электрической искрой, которая зажгла всех присутствовавших; когда мы расходились, чувствовалось совершенно необычайное настроение, словно произошло какое-то важное и радостное событие. А произошло только то, что людям напомнили, что они могут быть прекрасными.

Мы так привыкли, что все призывы обращены к нашему интеллекту и лишь изредка — к нашим чувствам, и так необычен для нас призыв к вечной красоте нашего духа, а тем более — твердо высказанная вера в эту красоту, что это для нас — такие “неведомые звуки”, какие когда-то потрясли наших далеких предков, правивших кровавые тризны, когда они впервые услышали проповедь всепрощающей любви и кроткого милосердия.

Во время лекции-концерта Шора можно было ясно видеть по загоревшимся глазам и просветленным лицам, что “неведомые звуки” падают не на бесплодную почву, а на вспаханную ниву.

Такое же впечатление можно было вынести и из другого общественного собрания, на котором демонстрировалась, хотя и совершенно иначе, по существу все та же скрытая красота человека. Я говорю о вечере в петербургском Михайловском театре, на котором

столичная публика знакомилась с чрезвычайно интересным явлением, носящим скромное название ритмической гимнастики.

Жак Далькроз, изобретатель этой новой области искусства, показал в наглядных примерах, что гармония живет в душе каждого человека; нужно только разбудить ее и перевести из скрытого состояния в явное.

Вызванное посредством музыки чувство гармонии выражается у учеников Далькроза необыкновенной красотой движений: легкость, грация, благородство и свобода этих движений заставляла мечтать, что на сцену Михайловского театра спустился греческий Олимп, и не простые смертные, а молодые боги двигаются под ритм музыки — то легкие, как духи природы, то величественные, как пророки, то нежные и мечтательные, то суровые, как древние воины.

А между тем ученики Далькроза — простые работники и работницы из Hellergau вблизи Дрездена, где он основал свой “Институт ритмической гимнастики”. Немудрено, что зрители, привыкшие смотреть на себя как на “продукт наследственности и среды”, должны были невольно задуматься: откуда эта неожиданная красота? Как объяснить эту грацию, это достоинство и высокую одухотворенность в движениях обыкновенных людей?

И, что самое главное, эта гармония и красота — не результат искусственной тренировки, какая бывает в хореографических школах, где совершенство движений у танцующих достигается путем упорного и часто мучительного труда. Все присутствовавшие при занятиях Далькроза говорят о чувстве удовлетворения и радости, которое испытывают его ученики.

Рассказывают, что пожилые люди, сбегаящиеся толпами, чтобы посмотреть на упражнения в “Институте” Далькроза горюют, что им уже поздно учиться и не придется испытать тех радостей, какими пользуется их молодежь.

Это чувство радости есть ясное указание на то, что Далькроз напал на путь прямого воздействия на высшую природу человека, на его дух, или его Высшее Я, как называет более тонкая восточная психология внутренний центр человека.

Музыкальная гармония — принадлежность высшего, духовного плана, а не нашего физического плана; там нет диссонансов, а следовательно, нет и страданий, там царит гармония и ее спутница — радость. Наше Высшее Я живет, или вибрирует — что одно и то же — по законам этого высшего плана (или духовного мира, как принято называть на Западе); ему свойственна та же гармония, и это хорошо знают все гении, мистики и великие художники, которые тем и отличаются от обыкновенных людей, что они приходят в прямое соприкосновение с этим высшим планом бытия; но и обыкновенные люди приходят с ним в соприкосновение, когда музыкальная гармония заставляет вибрировать их Высшее Я.

Подобное действует на подобное: под влиянием однородных вибраций человеческий дух пробуждается и овладевает своим орудием — земным сознанием, в котором в эти минуты слияния с его высшей природой погасают все резкие, земные шумы и возникают отзвуки неземной красоты невидимого духовного мира.

Этого и достигает Далькроз: он будит высшую природу своих учеников, которая заставляет тело двигаться по законам собственной гармонии; отсюда — красота

движений и красота настроения, которую мы называем радостью.

Такую же радость мне приходилось наблюдать на уроках музыки А.В.Унковской, так же, как Даль кроз, умеющей будить дух своих учеников и так же пролегающую новые пути для искусства своей “цвето-звуковой методикой” обучения детей музыке.

Такая радость будет частой гостьей в школах будущего, когда педагоги узнают истинную природу человека и начнут действовать не вопреки ее законам, как они действуют теперь, а в согласии с этими законами.

Все такие явления, как обращенная к Высшему Я лекция-концерт Шора, как будящие интуицию цвето-звуки Унковской, как раскрывающая красоту человека ритмическая гимнастика Далькроза, все это — приближение к той грани между видимым физическим миром и миром невидимым, которая становится с каждым днем все прозрачнее и тоньше.

Еще несколько таких наглядных уроков — и передовая волна человечества вступит в новую эру; в этом недалеком будущем форма будет признаваться орудием духа, а новая общественная этика потребует от человека, чтобы он подчинял свое творчество велениям духа, а не требованиям эгоистических инстинктов своей низшей природы.

Прелюдией к этому новому акту человеческой драмы будет пробужденная вера в красоту человека, в беспредельные возможности его эволюции, в божественные свойства его бессмертного духа.

Воистину, красота спасет мир.

1913 г.

Часть XXIII. Труд

Бескорыстный труд есть тот фундамент, на котором может быть возведено здание справедливой общественной этики.

Недавно мне пришлось прослушать доклад, который по новизне идей можно назвать одним из предвестников пробуждающегося высшего сознания, которому предстоит по-новому перестроить всю нашу современную жизнь.

Докладчицей была Александра Логиновна Погосская — случайная гостья в России, уже давно переселившаяся в Лондон, где ее идеи нашли больше понятливых слушателей, чем в России; возможно, что это произошло из-за того, что идейная пропаганда Уильяма Морриса и Джона Рескина подготовила сознание англичан к восприятию ее идей, далеко опередивших свое время.

Нет доли более трудной, нежели доля человека, далеко опередившего своих современников; его не понимают, часто высмеивают, он всегда одинок и всегда борется с бесчисленными препятствиями, вырастающими на каждом шагу, когда приходится прокладывать новые пути.

Для такой работы нужны большие силы и необыкновенная энергия и прежде всего — глубокая вера в правду своей идеи. Такой большой силой и такой глубокой верой был проникнут доклад госпожи Погосской; в нем не было ни одного заимствованного слова, никаких компромиссов мысли, он был оригинален от начала до конца, и от него веяло

свежестью новой, только что прокладываемой стези мысли.

И сама госпожа Погосская — настолько выдающееся явление, что, говоря о ее докладе, хочется хотя бы двумя-тремя штрихами обрисовать ее облик. Ее высокая, прямая фигура, несколько суровая голова с серебряными волосами и с молодым огнем часто загорающихся умных черных глаз, ее образная речь, в которой каждое слово является результатом глубоких внутренних переживаний, тяжелой жизненной борьбы и страстного протеста против всей фальши и условности современной жизни, — все это невольно притягивает и вызывает интерес к ней самой и к ее мыслям.

Когда мне посчастливилось ближе узнать госпожу Погосскую и ее прошлое, для меня стало ясно, в каком огне выковывалась ее непоколебимая нравственная энергия и как возникали ее смелые новаторские идеи, которые и отразились в ее докладе. Будучи еще молодой женщиной, не стерпев мертвящих условий, которыми отличалась русская жизнь 80-х годов, госпожа Погосская уговорила своего мужа эмигрировать в Америку. Когда она приехала во Флориду с четырьмя малолетними детьми и попала в совершенно первобытные условия, ей пришлось взяться за все отрасли труда: помогать при постройке дома, копать колодец, выращивать овощи и относить их за несколько миль на рынок, стирать, растить своих детей, а для пополнения бюджета давать уроки музыки и шить негритянкам платья, и все это делалось одною лишь парюю рук.

Если прибавить, что все это происходило на фоне первобытного флоридского леса, на невозделанной почве, в соседстве с дикими зверями, под периодическими ливнями, которые застали переселенцев, когда еще не было крыши над их головами, то можно себе представить весь размер той героической школы труда, через которую прошла госпожа Погосская. И она прошла ее недаром: она вынесла из нее уважение ко всем видам труда и привычку “не сбрасывать свою ношу на чужие плечи”, как это делают, по ее выражению, обеспеченные классы европейского общества.

Госпожа Погосская остается верна своим заветам и до сих пор: несмотря на свои 64 года, она не держит прислуги, все делает для себя сама и нисколько этим не тяготится, несмотря на огромный труд, который несет в своем лондонском складе, где ей приходится руководить большим торговым делом и в то же время неустанно вести пропаганду своих идей¹.

Она утверждает, что многие виды болезней, неврастения и дурные настроения поддерживаются в наших культурных классах недостатком физического труда и что представители этих классов были бы здоровее, жизнерадостнее, счастливее и энергичнее, если бы они побольше работали своими руками. Труд, по ее убеждению, обладает огромной целительной силой, он вызывает обмен между нашим организмом и жизненными силами космоса.

Возвратившись из Америки, госпожа Погосская, всегда интересовавшаяся крестьянским ручным трудом, принялась работать в этой области. Она начала разыскивать старинные узоры, в которых отражалась ненарушенная связь с природой и сказывалась самобытность непосредственного народного творчества; а когда она убедилась, что красота этих образцов зависит более всего от растительной окраски, она решила возобновить это почти утерянное крестьянами искусство. Соприкосновение со светлым родником народного творчества дало ей возможность восстановить много художественных старинных образцов ручного труда, начиная с цветных вышивок и кончая изделиями по дереву, металлу и так далее.

Вначале она работала для русского земства, создала в разных местностях России несколько пунктов, где крестьяне работали по ее художественным образцам. Но в России ей было слишком трудно работать в рамках чиновничьего отношения к задуманному широкому делу, и она перенесла свою деятельность в Англию, где нашла гораздо больше сочувствия и понимания.

В самое последнее время ей удалось заинтересовать своими идеями нескольких выдающихся людей и с их помощью создать в Лондоне Международный Союз Ручного Труда, представителем которого был избран Вальтер Крэн — известный в Англии художник, отец декоративного искусства в Англии, друг и последователь Морриса. Цель союза заключается в том, чтобы поднять идею труда, создать новое отношение к труду как к выражению любви и взаимопомощи.

Для достижения этой цели предполагается:

а) идейная пропаганда;

б) ограждение национальных ремесел и искусств и поощрение всех форм ручного труда, в которых проявляется народное творчество;

в) объединение — посредством периодических выставок, конференций и других средств — ручного труда всех стран в таких образцах, в которых наиболее полно выражается вся красота народного творчества.

Образец такой выставки был устроен госпожой Погосской в 1909 году в Англии. Выставка эта должна была доказать, что всякое самобытное народное творчество, сохранившееся в своей чистоте, включает в себе все элементы красоты и что единение народов на почве труда может быть могущественным средством для водворения международного мира. Английские кустари, ткающие из русской пряжи, сицилийские вышивальщицы, работающие по тканям, сделанным уэльскими ткачами, шелковая вышивка жителей города Лидса по холсту, вытканному в костромских деревнях, — это явления, которые, проникнув в сознание трудящихся, могут стать прочным фундаментом для дружественных международных отношений.

По поводу русских народных изделий докладчица дала интересную справку, рассказав, что русские ручные изделия стали на одно из первых мест на европейских рынках с тех пор, как изделия Японии вышли из моды. Это случилось вследствие того, что Япония перешла к машинному производству и вместо прежних чудных ручных изделий вырабатывает для иностранных рынков такое колоссальное количество плохой дешевки, которое уничтожило всю ее былую славу.

Главная мысль доклада госпожи Погосской сводится к необходимости бескорыстного труда как фундамента для новой общественной этики. По мнению докладчицы, труд не всегда имел тот характер принудительности и эксплуатации, который он имеет теперь. Когда-то труд был в гармонии с природой и с творческими силами самого человека, и тогда он был не проклятием, а желанным и любимым проявлением человеческих сил и способностей.

И в наше время там, где крестьянский труд поставлен в сносные политические и экономические условия, он все еще является таким любимым трудом.

Когда народы еще не переходили к машинному производству и капиталистическому

строю, когда каждая семья производила большинство всех нужных для нее вещей сама, в ее труд вкладывалась любовь и творческая изобретательность, отчего и труд имел характер красоты и оригинальности.

Когда же совершилось первое преступление, повлекшее за собой настоящее положение вещей? Оно совершилось тогда, когда человек впервые взвалил на плечи другого свой труд, пользуясь своей силой. Это сложение своей ноши на плечи другого и положило основание рабству (откуда и само название работа), и по мере того как эгоизм одних за счет других был возводим в закон, начали вводиться и все грехи в нашу европейскую культуру.

Труд во всех своих видах отражает нравственный облик своего творца-человека. В настоящее время идея труда понизилась до такой степени, что его начинают считать чуть ли не за “зло и проклятие”, и это немудрено: все принудительное, все основанное на эгоистических соображениях, не может заключать в себе элементов привлекательности, а следовательно, и любви. И до тех пор, пока в основу человеческого труда не будет положен закон любви и взаимопомощи, никакие реформы и внешние улучшения не помогут. Более грубые формы эксплуатации будут заменяться более тонкими формами, а принцип останется тем же. Большинство будет по-прежнему стремиться получать для себя при наименьшей затрате как можно больше продуктов чужого труда, и это одинаково приложимо и к богатым, и к бедным, и к хозяевам, и к работникам; разница только в масштабе вожделений, а основа, само настроение — одно и то же как у тех, так и у других.

Чтобы этого не было, необходимо, чтобы люди трудились не за плату, а добровольно, не для себя, а для других. Другого исхода нет и быть не может. Все остальное будет паллиативом, смягчением греха, а не устранением его. В наше время непонимание необходимости и святости труда дошло до того, что стали избегать самого слова “труд”. Его заменили понятием “деятельности”, а труд оставили для простонародья.

Идеалом для современных людей стало возможно меньшее количество труда и возможно большее вознаграждение. В других сферах жизни этика поднялась гораздо выше. Так, когда молодая девушка выходит замуж за богатого старика с единственной целью иметь хорошую обстановку, к этому относятся неодобрительно, да и она сама старается скрыть свои мотивы. Ей стыдно. А взять после “юношеских” мечтаний о служении общему благу, о науке и тому подобном должность продавщицы водки или собирателя акциза — это не стыдно, это делается открыто, и такая “деятельность” считается выше труда кухарки или дворника. И это естественно, потому что для современного человека главный вопрос не в самом труде, а в размере заработка.

Все в земной жизни дается опытом, и труд человеческий прошел через большой цикл опыта, через длинный ряд ошибок и искажений и привел человечество к тому положению, в котором оно страдает и бьется в настоящее время. Ошибки и искажения не проходят даром, они ведут к диссонансам жизни, а диссонансы не перестанут мучить нас, пока мы не разрешим их в гармонию.

Что же могут сделать усилия отдельных людей в таком коренном вопросе жизни? Мы можем изменить наше отношение к труду.

Труд, который совершается из-за заработка, без любви, без сознания его ценности для всех есть рабский труд; он тот же рабский и в наше время, хотя современные рабы и не

ходят голыми и не носят цепей, как в древности. Все, кто имеет возможность, сваливают свой труд на чужие плечи и не только не отвечают за это благодарностью, но в большинстве случаев относятся с презрением или, по меньшей степени, с равнодушием к тем, которые работают за них. Это несправедливое отношение отражается на трудящихся, и они начинают смотреть на свой труд как на “зло и проклятие” и ненавидеть его.

Кто не хочет жить, как бессмысленный винт в действующей машине, а желает отвечать за свои поступки перед собственной совестью, тот должен изменить это неправильное отношение к труду, по крайней мере, в своей личной жизни.

Нужно начать с того, чтобы уничтожить резкую грань, которая отделяет физический труд от умственного, и побольше делать собственными руками; а затем приучить себя относиться с благодарностью к тем, кто работает на нас, и считать денежное вознаграждение лишь временным злом, которое с развитием нравственного сознания должно замениться чувством любви, взаимопомощи и свободным служением на пользу всех.

Труд как товар на рынке есть такое же рабство, как и труд древних рабов, он только замаскирован заработной платой.

Единственный свободный труд есть тот, который делается без корысти, с любовью к труду, совершенно независимо от прибыли, которую он принесет для своего творца. В таком труде будут присутствовать все элементы, придающие творчеству красоту: любовь, гармония с законами природы, свободное служение.

Таково, в нескольких словах, содержание интересного доклада госпожи Погосской. В следующем письме постараюсь дать несколько указаний на то правильное отношение к человеческому труду, которого требует теософское миропонимание.

1910 г.

Часть XXIV. Характер труда в будущем

Создание самого малочисленного трудового союза будет иметь для историка культуры большую ценность, чем битва при Садовой.

Иоганн Якоби

Доклад госпожи Погосской, изложенный вкратце в предыдущем письме, доступен далеко не для всех. Большинство, признающее современное положение вещей роковой неизбежностью всякого человеческого общежития, а людской эгоизм — неизменной основой человеческой природы, отнесется к мыслям госпожи Погосской как к бесплодному идеализму.

Но не все думают так. Есть люди — и их будет становиться все больше и больше, — начинающие выходить из-под гипноза, который возвел слабые стороны развивающегося человека в неизменный закон его природы, а несовершенство его учреждений — в “железный закон необходимости”.

Точно так же начинает вызывать сомнение и другое, не менее распространенное общее мнение, которое утверждает, что характер человека строится не им самим, а окружающими условиями.

Первый предрассудок служит поддержанию недостойной человека “борьбы за существование”, а второй загнал нашу мысль в такой безвыходный круг, из которого она не в состоянии выбраться и до сих пор.

А между тем это вовсе не неизбежный порядок вещей: его поддерживает временное несовершенство человека и его эгоизм, с которым уже вступило в борьбу его высшее сознание; точно так же и бессилие человека перед обстоятельствами заменяется каждый раз активной силой, когда он не хочет более подчиняться им. Мы постоянно видим, как человек, зная, что ему нужно, побеждает обстоятельства и приспособливает их к своему желанию.

Все, разделяющие вредный предрассудок относительно бессилия людей перед окружающими условиями, забывают о том, что условия, в которых живут современные люди, созданы такими же людьми, как и они, только жившими ранее их. А раз они построены людьми, то люди же и изменят их, как только появится желание создать новые условия. Весь вопрос лишь в том: когда появится это желание? Большим тормозом для его появления служит неясность нашего сознания, вечное вращение мысли на поверхности вещей, непривычка углубляться в источники переживаемых явлений.

В действительности человеческий труд проходил через такие же эволюционные ступени, как и все в мире. Вначале труд служил для удовлетворения личных потребностей человека и его семьи. Когда же начались распри и войны, дань побежденного в пользу победителя создала труд раба, и это положение вещей длилось до тех пор, пока сами люди не положили ему конец как несправедливости, которую они переросли.

Затем возник продажный труд со всеми признаками обращающегося на рынке товара, и эту форму труда создали сами люди.

Естественное течение жизни приведет к тому, что и ему будет положен конец как несправедливости, которую люди перерастут так же, как они переросли рабский труд.

Развитие сознания идет всегда впереди жизненной практики, и уже по тому направлению, которое принимает мысль лучших людей нашего времени, можно предвидеть, что грядущая форма человеческого труда будет основана на внутренней свободе человека и на признании великого культурного значения бескорыстной взаимопомощи во всех отделах общественной жизни.

Наши мысли в области труда чрезвычайно спутаны вследствие того, что мы возводим временные явления в закон и судим обо всем по внешним признакам вещей, а не по истинной их сути. Возьмем пример. Мы постоянно смешиваем богатство с эксплуатацией и считаем эксплуатацию неизбежной спутницей богатства. Из этого строится неверный вывод, что стоит лишь упразднить богатых фабрикантов и сделать рабочих хозяевами фабрики, как зло немедленно устранится. Так думает большинство.

А между тем это — чистейшая иллюзия. Будет ли человек фабрикантом или рабочим, богатым или бедным, он делается эксплуататором каждый раз, когда стремится заплатить как можно дешевле за продукты чужого труда. А к этому при современном порядке вещей стремятся решительно все. Как богач, носящий дорогую одежду, так и бедняк, принужденный довольствоваться дешевой, — оба становятся в положение эксплуататоров, когда стремятся заплатить как можно меньше за приготовленную для них одежду. Ни тот ни другой совсем не желают страдания для портных, но оба одинаково стремятся удержать для себя как можно больше и отдать им как можно меньше.

Богатство и бедность — признак второстепенный и переходный: сегодняшний богач может завтра стать бедняком, бедняк может сделаться миллионером: дело не в этом, а в том неизменном признаке, который лежит в основе всего современного общественного строя.

Признак этот — личная корысть, которая служит скрытой пружиной для деятельности как фабрикантов, так и рабочих, как богачей, так и бедняков.

Огромное большинство современных людей работает ради корысти, чтобы приобрести лично для себя как можно больше предметов, а как эти предметы изготавливаются, до этого ему дела нет. Отсюда — отсутствие любви к своему собственному труду и бездушное отношение к чужому.

А между тем нелюбимый труд влечет за собой не только падение творчества и оскудение талантов, но он придает тяжелый характер всей жизни человека. Из нелюбви к тому труду, который делается человеком, вытекает нелюбовь к самой жизни.

Как для здоровья тела необходим правильный обмен веществ, так и для здоровья внутреннего человека необходим правильный обмен его душевных сил, свободное проявление его дарований и способностей. От этого зависит все настроение человека.

Это — азбучная истина, первые слоги в алфавите жизни, а между тем с ними никто не считается, и результатом является нездоровое настроение, пессимизм, тоска, отсутствие человеческого достоинства и жизнерадостности, а затем и понижение интереса к самой жизни.

В такой же степени подрывает саму основу здоровой общественной этики и бездушное отношение к чужому труду. Отсутствие интереса к счастью ближнего, легкомысленное равнодушие к благосостоянию тех, которые трудятся над изготовлением предметов, необходимых для поддержания нашего существования, и есть то зло, которое создало такие уродливые явления, как “беспощадная борьба за существование” и эксплуатация одних людей другими.

Рабский труд мы пережили. На смену ему появился капиталистический строй. Но и его мы уже начинаем перерастать. Лучшие люди вынесли ему смертный приговор как несправедливому, а современные экономисты стремятся выработать такие экономические условия, при которых рабочие получали бы для себя самих всю прибыль от своего труда, то есть работали бы исключительно для себя.

Дальше этого идеала их мечты не идут. А между тем осуществление этой мечты не устранил корня зла; он будет по-прежнему жить и пускать новые побеги.

Корень — в эгоизме людей, в их корысти, и все, что построено на этом фундаменте, — все равно, проявляется ли эгоизм единичным человеком или целым классом и даже целым народом, должно неизбежно вести к несправедливости, а следовательно, и к бедствиям.

И пока мы будем бороться с этим корнем всех человеческих страданий наружными мерами, меняя формы и учреждения и не изменяя самого человека, до тех пор мы никакого серьезного изменения в общем благополучии не дождемся.

Измениться должен сам человек, и на это изменение его внутренних свойств, дающих директивы его поведению, и должно быть обращено внимание всех, кто желает влиять на строительство жизни.

Д-р Штайнер освещает внутренний закон человеческого труда с точки зрения оккультиста в таких выражениях: “Благо общества, состоящего из совместно работающих людей, тем больше, чем меньше каждый работающий претендует на результаты своих собственных трудов; результаты эти должны отдаваться другим, а потребности самого работающего удовлетворятся не собственными усилиями, а усилиями других”.

“Этот главный закон действует с такой же математической необходимостью, как любой естественный закон природы, — говорит д-р Штайнер далее. — В общественной жизни закон этот должен проявиться в том, чтобы людям удалось создать такие учреждения, при наличии которых никто не будет претендовать на плоды своей собственной работы; плоды эти будут идти, по возможности, целиком на пользу всей общины. Сам же работающий должен поддерживаться работой своих ближних”.

Этим будет положен конец вредной зависимости труда от тех средств, которые обеспечивают личное благосостояние трудящихся; иными словами, освобожденный труд приобретет характер бескорыстия, и только благодаря этому изменению мотива человеческого труда могут коренным образом измениться и все отношения между людьми.

В сущности, все мы существуем и должны существовать за счет труда своих ближних. Все, что мы едим, во что одеваемся, дома, в которых живем, и так далее, — все это сделано трудами других; это вполне естественно и было бы хорошо, если бы только человеческий эгоизм не внес в общественный труд дурное стремление получить как можно больше для себя и свалить как можно больше на чужие плечи. Вот это дурное стремление и принесло бедствия и страдания в человеческое общество.

Всевозможные преобразования и самые искренние усилия реформаторов, как бы они ни были благородны, останутся тщетными, пока люди не убедятся, что борьба должна быть направлена не на учреждения, а на человеческий эгоизм.

Нужно воспитать сознание людей так, чтобы изменились самые мотивы человеческой деятельности. Мотивом должно быть благо всех, а не отдельное благо личности.

Едва ли кто-нибудь станет спорить, что человек есть результат своего сознания; все равно, будет ли оно выработано самим человеком или привито ему извне, все его проявления исходят из того, как он смотрит на мир божий. Стоит поставить рядом двух представителей противоположных общественных взглядов, чтобы убедиться, какую различную породу людей создает то или другое мирозерцание: в буквальном смысле все, что достойно и желательно для одного, то недопустимо и ненавистно для другого.

Человек, по существу, не может любить грех. В большинстве случаев он поступает дурно по неведению; грех начинается только тогда, когда неведение кончается, когда человек узнал, что можно поступать лучше. На этом основана великая ответственность интеллигенции; она прежде других осознает, что “можно поступать лучше”, и потому первая должна отказаться от тех отживающих форм, которые в свое время были уместны, а теперь становятся грехом, потому что задерживают здоровое развитие жизни.

Ничто не подрывает в такой степени человеческий эгоизм, как сознание единства. Развивайте в себе и в других это сознание, и оно неизбежно изменит самое настроение людей; силы и способности начнут развиваться совершенно по другому направлению, которое естественным образом поведет и к изменению всех общественных учреждений; последние перестанут быть выразителями корысти и сделаются проводниками

дружественной взаимопомощи и бескорыстного служения.

Что это не утопия, а грядущая действительность, за это говорят начинающие возникать новейшие формы кооперации.

Потребительские товарищества, разделяющие дивиденды между своими членами по размеру паев или закупаемого товара, служат той же корысти; но дальнейшее развитие кооперативных товариществ делает заметный шаг навстречу общественному характеру труда. Как пример можно привести гамбургское товарищество “Продукцион”, основанное в 1898 году сознательной группой рабочих. Вначале членов союза было 800, с оборотным капиталом в 80 000 рублей, а через 10 лет число их возросло до 35 тысяч, с оборотом в 4 миллиона рублей. Союз этот, называющийся “потребительским, строительным и сберегательным”, поставил своей целью с самого начала не только совместную закупку предметов потребления, но и их производство и обработку. Отличительная черта этого кооператива заключается в том, что рабочие не берут себе дивиденда, который получается с кооперативных имуществ. Дивиденд этот идет на постройку удобных жилищ и на улучшение всех сторон общественной жизни членов союза¹. Они продолжают получать плату за труд, но все доходы с кооперативного капитала идут на общее благосостояние: это уже победа над личной корыстью. А так как в результате получилось возрастание общего довольства, то ничего нет утопичного в надежде, что будет сделан и второй решительный шаг в пользу освобождения труда от личной корысти.

Шаг этот будет сделан тогда, когда вся плата за труд будет поступать в общую кассу и затрачиваться на общие нужды членов союза. Выгода такой взаимопомощи до того очевидна, что, казалось бы, все дело в недомыслии: достаточно глупый эгоизм превратить в умный и убедить человека в той очевидной истине, что ему самому будет гораздо лучше, если всем будет хорошо.

Но дело не так просто, как кажется. Человек — существо очень сложное: ум может подсказывать одно решение, а страсти и желания могут потянуть в другую сторону. Сознание может стоять за единение, а личный мотив деятельности поведет роковым образом к разъединению.

Вся история человеческого общежития доказывает, что мало понимать пользу добра, нужно еще захотеть его.

Мир может двигаться вперед, только когда люди захотят того. А для того чтобы они захотели, нужен не только умственный рост, который уничтожает недомыслие, необходима и внутренняя работа, которая меняет мотивы деятельности.

Мотивы деятельности должны перейти из личных в сверхличные: опыт всего человечества доказал, что только “сверхличное” имеет силу вдохновлять людей, только сверхличное способно побеждать эгоизм и сплачивать людей не случайной, а прочной связью, только сверхличное в силах преобразовать людей в высший тип.

Эта внутренняя работа души, ведущая мысль, чувство и волю к внутреннему единству, будет завоевывать людей одного за другим; и по мере того как начнут возникать группы людей, завершивших это внутреннее преобразование в себе, начнет осуществляться и практическая работа преобразования всех областей человеческой жизни.

Часть XXV. Самоубийство

Человек не может ни убить, ни быть убитым. Он не рождается, не умирает и, получив бытие, никогда не перестает существовать. Не рожденный, непреходящий, вечный, он не бывает убит, когда тело его убивают.

“Бхагавадгита”, II, 19, 20

Нередко задается вопрос: не имеет ли ваша теософия таких учений, которых вы не раскрываете, и, может быть, в них-то и заключается ее настоящая суть?

Таких знаний, которые бы скрывались, у теософии нет, но в ее учении есть доступная для всех поверхность и недоступная для большинства глубина. Что глубина эта недоступна, в этом виновата не теософия, а бессилие того, кто не в состоянии проникнуть в нее.

Пока в учении теософии говорится обо всем известных вещах, например “о сохранении энергии”, “о трансформации материи”, “о процессе эволюции”, “о единстве жизни” — теософские идеи воспринимаются без труда. Но только до тех пор, пока речь идет о физической ступени жизни; стоит лишь перейти эту ступень, как картина меняется: “сохранение энергии”, ставшее азбучной истиной, становится непонятным и спорным, когда речь идет о законе кармы, который и есть сохранение всей проявленной человеком энергии; всеми признанная “трансформация материи”, когда речь заходит о невидимых мирах, в которых материя слагается в более тонкие сочетания — становится ересью и так далее.

Одно — доступно для сознания большинства, и этой стороной своего учения теософия соприкасается с позитивной наукой; другое идет глубже, переступает границы трехмерного сознания и проникает в область оккультизма.

Но противопоставлять эту область “науке” — совершенно такое же недоразумение, как если бы ученый отказался признавать электричество или психологию объектами науки только потому, что знания в этих областях еще очень несовершенны. Наука имеет свою юность и свой зрелый возраст. Чем совершеннее становится микроскоп, тем точнее делаются физиологические знания. То же относится и к новым методам познания.

Ясновидение в неуловимой для физического глаза области проявляется пока только у немногих людей и еще очень несовершенно, но это — такая же юность познания, через какую прошла и позитивная наука. Дальнейшее утончение человеческого организма и расширение сознания приведут нас в область более тонких миров, требующих совсем иных методов познания.

Когда приходится сталкиваться с такими “консерваторами мысли”, которым новые пути сознания даются до того трудно, что они предпочитают упорное отрицание новых идей, лишь бы не сходить с пробитой колеи, мне невольно приходит на ум, что такую же психологию должны были бы обнаружить двухмерные существа, если бы им вздумалось объяснить особенности трехмерного существования. Они соглашались бы со своим собеседником до тех пор, пока его речь касалась бы длины и ширины, но как только она коснулась бы высоты, они, по всей вероятности, обозвали бы его речь “туманным мистицизмом”.

Представьте себе на минуту такое двухмерное существо на ладони вашей левой руки и приложите к этой ладони кончики пяти пальцев вашей правой руки. Что увидит это существо? Пять плоских кружков на поверхности вашей ладони — и больше ничего.

Если его начнут убеждать, что оно видит не плоские круги, а концы пяти пальцев руки, которая, в свою очередь, живой член большого думающего и чувствующего организма, оно не поверит, подумает, что это сказки, и, скорее всего, не получит никакого представления о том, что ему рассказывают.

Когда мы смотрим в небо и видим светящиеся круги планет, мы точно так же видим только лишь доступный нам разрез сложной космической жизни, соединенной невидимой связью в один великий организм; он одарен таким же неуловимым для нас своим сознанием, своими деятельностью и целями, какими одарен человек, постижимый для двухмерного существа только по тем “плоским кружкам”, которые — как единственно доступный для него разрез человеческого организма — отразились в его плоском сознании.

Теософия стремится ввести нас в эти неведомые нам измерения космической жизни. Она стремится расширить пределы нашего сознания, сделать его причастным к великому простору Жизни, за пределами его тесных физических граней.

О том, что эта ее задача своевременна свидетельствуют многие признаки.

Самый яркий и самый страшный из них — учащающиеся самоубийства¹.

Оставим в покое политические и экономические причины. Мы прекрасно знаем, что бывали несравненно худшие времена, а люди не убегали массами из жизни. То же самое можно сказать и относительно учащихся: как ни плохи современные школы, но стоит вспомнить николаевские кадетские корпуса и старинные бурсы, чтобы стало очевидным, что причины потери вкуса к жизни у наших детей лежат гораздо глубже.

Одна из таких причин таится в том, что мы начинаем перерастать наше “трехмерное сознание”.

Возьмем наши понятия о человеческой жизни. Что мы знаем о ней? Что человек родился в такой-то день, прожил на наших глазах 50-60 лет и умер тогда-то. Его не было до рождения и не будет после смерти.

Совершенно как в той красивой легенде о средневековом феодальном владельце замка, который рассуждает у пылающего камина со своими рыцарями о жизни и смерти по поводу влетевшей в освещенную комнату птички, которая сделала несколько кругов под потолком и снова улетела в темноту. Откуда она появилась? Куда улетела?

Две темные неизвестности, а посреди них — одно освещенное мгновение.

Теософия не забывает этого “освещенного мгновения”, в чем ее упрекают люди, причувившие себя думать только о нем одном; но она знает, что это только “мгновение”, что жизнь птички будет продолжаться и после того, как она вылетела из освещенного пространства в темноту. Изменилась не сама жизнь, а окружающая ее среда.

Ту же параллель можно провести и относительно всех “вечных вопросов”. Материалист не может проникнуть за пределы физических явлений (освещенная комната), потому что все остальное недоступно для его “трехмерного сознания”. И он был бы прав, если бы не отрицал этого “остального”. Но он говорит, что вне доступных ему явлений ничего и нет, а если и есть, то нечто... навсегда непознаваемое для человека.

Вот здесь начинается опасность материалистического мышления. Я называю это

“опасностью”, потому что далеко не все способны примириться с непроницаемыми стенами, которые закрывают от нашего сознания великий простор Вселенной. И эти “неспособные примириться”, но захваченные гипнозом господствующих мнений, тоскуют и бьются в этой тесной клетке, пока жизнь не потеряет для них всякую ценность.

Мы живем не в пустом пространстве. Господствующие идеи носятся в воздухе — и это не фигуральное выражение, а реальный факт, — и если они не находят внутри нас положительного содержания, которое в состоянии оказать им сопротивление, они овладевают нашим сознанием и создают настоящий умственный “гипноз”.

Такой “гипноз” — очень страшная вещь. Если сознание не защищено убеждениями иного порядка, то проносящиеся мысли отчаяния падают на пустое место, и, если это были мысли о самоубийстве, они найдут богатую пищу в том опустошении жизни от всякой абсолютной ценности, которое творит материализм; насытившись безнадежностью, они принесут свой страшный плод и толкнут человека на самоубийство. Это — своего рода одержимость.

Массовые самоубийства, которые ужасают в наше время, — это коллективная одержимость, указывающая на то, как много мыслей отчаяния носится в воздухе, а с другой стороны — на то, что сознание нашей молодежи не защищено идеями нравственного порядка, которые одни лишь придают ценность жизни и внутреннюю устойчивость человеческому характеру.

Умственный гипноз, о котором идет речь, страшен еще и тем, что он длится долгое время и после того, как передовое течение мысли уже повернуло в новое русло. Бывает так, что наиболее чуткие элементы общества давно уже вступили в это новое русло, а огромное большинство все еще продолжает думать по отжившим линиям мысли, создавая тормоза для свободного восприятия новых идей.

Жизнь есть неустанное достижение в восходящем порядке. Это нужно помнить и держать широко раскрытым свое сознание, чтобы в него могло свободно проникать веяние живого духа жизни, и не позволять своему уму кристаллизоваться в догматы и предрассудки, хотя бы последние исходили от самой науки. Иначе, если слишком долго жить умственными пережитками, усилия мысли могут устремиться на детальную отделку этих пережитков и легко может возникнуть схоластика, замена живых идей застывшей идеологией, живых понятий — мертвыми словами.

Что эта опасность недалеко от нас, можно судить уже по той массе непонятных слов у современных мыслителей, за которыми прячется высохшее русло мысли.

Чтобы найти источник свежих идей и новых вдохновений, нужно отказаться от фиксирования сознания на одном физическом существовании; нужно научиться устремлять его в те глубины, откуда исходит сокровенный смысл нашей жизни, где протянуты те невидимые нити, которые связывают все, что на физическом плане является оторванным и обособленным, часто мучительно ненужным, — в одно разумное и благое целое.

Нужно расширить наше сознание вглубь и вверх, и тогда мы спасем нашу молодежь от тоски того безвыходного застенка, в который материализм загнал современное сознание, лишив его всех светлых далей, подорвав его веру в Бога, в бессмертие, в абсолютную ценность добра и красоты, более того — в самый смысл жизни.

Человеческую душу нельзя удовлетворить временным, тем, что разбивается на наших глазах, когда душа уже пробудилась для вечного. Она затоскует и отвернется от самой жизни, если у нее отнять уверенность в достойном смысле этой жизни. Необходимо вернуть нашей молодежи веру в Бога, надежду на конечное торжество добра и любовь к жизни.

Для нашего времени, когда слепая вера уже не в состоянии удовлетворять людей, является задачей величайшей важности обосновать нашу веру в Бога на разумных началах.

Это и есть задача теософии. Признавая всю великую заслугу науки в области исследования физического мира и опираясь на те же законы, которые признаются и наукой, теософия вводит в наше сознание идею Бога и одним этим меняет всю мировую этику. Потому что если в основе мира — Бог, то и цели жизни должны быть божественны, если в основе нашей природы божественное начало, то наш долг — стремиться к божественному совершенству.

Но мораль религиозного сознания не имеет ничего общего с морализированием. Нет ничего более отталкивающего, особенно для молодежи, которой труднее мириться с компромиссами, как фарисейская проповедь добродетели на словах и полное несоблюдение ее в жизни.

Религиозное сознание требует нравственной культуры всего человека, его мыслей, эмоций и мотивов, обуздания всех эгоистических инстинктов низшей природы и победы его высшей природы, которая всегда протестует против дурной жизни, раз человек начинает прислушиваться к ее голосу. Неизбежным результатом нравственной культуры является ослабление эгоизма и нарастание чувства единства со всем миром.

Развитое чувство единства со всем живым есть основной признак религиозного сознания. Чувство это разрушает в корне ложное представление об одиночестве человека, которое создало такую страшную трагедию для человеческого сердца.

В сущности, жизнь едина, и об одиночестве и обособлении можно говорить только с точки зрения одного лишь “физического разреза”.

Человечество — единый организм с общим сознанием и общими целями, и все подразделения его относятся только к физическому плану. Отдельные народы составляют различные члены этого организма, и все работают — хотя и в различных направлениях — для одной и той же цели, для эволюции всего человечества. А отдельный человек — это живая клетка в организме своего народа, и все совершающееся внутри этой клетки, все ее творческие процессы нужны не только для нее самой, но и для жизни всего народа.

Душа народа дает нам все, чем мы владеем на земле: язык, верования, наклонности, темперамент, весь материал, которым питается и за счет которого растет наша индивидуальная душа. Отколите от человека, один за другим, все отличительные признаки его народности и культуры, его страны и его семьи — что останется от человека?

От внешнего человека не останется ничего. Всем этим он обязан своему народу, и он должен честно уплатить свой долг. Отнимая самовольно свою жизнь, обрезая те бесчисленные живые нити, которыми он внутренне связан с душой своего народа, он ставит себя в некрасивое положение должника, нежелающего выполнить свое обязательство.

То же относится и к семье: заботы матери, труд отца, любовь братьев и сестер — все это взято человеком от семьи и требует такой же заботы, такого же труда и такой же любви взамен. Иначе будет нарушен закон справедливости, а нарушать законы духа безнаказанно нельзя.

Обыкновенное возражение, будто решившийся на самоубийство “не просил жизни”, что он “не виноват в том, что родители произвели его на свет”, — уничтожается при более глубоком проникновении в происхождение земной жизни человека; оно говорит, что родители дают только физический организм, необходимый для существования на земле, воля же к жизни идет от самого человека.

Другое возражение, что “при существующих условиях” жизнь невыносима, указывает лишь на слабость и безволие убегающих из жизни. Чем труднее условия, тем более повода оставаться на своем жизненном посту. А в самые тяжелые эпохи народной жизни, когда каждый сын и каждая дочь своего народа обязаны, не уклоняясь, нести народную ношу, такое бегство из жизни указывает на полное нравственное банкротство беглеца.

Это — не смягчающее, а усугубляющее обстоятельство.

И русские девушки сделают большую услугу родине, если они будут возводить в герои не слабых дезертиров, а сильных духом, умеющих при самых тяжелых условиях действовать на своем посту.

И чем темнее жизнь, тем нужнее благородные усилия, чтобы очистить и осветить ее, чтобы разогнать нависший мрак. Можно жалеть слабых и неуравновешенных, но восхищаться можно только теми, которые, не страшась усилий, поведут жизнь вперед. Будущность за сильными, самоотверженными, любящими, победившими свою низшую природу и способными не отнимать малодушно свою жизнь, а отдавать ее великодушно за других.

1909 г.

Часть XXVI. Любовь между мужчиной и женщиной

Для двухмерных существ имеется ужасный “половой вопрос”, для людей существует вопрос любви.

П. Успенский, “Tertium Organum”

Много говорят в наше время об обесценивании жизни. Что это значит? Это значит, что содержание жизни могло бы быть драгоценно, но какие-то условия понизили высокую ценность жизни и сделали ее неинтересной, непривлекательной до полного равнодушия к ней, до желания уйти из нее. Отсюда — пугающая всех эпидемия самоубийств.

Среди других причин, которых я сейчас касаться не буду, обесценивание жизни произошло оттого, что сознание истекшего века приучило нас рассматривать жизнь только в одном ее физическом разрезе. И привычка эта провела такие глубокие борозды в сознании современных интеллигентных людей, что они разучились понимать жизнь во всей ее сложной полноте.

Кроме физического разреза, — правда, наиболее видного и понятного для среднего ума, — в жизни есть еще большие глубины и большие высоты, которых материалистическое миропонимание совсем не берет в расчет.

Все проблемски сверхфизического сознания оно или обзывает “мистикой”, или стремится свести в область патологии и с гордостью заявляет, что признает только одни точно измеримые величины.

Но гордиться тут нечем. Наоборот. Благодаря тому, что внимание людей так долго фиксировалось на одном только низшем плане жизни, современное сознание закрылось для высшего смысла жизни и стало до того упрощенным и плоским, что в тонко чувствующих людях вызвало тоску и даже отвращение от самой жизни.

В зависимости от этой плоскости сознания и произошло понижение всего уровня человеческого творчества, которое мы так тяжело переживаем во всем: и в общественной деятельности, и в литературе и искусстве, а больше всего, — так как это венец человеческой психики, — в любви.

Я говорю о любви в широком смысле, во всех ее видах и проявлениях, но сегодня мне хочется остановиться на любви между мужчиной и женщиной.

Последовательный материалист не признает в основе мирового порядка иного начала, кроме механического, следовательно, и вся человеческая этика для него — только естественный продукт постепенного развития; отсюда неизбежно и то упрощенное, сведенное к одной физической плоскости отношение к половой любви, которое я считаю одной из косвенных причин растущей между молодежью эпидемии самоубийств.

Если жизнь Вселенной не руководится нравственным началом, тогда действительно все позволено, позволен и разврат. И мы видим, как на наших глазах самое прекрасное и яркое из всех человеческих чувств — жажда отдать себя, свои силы и свою нежность любимому существу превращается в “половой вопрос”, поэзия жизни претворяется в физиологическую проблему.

В одной из статей Владимира Соловьева есть интересное определение любви; я не могу привести подлинных выражений, но, вероятно, не ошибусь в смысле его толкования. Он говорит, что одиночество человека, его обособление от остального мира — временное. В целях самопознания и самоопределения, прибавляю я от себя.

Оно сохраняется его эгоизмом, его ярким чувством своей центральности по отношению ко всему, что не я, которое строит плотную стену между ним и остальным миром. Разрушить эту стену трудно. Нужна большая сила, чтобы пробить в ней брешь. Эту большую силу, этот большой огонь, сжигающий оплот, которым наше я отгородилось от остального мира, мы имеем в любви между мужчиной и женщиной.

Кто любил истинной любовью, тот знает, какое глубокое изменение совершается в самых недрах человеческого существа, когда его одиночество кончается и в него могучей животворящей волной вливается иная жизнь; каким светлым расширением раздвигаются замкнутые до того границы сердца, с какой тонкой отзывчивостью дрожат все его струны, как расцветают все лучшие силы человека, до тех пор для него самого неведомые.

Кто любил, тот переживал этот великий опыт, и для того звучат не как пустые слова утверждения знающих о том, что уничтожение эгоизма и слияние с жизнью мира влечет за собою великое просветление и великое счастье для человеческого сердца.

Этот опыт и есть та сверхфизическая, потусторонняя сторона любви, которая неуловима для трехмерного сознания; для него уловима только физиологическая сторона любви, но

ведь это — только один разрез огромного явления. За этим разрезом стоит целый мир чувств, тончайших переживаний, чистейших радостей, глубоких душевных вдохновений, светлых прозрений в высшие миры.

То, что мы смутно называем небом, раем, есть не что иное, как слияние обособленной жизни мира, слияние ограниченного сознания с безграничным Сознанием Бога, или Великого Целого.

Человеческая любовь есть слагаемое из этого слияния через любимое существо с Великим Целым и из плотской страсти. Ни в чем так ярко не проявляется сложность человеческого существа, два борющиеся полюса его природы, как в человеческой любви. И ни в чем так ясно не сказывается скрытая цель этой сложности: животное облагородить до человечности, человеческое преобразить в божественное.

Все, наблюдавшие за драмой человеческой души на различных ступенях развития, знают, что чем выше поднимается человек, тем бледнее становится его низший полюс и тем ярче и прекраснее разгорается божественное начало его сокровенной сути.

Только во времена падения и одичания нравов возможно так подчеркивать и так цинично выставлять на вид низший животный полюс, как это происходит в наше время. Но наши высшие начала, человеко-божественные, не выносят этого, отсюда отвращение, тоска, потеря самоуважения и обесценивание жизни. Мы потеряли стихийную невинность животного и потому не можем безнаказанно спускаться до его уровня.

Моралисты выдвигают как единственную цель и оправдание любви продолжение человеческого рода, но это далеко не объясняет всех явлений любви. Есть нечто иное, совершающееся не в физическом плане, что составляет драгоценнейшую сторону человеческой любви: это тот внутренний духовный обмен, который совершается на высших планах между любящими друг друга мужчиной и женщиной.

По этому поводу есть очень интересная страница в книге П. Д. Успенского "*Tertium Organum*"; книгу эту можно вообще рекомендовать как чрезвычайно оригинальную и интересную попытку перевести на язык наших обыкновенных понятий высшее сознание человека. Он говорит:

“Искусство идет дальше обыкновенного человеческого зрения, и поэтому есть стороны жизни, о которых может и имеет право говорить только искусство. Таков вопрос любви. Только искусство умеет подходить к любви, только искусство умеет говорить о ней. Любовь всегда была и есть главная тема искусства. И это вполне понятно. Здесь сходятся все нити человеческой жизни, все эмоции: через любовь человек соприкасается с будущим, с вечностью, с расой, к которой он принадлежит, со всем прошлым человечества и со всей грядущей судьбой. В соприкосновении полов, в их влечении друг к другу лежит великая тайна жизни, тайна творчества. Отношение скрытой стороны жизни к ясной, то есть проявление реальной жизни в нашей кажущейся, особенно ярко вырисовывается в этой вечно трактуемой, вечно разбираемой и обсуждаемой и вечно непонимаемой области — в отношениях полов! Обыкновенно отношения мужчин и женщин рассматривают как необходимость, вытекающую из необходимости продолжения человеческого рода на земле. Рождение — вот *raison d’etre* любви с религиозной, моральной и научной точки зрения. Но в действительности творчество заключается не в одном только продолжении жизни, а прежде всего и больше всего в творчестве идей. Любовь является огромной силой, производящей идеи, будящей

творческую способность человека.

Когда сольются две силы, заключающиеся в любви — сила жизни и сила идеи, человечество сознательно пойдет “к своим высшим судьбам”. Пока только искусство чувствует это. Все, что говорится о любви “реалистически”, всегда грубо и плоско. Ни в чем так резко не проявляется различие глубокого “оккультного” понимания жизни и поверхностного “позитивного”, как в вопросе о любви”.

Далее автор “*Tertium Organum*” говорит, что для оккультного понимания любовь есть именно то, чем она рисуется искусству, то есть психологическим явлением, в котором приходят в действие и звучат все самые тонкие струны души, в котором, как в фокусе, собираются и проявляются все высшие силы человеческой природы. В то же время именно этой стороной жизни человек соприкасается с чем-то большим, часть чего он составляет.

“Для двухмерных существ, живущих на плоскости и движущихся по двум направлениям — производства и потребления, существует ужасный “половой вопрос”.

Для людей существует вопрос о любви. Любовь — это индивидуализированное чувство, направленное на определенный объект, на одну женщину или на одного мужчину. Другая или другой не могут заменить любимого”.

“Половое чувство” — это не индивидуализированное чувство, тут годится всякий более или менее подходящий мужчина, всякая более или менее молодая женщина.

Любовь — орудие познания, она сближает людей, открывает перед одним человеком душу другого, дает возможность заглянуть в душу природы, почувствовать действие космических сил. Любовь — это признак породы. Это орудие совершенствования расы. Когда из поколения в поколение люди любят, то есть ищут красоты, чувства, взаимности, то они вырабатывают тип, ищущий любви и способный на любовь, тип эволюционирующий, восходящий. Когда из поколения в поколение люди сходятся как попало, без любви, без красоты, без чувства, без взаимности, либо по соображениям, посторонним любви, из расчета, из экономической выгоды, в интересах “дела” или “хозяйства”, то они теряют инстинкт любви, инстинкт отбора. Вместо “любви” у них вырабатывается “половое чувство”, безразличное и не служащее отбору, не только не сохраняющее и не улучшающее породу, но наоборот, теряющее ее. Тип мельчает, физически и нравственно вырождается.

“Любовь — орудие отбора”.

“Половое чувство — орудие вырождения”.

Разбирая далее отношение современного сознания к вопросу о любви, Успенский указывает, что наука, для которой единственная цель любви — только продолжение рода человеческого, не объясняет, почему в человечество вложена сила, влекущая два пола друг к другу в бесконечно большем размере, чем это нужно.

“Для целей продолжения рода утилизируется только одна малая дробь той силы любви, которая вложена в человечество. Куда же идет главное количество силы?”

Мы знаем, что ничего не исчезает. Если энергия есть — она должна во что-нибудь перейти”. “В творчество по всем направлениям”, — отвечает автор; он утверждает, что всякое идейное творчество является результатом энергии, возникающей из эмоций

любви.

История подтверждает этот смелый вывод. Мы знаем, что в эпохи наибольшего расцвета искусства и наивысшего художественного творчества то, что можно назвать побочной силой любви, то есть тот огромный избыток силы, влекущий два пола друг к другу, на который указывает цитируемый автор, выражался всегда в такой полной гамме высоких эмоций, волнений, новых идей и смелых грез, которая и служила вдохновением для человеческого творчества.

И наоборот, в эпохи падения нравов, когда эмоции любви понижаются, а с ними вместе понижается темп жизни и ее привлекательность, родник духовного творчества высыхает, искусство мельчает, литература вырождается. Все эти признаки налицо в наше время. Их приписывают внешним причинам. Но это неверно. В свободной и сытой Австралии замечаются те же явления.

Здесь мы опять подходим к коренному вопросу мирозерцания: материализм или идеализм?

Преимущество материализма, по мнению большинства, в точности познания. Но если бы это было даже верно, встает еще больший вопрос: покрывают ли собою положительные стороны этой точности стороны отрицательные?

Мне скажут: результатом этой точности является вся великолепная культура XIX и XX веков. Но культура должна строиться не для великолепия, а для счастья людей. А кто решится утверждать, что она принесла людям счастье?

Пропуская наше сознание через узкую щель одних только материальных интересов, позитивизм сделал его действительно очень отчетливым; но в то же время он закрыл от нас весь великий мировой простор, из которого человеческая душа черпает свои вдохновения, а без вдохновения она может только умирать, а не жить.

Мало того, сделав сознание столь ограниченно отчетливым, позитивизм сделал его в то же время и неверным: когда смотришь на мировые события сквозь щель, теряешь все верные размеры и все соотношения; внимание устремляется на тот крошечный отрезок, в котором сам человек, его собственное я, его личные эмоции и вкусы являются центром мира; эгоизм разрастается, личные переживания получают болезненную остроту и преувеличенное значение, самолюбие и личная чувствительность приобретают колоссальные размеры, а восприимчивость к тому, что переживают другие, атрофируется. Благодаря этому, между человеком и его окружающими обрываются живые нити взаимной симпатии и доверия, исчезает верное понимание другой души, возникает пессимизм, нравственное одиночество.

Самым верным средством для борьбы с этим настроением вырождения, к сожалению, широко распространенным среди нашей молодежи, является развитие и укрепление эмоций любви.

Необходимо провести через сознательную нравственную культуру все свои отношения к ближним, к членам своей семьи, к товарищам, знакомым и, может быть, более всего — к своей возлюбленной. В любви мужчины к женщине и женщины к мужчине, как в сильном световом фокусе, сходятся все эмоции любви. В лучах этого света человек временно преображается: он делается красивее, смелее, глубже, благороднее, под их животворным влиянием проясняется его понимание, углубляется его сочувствие. Такое расцветание и

хорошение неизбежно у человека влюбленного; но оно вспыхивает на короткое время и быстро угасает, потому что любить постоянно совершенной любовью мы еще не в состоянии.

Почему влюбленный человек хорошеет? Потому что через него начинает просвечиваться тот свет Божественной Любви, в котором и источник, и тайна всякой красоты, земной и небесной.

Тот же свет светит в праведниках и святых, только в них он горит ярче и не погасает, как у людей несовершенных.

Вспомним Франциска Ассизского, Иоанна Дамаскина, отца Зосиму Достоевского. Художники, видящие дальше других, изображают их светлыми, любовно раскрытыми для всех и для вся.

Святые — те же влюбленные, только они влюбляются в Бога и в красоту его Творчества.

Это — лишь разные ступени любви, и чем любовь выше и бескорыстнее, тем продолжительнее и полнее счастье любящего.

Недаром возникло прозвище “блаженный”. Душа народа, творящая язык, угадывает великие тайны и намекает на них в аналогиях.

Этой преемственности человеческой любви от высочайшего Источника жизни моралисты совсем не улавливают. Смешивая животное влечение с человеческой любовью, они клеветают на человека: как только он поднялся над животным состоянием, он уже не может грешить против закона своей души без стыда и без тяжелого недовольства собою.

И в этом смешении повинны не только узкие моралисты и морализирующие аскеты, но и такие светлые умы, как наш Л. Н. Толстой. Когда он прикасается к этому вопросу в своих романах и статьях¹, он повторяет ту же клевету на человека. Он разделяет неразделимое, берет одну физиологическую сторону любви, наводит на нее электрический свет своего огромного таланта, а весь невидимый огонь любви, все ее огромное психологическое содержание, весь трепет повышенного темпа жизни, всю гамму человеческих эмоций, от пламенного горения до светлых слез восторга, всю вдохновляющую и героическую силу любви, — куда отводит он это?

Неудивительно, что ему кажется “гадким” это искаженное, лишенное высоты и глубины представление о любви.

Закончу словами автора той же книги “*Tertium Organum*”: “Огонь любви, в котором сгорает человек, это — огонь жизни, огонь вечного обновления. Моралисты с удовольствием загасили бы этот огонь, с которым они не знают, что делать и которого боятся, чувствуя его силу и власть. И они дуют на него, не понимая, что это — начало всего... Если рождение идей есть свет, идущий от любви, то этот свет идет от большого огня. И в этом непрестанном огне, в котором горит все человечество, вырабатываются и утончаются все силы человеческого духа и гения”.

Часть XXVII. Человек — малая Вселенная

Что может быть для человека ближе его самого, и в то же время не самая ли неразгаданная из всех загадок, не тайна ли из тайн, перед которой бессильно отступает сознание, его собственный внутренний мир со всеми его неизмеримыми глубинами?

С тех пор, как человек стал размышлять, он не переставал задумываться над тайной своего бытия и создавать символы и образы, говорящие о трагической сложности его природы. Он иссекал из камня сфинкса с загадочным взором, которого тщетно вопрошали мыслители и поэты:

И я молю тебя, я жажду откровения:

Рождение, бытие, страдание,

смерть — зачем?

Увы, напрасны все заклания и моления,

Он вечно пребывает нем.

Человек создал образ Прометея, заживо терзаемого коршуном, он преклонялся перед Богочеловеком, распинаемым безумной толпой, и никогда в неосвещенных глубинах его души не умирала бессмертная мечта о вечной жизни, о божественном происхождении и о величии его царственного наследия.

Где же искать ответа на тайну человека, где тот свет, который сможет осветить до дна все глубины этой тайны? Ни позитивная наука, ни религия не дают ответа на вопросы: зачем мы живем, откуда наш путь и куда он ведет? Позитивная наука погасила для нас реальность всего, что выходит за пределы физического мира, а религия, утвердив в нашем сознании трансцендентность Бога без Его имманентности, вырыла непроходимую бездну между человеком и Богом.

А между тем задачи истинной антропологии¹ встают в наше время с небывалой остротой. Внешние наши ресурсы, по-видимому, исчерпаны, над нашим творчеством совершается страшный суд, и неизбежна тяга “к себе”, домой, искание новых возможностей внутри себя.

В своей книге “Смысл творчества”, которую мы все время будем иметь в виду как отражающую современное искание новых путей², Н. А. Бердяев возвращается к старым забытым путям. Он черпает из религиозных вдохновений Якова Беме и ставит в основу своей философии идею человека — микрокосма, в котором заключена вся Вселенная.

“Сама постановка дерзкой задачи познать Вселенную возможна лишь для того, кто сам есть Вселенная, кто способен включить ее в себя”. По утверждению Бердяева, “признанная академическая философия никогда не раскрывала подлинного учения о человеке как о микрокосме: это делала только мистическая и оккультная философия”. В этом Бердяев прав, хотя сам он только слегка прикасается к ее краям. Оккультная философия, вернее, эзотеризм религий, давала во все времена ответ на тайну человека, в ней хранятся ключи от истинной науки о человеке, и только там найдем мы их.

В древности учения эти давались лишь “посвященным”, и это вполне понятно: сознание огромного большинства было еще на такой ступени развития, на которой недоступны метафизические учения мудрецов; в позднейшие времена, вплоть до XIX века, огромное большинство на Западе так увлекалось внешним строительством, что лишь редкие мечтатели позволяли себе углубляться в себя, в тайну человека, в его отношение к Богу и к космосу. Для таких одиночек никогда не прекращалось посвящение в оккультную философию.

Все труды так называемого теософского движения за пятьдесят лет его существования были направлены на расшифровку эзотеризма древних религий и оккультной философии мудрецов и ясновидцев древности; вся обширная теософская литература на всех языках имеет свою цель — перевод древнего эзотеризма с условного архаического языка на язык современных понятий. Но это — только теория, только подготовка сознания; а то крестное страдание, через которое сейчас проходит человечество, подготавливает его к реальному посвящению в новую жизнь. Прежде эзотеризм давался только избранным, теперь же он предлагается всем на доступном языке, и это — факт великой важности, доказывающий, что люди подходят к новой ступени сознания.

Отчего же — могут спросить — ученые исследователи древних религий не дали ключа к эзотеризму, если он действительно существует? Они не дали его по той же самой причине, по которой весь христианский мир проходил в течение многих веков мимо таких мест, как следующие главы в Евангелиях: от Марка, гл. IV: 33,34; от Матфея, гл. VII: 6,13,14; от Иоанна, гл. XVI, 12; Деяния Апостолов, гл. I: 3; Первое Послание Апостола Павла к Коринфянам, гл. II: 6-8 и гл. III: 1,2, а также других, подобных им. Разве, несмотря на все эти ясные указания, все не убеждены в том, будто в христианстве совсем не было тайного учения? То же повторяется и относительно священных Писаний древнего Востока.

Если их читать с надлежащей подготовкой и раскрытой интуицией, они дают множество ответов на загадку человека. В них можно найти и учение об имманентности Бога, о высшей, божественной и о низшей, смертной природе человеческой души; о троичности Божественных Ипостасей, отраженной в троичности человеческого духа; о постепенной эволюции земной цепи как арены человеческого опыта; о развитии человеческого организма на различных ступенях земного бытия, о его последовательном прохождении через стадии минерала, растения, животного, пока, на четвертой ступени, он не достиг свойств, которые сделали его способным служить телом для человека. Отсюда право человека на название “микрокосм”. Далее: учение о постепенной эволюции человеческой души в трех мирах путем многочисленных рождений человека на земле и таких же многочисленных посмертных пребываний в невидимых мирах; о взаимоотношении бессмертной индивидуальности и смертной личности человека; о законе причин и последствий (карма), объясняющем неравенство людей; об Иерархии разумных Сущностей из иных, предшествующих миров, принимающих участие в построении космоса и человека; о связи нашей мировой системы с остальным мирозданием; о пути человека к богочеловечеству и о его переходе на высшие ступени бытия. Все это и многое другое составляет содержание эзотеризма религий. Владующий им приобретает не только умозрительное знание, но и внутреннюю уверенность в том, что он переживал все низшие ступени космической жизни, что он несет провинциализм, полный невинного неведения и недоверия к “таинственным потусторонним мирам”.

Необходимость порядка и закона признается всеми, когда речь идет о нашем крошечном земном мире, но, как только мысль переходит за его грани, эта необходимость начинает казаться ненужной, скучной, плоской, разрушающей поэзию тайны. Словно является страх: как бы факел, освещающий неведомое, не осветил пустое дно, или же повторение старого, надоевшего, или — как бы не открылись перед нами пределы наших стремлений. Но это — напрасный страх. Нет более захватывающего чуда, нежели величавый порядок мироздания, и нет более беспредельных перспектив, нежели человеческая судьба в освещении оккультного знания.

Отсюда же исходит и страх за человека: как бы победа над низшей природой не обесцветила его, не погасила его ярких страстей, не иссушила “дионисически-страстных

истоков его творчества”. Мерещится бледный призрак скуки, однообразно-молитвенного настроения, отсутствия резких переходов от блаженства к страданию, которые дают такое острое ощущение жизни. Но и этот страх напрасен. На той высоте, где стоит победитель своей низшей природы, возникает иная психология, загорается иной огонь. Сгорая в этом огне, все наши личные страсти переплавляются в иную, огромную силу, которая делает человека свободным и богоподобным.

Чтобы разгадать загадку человека, нужно все время помнить, что он находится в процессе развития, и брать его не в завершённом виде, а как явление переходное. В начале своего эволюционного пути он связан необходимостью, в середине он связан собственными страстями и неведением своей истинной сути (современное состояние большинства) и только в конце пути, когда победит и выявится его божественная природа, он становится свободным творцом своей судьбы.

Два противоположных полюса человека — божественность его бессмертной Монады и мимолетность его земного личного существования — объясняют всю мучительную двойственность, весь разлад его природы в процессе развития. Его Монада, его Высшее Я — это хранитель всего опыта, который человек собирает на протяжении всего своего космического пути; это тот безмолвный Страж и Свидетель всех переживаний, всех грехов и безумий, страданий и восторгов (и не только на земле, но и в потусторонних мирах), из которых слагается все сознание человека. По отношению к этому бессмертному Мыслителю воплощенный человек — всего лишь временный проводник, чрезвычайно ограниченный условиями тяжеловесного трехмерного мира, а также той кармой, которую он создал в предыдущих земных воплощениях. С этой точки зрения, каждое рождение на земле есть посланничество: “посылающий” — бессмертная индивидуальность, собирающая опыт, а “посылаемый” — смертная личность, через которую “посылающий” соприкасается с проявленным миром.

Эта идея вечного и временного человека уже проникла в современную русскую литературу, но принятая ею терминология как раз обратна: вечный человек называется “личностью”, а временный — “индивидуальностью”. А между тем само происхождение слова “личность” говорит против такой терминологии; оно идет от слова личина, маска, и воплощенный человек — на самом деле лишь та личина, под которой один и тот же исполнитель является то в одной роли, то в другой, смотря по тому, какой опыт для него на очереди. При этом важно вовсе не то, что именно переживается тем или другим действующим лицом, важны только вечные ценности, только то, что имеет значение для бессмертной индивидуальности, а не для ее временного проводника — Иванова или Петрова; только это вносится в сознание Мыслителя и сохраняется в нем навсегда.

Лишь при таком проникновении в сложность человеческой природы может возникнуть новое духовное творчество: из стихийного хаоса страстей, противоречивых желаний и непрестанных колебаний между Богом и зверем, между добром и злом, красотой и уродством человек должен создать свой внутренний космос, подчиненный его сознанию и направляемый его самодержавной волей.

Человек должен стать царем и господином в своем собственном внутреннем мире, а не рабом его стихий.

1917 г.

Часть XXVIII. Исторический процесс

То, что прошло, таится в жизни так же, как и то, что придет.

Упанишады

Прогресс человека и общества связан отныне с распространением борьбы за сохранение не своей жизни, а жизни других. В этом состоит дальнейшая эволюция, новая раскрытая перед нами страница истории, заключительный акт человеческой драмы.

Г. Друмонд

Драма человеческой жизни коренится в том, что существуют законы духа и одновременно — свобода исполнять их или не исполнять. Двигаемая эгоистическими побуждениями и не справляющаяся с законами духа, человеческая воля выливает свои хотения в те или другие формы; но пока эти формы нарушают законы духа, они заранее обречены на уничтожение, тем более неизбежное, чем сильнее это нарушение.

Наука имеет дело с физическими законами; путем долгого и терпеливого опыта научилась она познавать их и работать в гармонии с ними: если это условие налицо, человек становится властителем природы, если нет — природа мстит ему за нарушение ее законов.

То же самое повторяется и в истории. Исторический процесс выражает собой отношение человека к человеку, и здесь мы должны считаться с естественными законами в области духа в такой же степени, в какой мы считаемся с ними в области физической природы. И здесь нарушение этих законов влечет за собой такое же противодействие, выражающееся в неудачах, грехах и страданиях, которые делают из всемирной истории сплошную драму, разыгрывающуюся в огромном масштабе на мировой сцене.

Не знающие истинной причины всего совершающегося видят в истории безвыходный круг, в котором с различными видоизменениями повторяются одни и те же мучительные явления. Но это неверно.

Все пережитые человечеством потрясения, все мировые трагедии, все то, что мы называем погибшими цивилизациями, — все это служило и служит жизни, тому духу внутреннего роста и раскрытия человеческой души, который совершается благодаря пережитому опыту и неумолимо творит свою невидимую работу на протяжении всего исторического пути древних и современных народов.

Понять это — значит уничтожить главный корень страданий, то есть незнание, авидью. В науке духа людей делят на тех, которые “знают”, и на тех, которые “не знают”. Последним неизвестны законы, по которым совершается внутренняя эволюция человека, оттого не понятен и смысл человеческой жизни; а что может быть ужаснее бессмысленной жизни?

Ужас этот родит бунт против самого Источника жизни, а такой бунт не может не вызывать бессильного страдания.

Сама возможность такого бунта для человека “знающего” прекращается. Повязка спала с его глаз. Для него нет могил и гробниц в том смысле, в каком их видят люди с незрячими глазами. Все равно, идет ли речь о могиле дорогого человека или о гробнице угасшей цивилизации, для него она говорит не о тлении и смерти, а о не-прекращающемся устремлении вперед, о вечном возрождении, о победе бессмертного духа жизни над силами сопротивления.

В начале этого лета мне пришлось проверить на личном опыте, до какой степени изменяются самые глубокие слои нашего душевного настроения, когда мы начинаем проникать в истинный смысл жизни и смерти. Мне пришлось быть на юге Европы, как раз там, где вблизи одна от другой расположены исторические могилы древних цивилизаций: римский форум, извлеченные из пепла и лавы улицы изящной Помпеи, грандиозные развалины когда-то великолепных Сиракуз, дивные останки древнегреческого театра в Таормино. Везде — среди обломков и груды камней, среди поваленных колонн и кажущегося разрушения — мне ясно виделась не смерть, а жизнь, не уничтожение, а возникновение нового, не гибель человеческого творчества, а перенесение его на новую историческую арену.

Кто станет горевать над опустевшей куколкой, зная, что из нее вылетела бабочка? Такую же опустелую оболочку представляют собой и эти развалины. Перед нами остатки ненужных более форм, отслуживших свою службу, и если это — могилы, то погребена в них не жизнь, а лишь те переходные формы, в которые она временно вливалась; а сама она, бессмертная и могучая, воплотилась в новые образы, вызвала к жизни новые цивилизации, возвела новые города, облекла в камни и металлы новые вдохновения.

На площади античного Рима, во дворах помпейских патрициев, на обнаженных холмах Эпиполи и Ахрадина древних Сиракуз — везде мне чувствовалось, что бившийся здесь дух жизни продолжает по-прежнему жить и творить, и не где-нибудь в иных мирах, а здесь, на земле, на наших городских площадях, в современных домах, в наших общественных зданиях и храмах; что обитавшие когда-то в этих “печальных” развалинах — это мы: я, вы, наши друзья и недруги, все те же люди, изощрявшие свои силы и способности, напрягавшие свой ум и воображение для созидания своего счастья.

Стоит лишь понять, что исторический процесс представляет собою живое содержание нашей собственной бессмертной души, ищущей для своего выражения на земле все новых и новых форм; понять, что жизнь может казаться ничтожной и мимолетной только до тех пор, пока она мыслится нам в виде раздробленных отрывков, а не в ее истинном единстве; стоит убедиться, что границы нашей личной обособленности созданы нами самими, а жизнь в действительности нераздельна, — как мы неизбежно придем к совершенно новым переживаниям, которые можно определить как обновление души, ее молодение, ясное ощущение в ее глубинах могучего дуновения Вечности.

Наша обособленная жизнь — это отдельные капли; жизнь в ее единстве — это могучий океан. Но мы знаем, что океан состоит из бесчисленных капель и что вся его сила и все его величие заключаются в слиянности этих капель. Воображать, что мы можем творить свою жизнь в отдельности от других жизней и строить свое счастье, не беря в расчет всех остальных, — это то же самое, что для капли отделиться от океана и воображать, будто она может и в отдельности жить с такой же полнотой, с какой ей жилось в его могучем просторе.

Единство жизни есть основной закон духа, и, пока мы не внесем это забытое Западом понятие в обиход нашего сознания, мы не сможем разобраться в самых насущных проблемах человеческой жизни. У духа есть свои законы, и понимать историю, не зная этих законов, нельзя. Но и отождествлять их с законами физическими также нельзя, ибо законы духа не совпадают с законами физическими; происходит это оттого, что форма растет присвоением, а дух — отдачей, форма должна брать извне, а дух — давать изнутри. Уже Гекели, этот типичнейший представитель европейского позитивизма, подметил, что действительный для всей остальной природы закон “борьбы за

существование” перестает быть пригодным, когда дело касается человека, ибо для развития человеческих свойств необходимо как раз обратное — не самоутверждение, а самопожертвование.

Все формы человеческой жизни, основанные на разъединении, эгоизме и на борьбе за существование, обречены на неизбежную гибель, потому что они идут против законов духа. Современный капиталистический строй, опирающийся на эгоизм отдельных личностей, и современный милитаризм, опирающийся на эгоизм народов, должны замениться более совершенными нормами жизни, если человечество захочет не погибать, а идти вперед, к свету и счастью.

Но водворение новых условий жизни требует переоценки всех наших понятий о ходе исторического процесса.

Одностороннее позитивное мышление, царившее в Европе в течение истекшего столетия, направило самый метод исторического исследования по неверному пути. Представление о дикаре, который вступает в борьбу с враждебной природой и, побеждая ее, создает культурное государство, дало чрезвычайно простую, но настолько же и неверную схему эволюции культурных народов. В действительности этого никогда не было и потому никакой наукой доказано быть не может. Наоборот, все современные научные исследования, все новейшие раскопки на Востоке указывают на совершенно иное явление: чем глубже мы проникаем в древние цивилизации, тем яснее признаки их духовной высоты. И легенды древних народов о “золотом веке” указывают на тот же факт. Эти легенды — не сказка; они основаны на истине, которая была хорошо известна древним “посвященным”.

На Востоке эта истина не вызывала сомнений, тогда как на Западе все, что не могло быть проверено низшим разумом, отвергалось как бездоказательное; тем более такая идея, как влияние сверхчеловечества на культуру молодых народов, не могла вызвать ничего иного, кроме недоверия или насмешки. Теперь времена изменились. Наука подошла к самой грани сверхфизического мира, и человеческой мысли становится уже тесно в пределах одного лишь физического измерения.

Ориенталисты, изучающие древний Восток, приходят к выводам о том, что у арийских народов есть общая колыбель и что в этой колыбели уже с самого начала были заложены все основы, развитие которых мы видим во всех позднейших цивилизациях¹. Эти выводы подтверждают легенды о богоподобных царях-посвященных, обладавших высоким нравственным развитием и глубокою мудростью, которые руководили юными народами и давали им знания, законы и религию; когда же люди начали выходить из состояния младенчества, вожди стали все больше отступать, предоставляя простор для их собственной инициативы. Результатом этого отступления были ошибки, грехи и падения государств и народов, но это было необходимо для самостоятельного развития человечества. Так же необходимо, как для развития индивидуальности необходим личный жизненный опыт.

С виду человечество повторяет одно и то же, но душа народа после каждого нового опыта уже не та: она усложнилась, в ней развернулись новые аспекты, и она отзывается на те же явления по-новому. И хотя те же грехи повторяются в истории снова и снова, но совершаются они уже на ином уровне. Возьмем рабство. В “золотом веке”, о котором говорят легенды, рабства не было. Оно появилось позднее; переходя из одной формы в другую, сперва явную и грубую, а затем все более замаскированную, оно превратилось

наконец в экономическое рабство, которое процветает и до наших дней; но оно несомненно исчезнет, когда вожди народов поднимутся на высшую ступень сознания. Во времена Перикла цвет человечества был убежден, что без рабства государство не может обойтись, а в наше время каждый школьник знает, что рабство унижительно и преступно.

Если мы вернемся к гробницам исчезнувших цивилизаций и начнем вникать в причины их упадка, а затем и гибели, то мы убедимся, что причиной каждый раз было нарушение законов духа. Оно влекло за собой нарушение равновесия сил внутри самого народа: он заболел, вырождался, становился непригодным для дальнейшего развития, и жизнь покидала его, ища для своего проявления новый свежий проводник. Так будет продолжаться до тех пор, пока законы духа не будут соблюдаться вождями народов так же, как и законы физической природы.

Современная история, отравленная международным эгоизмом и раздираемая ожесточенной борьбой политических партий, дает нам яркий пример нарушения законов духа и ясно показывает, к чему ведет такое нарушение. Все, что основано на эгоизме и несправедливости, приводит к понижению тех ценностей, которые бесконечно дороже всех материальных богатств: ценности внутреннего человека, широты его сознания, благородства его сердца, красоты его идеалов. С этой, единственно верной точки зрения, “выгодным” окажется как раз то, что с точки зрения материальных расчетов называют “сентиментальностью”, “наивной верой”, “недостижимой утопией”.

Эту истину нужно поставить в основу нового творчества жизни; и, когда в литературе, на кафедре или в частном разговоре раздается призыв к “борьбе за существование”, к партийной, классово- или народной вражде, нужно помнить, что это — лозунг отживающего мира, который может повести только к вырождению и развитию звериных свойств; новый лозунг, который поведет к развитию человечности, совсем иной: он основан на взаимопомощи, а не на вражде, он требует не насилия, а самопожертвования.

Если смотреть на укоренившиеся порядки современной жизни, то этот новый лозунг может показаться утопией. Но порядки создавались людьми; если люди ошибались и представляли себе, будто к человеческому благополучию возможно прийти путем одних лишь внешних достижений, не заботясь о совершенствовании человеческой души, то они смогут понять свою ошибку и дать новое направление человеческой деятельности. Без развития совести самые знания не только не ведут к улучшению человека, а могут даже ухудшить его, потому что, не изменяя его внутренне, они дают в его руки могучее орудие для достижения эгоистических целей.

Но, может быть, борьба с эгоизмом невозможна? Она не только возможна, но и неизбежна, если люди хотят идти вперед, а не назад, к вырождению и одичанию.

Чтобы разбить эгоизм, необходимо перестроить самое мирозерцание людей. А это — дело того передового отряда человечества, которое ответственно за строительство жизни. Мыслители и писатели, художники и поэты, законодатели и общественные деятели — вот кто проводит русла, по которым течет мысль остального человечества.

Стоит справиться в исторической хронике, чтобы убедиться, как сильно менялось мирозерцание человечества, а вместе с мирозерцанием менялись и настроение, и быт народов.

“О чем человек думает, тем он становится”, — говорит древняя Мудрость. Если мы в состоянии подняться сознанием на высшую ступень, на которой уже ясно видно единство

жизни, если мы разглядим, что человечество, несмотря на многообразие форм, составляет единый организм, работающий для одной и той же высшей цели, и поймем, что нарушение законов духа ведет к вырождению и гибели, — тогда наши собственные мысли помогут нам разбить стены неведения и эгоизма, в которых томится современная жизнь.

1914 г.

Часть XXIX. Новый Завет: ответственность за наши мысли и чувства

Материальные результаты — лишь позднее проявление невидимых деятелей. Ядро уже давно вылетело, когда звук выстрела доходит до нас. Решающие события совершаются в мысли.

Амиель

Весь прогресс человечества, вся его эволюция сводится к расширению сознания. Расширение сознания происходит тогда, когда новая область, бывшая до того неведомой, вступает в освещенное поле сознания всего мыслящего человечества.

Открытие Америки, существование которой не сознавалось, послужило такому расширению; к такому же расширению повело открытие бесконечно малых миров и появление книги Ч. Дарвина об эволюции живых организмов.

В литературном творчестве самого последнего времени к таким расширяющим сознание событиям можно причислить книгу Норманна Энджельса “Великая иллюзия”; книга эта доказывает, что наша историческая эпоха отличается от прежних эпох тем, что она связала все народы мира тонкой тканью такой живой чувствительности, что, когда она разрывается в одном месте, наносится вред всей ткани, на всем ее протяжении.

Ткань эта — экономическая система современных культурных народов, ее международные финансы, которые переплелись между собой в такую неразрывную “нервную систему”, соединившую все нации в единый организм, что подрыв одного национального банка неминуемо отзовется и на всех остальных финансах. Из этого логически вытекает реальное единство людей, общность их интересов и неизбежная неудача всего, что направлено против этого единства, что стремится присвоить одной части организма то, что в сущности принадлежит всему целому; отсюда автор делает вывод о невозможности войны в недалеком будущем. Книга Энджельса, обращенная к здравому смыслу, настолько убедительна, что она не может не разбить многие из наших иллюзий и не может остаться без влияния на сознание современных людей.

Интересно отметить, что, пока та же самая идея апеллировала только к моральному чувству, люди оставались глухи: когда же она облеклась в аргументы непреодолимой логики экономических фактов, тогда стали прислушиваться к истине, которая до этого оставалась “гласом вопиющего в пустыне”. Десять лет тому назад¹ Норманн Энджельс выступил с книгой “Патриотизм под тремя флагами”, в которой он развивал те же идеи, основывая их на требованиях морали, и ее никто не читал; когда же он вооружился статистикой, его новую книгу начали читать, ее перевели почти на все языки, с ней начали считаться государственные люди.

Отчего человек так глух, когда его убеждают аргументами морали, и так восприимчив,

когда вопрос переносится в область точного знания? Очевидно, потому, что мир вещественных фактов лежит в освещенном поле его сознания, вследствие чего не считается с ними уже невозможно, хотя бы они были и невыгодны для эгоизма единиц. Совершенно так же, как нельзя не считаться с бактериями с тех пор, как микроскоп открыл их существование и они вступили в освещенное поле нашего сознания. Теперь не считается с ними могут только люди невежественные; но ведь до микроскопа бактерии совсем не существовали для человека, они не входили в его соображения, и весьма вероятно, что тех, кто впервые убедился в реальном существовании бесконечно малого мира, осмеивали и считали фантазерами.

Когда факты духовного мира будут так же доступны для сознания человека, как и видимый мир, считаться с ними будет для здравомыслящего человека так же обязательно, как и с логикой физических фактов. И это вовсе не так далеко, как можно было бы думать. Расширение сознания как вниз, так и вверх, в область бесконечно малого и бесконечно великого, совершается безостановочно, наука идет навстречу религиозному чувству, религиозное чувство подтверждается свидетельствами фактов.

Не говоря уже о теософии, о тех очагах сознательного интереса к невидимым мирам, который она зажгла среди образованных людей всех стран, даже воспитанные на позитивных методах ученые начинают определенно поворачивать свое внимание к области невидимого и говорить об огромном значении “психофизических” эманаций человечества.

Это пока еще робкие проблески того огромного света, который начинает просвечивать сквозь завесу нашего мозгового сознания, обещая осветить перед нами иные миры, недоступные для него, но доступные для пробуждающегося высшего сознания.

Пробуждение это становится все более необходимым с тех пор, как земная жизнь человека вступила в новый фазис. Этот новый фазис настал с появлением в обиходе нашей жизни электричества. Электричество послужило для расширения поля нашего сознания: из мелкого, личного, эгоистического оно постепенно превратится в общемировое, сверхличное и этическое. Молниеносная передача всего, что люди думают и чувствуют на всех точках земного шара, создала для современного человечества в буквальном смысле общую нервную систему, которая сблизила его настолько, что прежняя изоляция стала уже невозможной. Мы все заражены душевными эмоциями окружающих людей, мы проникнуты их мыслеобразами, мы настроены их настроениями, мы поднимаемся их бодростью от их же малодушия.

Благодаря этому ускоряющему единству современной жизни, долг человека перед человеком поднимается на новую ступень. Возникает Новый Завет жизни. Старый Завет говорил: не совершай зла и твори благо. Новый говорит: не допускай в себя дурных мыслей, ибо они вредят всем; очищай свое сердце и создавай в нем светлые, бодрые и великодушные чувства, ибо они помогут всем; верь в добро, ибо такая вера дает людям силу; гони от себя уныние, ибо бодрость очищает психическую атмосферу, как озон очищает воздух, которым мы дышим.

Это — факты духовного мира, которые еще новы в наши дни, но скоро они сделаются достоянием всего мыслящего человечества. И тогда понятие о “гражданском долге” станет совершенно иным. До сих пор моральной оценке подлежали только внешние проявления человека; но для общественного блага далеко не безразлично, каково его внутреннее настроение: населяет ли он невидимый мир здоровыми и светлыми

“эманациями” или же нездоровыми, унылыми и подозрительными, поддерживающими угнетенное состояние народной души.

Тогда забота о здоровье и счастье народной души станет таким же фактором прогресса, как и забота о физическом благосостоянии тех клеток-людей, из которых состоит тело народа.

Настанет время, когда нечистые мысли и эмоции будут признаваться столь же вредными для общественного блага, как в наше время уличная драка или ругань в общественных местах. Это — такие же микробы зла, как и заразные бактерии, только выделяются они не из тела человека, а из невидимой лаборатории его души.

Не знаю, следует ли добавлять, что чистоты физического воздуха, которым мы дышим, гигиенических условий жилищ, в которых мы живем, возможно добиться внешними мероприятиями; но внешние мероприятия совершенно бессильны, когда дело идет о той невидимой атмосфере, которую питается наше сознание, о тех душевных влияниях, которые мы непрерывно воспринимаем и выбрасываем из себя.

Перед совершенными людьми встает задача огромных размеров, но эта задача не материальна, а духовна. Она сводится к тому, чтобы каждый из нас, жаждущих светлого будущего, признал себя творцом этого будущего и взял на себя перевоспитание своей собственной души. Светлые страницы истории создаются душой народа, а она слагается из всех нас, из наших помыслов и желаний, из наших верований, надежд и стремлений.

Первым шагом к такому перевоспитанию будет перенесение ответственности за все совершающееся с внешних причин на внутренние, вторым — яркое осознание собственной ответственности, своего непрерывного участия в создании этих причин. Это заставит нас помнить, что всеми нашими помыслами и стремлениями, если они мелки, нечисты и себялюбивы, мы заражаем душу нашего народа, и никакие учреждения, даже если бы они были самые совершенные, не сделают нас счастливыми, если душа народа будет отравлена внутренней нечистотой. Наша невидимая связь со всеми другими до того тесна и неразрывна, что, очищая себя, мы тем самым очищаем и других, поднимаясь сами, мы этим поднимаем и всех других. Размер влияния зависит от размера наших сил, но все равно — велики они или малы — влияние наше несомненно.

Такое сознание своей ответственности перед всеми даст людям силу бороться со своими низшими страстями, оно повернет их внимание на воспитание собственной души, создаст повелительную потребность духовной культуры.

Победа над низшими страстями создает новую психологию; в душе человека загорается иной огонь. Сгорая в этом огне, его низшие страсти переплавляются в огромную духовную силу, которая делает человека духовным вождем и свободным творцом своей собственной судьбы.

1915 г.

Часть XXX. “Вихрь бытия”

Продолжение прежней культуры невозможно, нить обрывается, образуется пролом, и необходим скачок на другой берег, где зачинается новая, духовная культура.

Из лекций д-ра Штайнера

Мир, в котором мы живем, бесконечно обширнее и сложнее, чем мы думали. Заслуга оккультистов состоит в том, что они это знают и своим знанием расширяют наше сознание.

“Все преходящее есть только символ”. Эти таинственные слова были сказаны уже более ста лет назад Гете¹, а между тем они еще так недавно были совершенно непонятными для огромного большинства европейцев, которые были настолько захвачены всем “преходящим”, настолько влюблены в него, что не хотели ни знать, ни принимать в расчет ничего иного.

И только теперь, когда страстное увлечение “преходящими символами” подходит к концу, глаза людей понемногу раскрываются и они начинают догадываться, что за физическими явлениями таится иное, сложное, пока еще таинственное нечто, участвующее в построении бытия. Об этом “нечто” и говорил Гете; он знал, что в физической культуре проявляется только одна сторона нашей деятельности; остальные грани нашей сложной природы, нашего сложного сознания, воли, сердца, духа — все это живет и действует в других измерениях, где создаются идеи, где возникают настроения, творятся вечные ценности. Там и происходит накопление той энергии, которая исходит из наших мыслей, стремлений и эмоций, возникающих в невидимой области человеческой души. Ничто из них не пропадает: каждый бескорыстный порыв, каждая мысль любви, каждое стремление к добру, весь энтузиазм мучеников за светлые идеи, все молитвы праведников, все слезы и стоны страдающего человечества накапливаются в могучую, силу, которая продолжает жить и действовать на невидимых планах бытия. Но точно так же продолжает жить и энергия злых мыслей, стремлений и эмоций.

Когда же в земной эволюции наступают кризисы, когда все ценное из господствовавшей культуры исчерпано до конца и для человечества наступает внутренняя необходимость подняться на высшую ступень сознания, тогда возникает невидимая борьба между светлыми и темными силами. И те и другие исходят от самого человека; первые есть результат его высшей природы, которая черпает свои силы из Божественной Жизни, вторые идут из его низшей природы, энергия которой рождается и поддерживается эгоистическими страстями. Когда между ними возникает борьба, первые влекут людей к свету, свободе и единению, вторые — к темноте, рабству и распаду.

Задача земной жизни и состоит в том, чтобы отразить вечное в преходящих явлениях, чтобы провести всю сложную эволюцию человеческого сознания через материальные символы, чтобы творить эти символы все совершеннее, переводить их из первобытного и простого в сложное и разнообразное до тех пор, пока накопление опыта на данной ступени эволюции не завершится и не потребуются поднятие нашего сознания на новую ступень.

Переход одной ступени сознания на другую, когда зарождаются новые идеи, новые формы жизни и новые настроения, называется в оккультизме “вихрем бытия”. Мы присутствуем при таком “вихре бытия”, скрытый смысл которого заключается в том, что отжившая культура разлагается и на ее развалинах возникает новая, более совершенная жизнь; смысл этот иллюстрируется на наших глазах грандиозной эпопеей кровавой борьбы между европейскими народами. Одна сторона борющихся на этом величайшем из всех Курукшетр¹ являет собою яркое выражение той, доведенной до своего апогея ступени европейского сознания, которая сделала материальное благо единой целью всех своих чаяний и в земном своем творчестве выразилась в милитаризме и капиталистическом рабстве.

Другая сторона борющихся служит новому духу жизни, освобождает мир из тех самых цепей, которые так дружно выковывались всем европейским Западом.

Истинным победителем в этой борьбе будет тот народ, который раньше всех сделает “скачок на другой берег”, где — пока еще в неясных очертаниях — по линиям еще не вполне выявившегося для нашего земного сознания идеала построится наше лучшее будущее.

Побежденным же будет тот народ, в котором наиболее ярко выразилось влечение к тому, что уже отслужило свою службу, что тормозит дальнейшую эволюцию человека, что служит его низшей природе, а не его высшим возможностям.

Пусть борющиеся не сознают всего значения своей борьбы — это не изменит результатов. Разложение того, что препятствует живому творчеству духа, несомненно совершится; это решено в Книге судеб самою природой человека, но не той ее стороной, которая имеет дело с куплей и продажей, с накоплением и эгоизмом, а тем сверхличным влечением к добру, которое не может вполне умереть в душе народов.

Оно и не умирало, оно только отступило на задний план, подавленное материальной культурой, имевшей свою особую эволюционную задачу. Задача эта — развитие до совершенства манаса, малого разума, действующего через мозг. Развитие это закончилось и дало великолепные плоды: позитивную науку и удивительную технику.

По самому свойству своему малый разум может познавать только форму; жизнь, одушевляющая форму, познается не им, и потому в сфере отношения человека к человеку, в области нравственных проблем, где дело идет уже не о форме, а о самом духе жизни, он бессилен. Сила его в анализе, в расчленении, в обслуживании материальных потребностей; неудивительно поэтому, что творчество “манаса”, царившего безраздельно в европейской жизни XIX века, привело к разъединению, к оправданию личного, партийного, классового и народного эгоизма, к торжеству насилия, а затем и к угасанию духа в пользу исключительного развития формы.

Что в конце концов заслонило собою все остальные интересы людей? Колоссальное накопление машинного производства и жадное искание все новых рынков. О справедливом распределении никто не думал. Вся европейская жизнь превратилась в одно сплошное фабричное производство, и бедная человеческая Психея была оглушена его грубыми шумами. Эта страшная война пробудила ее. Пробудилось сознание того, что завет Христа — не отвлеченная мораль, которую можно и не выполнять, а непреложный закон человеческой жизни, нарушая который мы ведем ее к огрублению и вырождению, лишаем ее высшего смысла и превращаем из человеческой в звериную².

Такое пробуждение приведет нас к переходу на высшую ступень сознания. Ступень эта отличается от предыдущей тем, что ее знание рождается из чувства единства, спаяно с ним в одно целое и благодаря этому отличается совершенно иными признаками, нежели знание малого разума. Оно не разъединяет людей, а объединяет их, заставляет жить не для одного себя, а для всех, способно не только брать, но и отдавать, понимать не только видимости, но и суть жизни.

Нас поднял на высшую ступень порыв любви к родине и негодование при виде насилия сильного над слабым. Но чтобы удержаться на этой ступени, нужно понять, чего она потребует от нас, нужно порыв превратить в новое миропонимание.

Это есть задача строителей жизни, которые в силах взять на свою ответственность руководство судьбою народа. Задачей же для всех является необходимость внутренне очиститься и помнить, что великие результаты достигаются только великими усилиями, что новая жизнь потребует от нас жертвы и напряжения всех наших сил.

“Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее в жизнь вечную”, — верно сказал Учитель жизни.

Каким ярким светочем загораются эти слова, если их применить к нашим дням! Великая эпоха духовного Возрождения, в преддверие которой мы вступаем, требует прежде всего жертвы.

Чем больше жертва, тем более она приносит сил. И это относится не только к войне, но и к мирному строительству. Нельзя строить на том же месте новый дом, не пожертвовав старым; нельзя отрезвить целый народ, не пожертвовав интересами виноделов; нельзя “перековать мечи на орала”, не пожертвовав выгодами Круппов; нельзя осуществить братство, не пожертвовав своими привилегиями, и так далее.

“Необходим скачок на другой берег”, — говорит оккультист. Что это значит?

Это значит, что нужна решимость пожертвовать привычным, насиженным, для многих наиболее любимым и смело броситься вперед, в неизведанное, чтобы вместо знакомого выпханного поля поднимать еще нетронутую свежую целину.

1915 г.

Часть XXXI. Русская революция

Только сочетание внешней революции с **внутренней** может дать нам ту обетованную страну мира и свободы, о которой мечтает весь современный мир.

Совершившиеся на наших глазах Февральские и Мартовские события назовут в истории “великой русской революцией”, но в действительности значение их несравненно глубже, оно более чем мировое, оно космическое: русская революция — пролог к новой мировой эре, к переходу человеческого сознания на новую ступень.

Вот что говорил двенадцать лет тому назад оккультист д-р Штайнер по поводу современной нам эпохи. “Обозревая все прошлое (человечество), мы найдем, что во всех предшествующих культурах развивались различные ступени сознания. Переход от одной ступени к другой, когда зарождаются новые начала, новые идеи, новое настроение, называется в оккультизме вихрем бытия. Конец атлантической культуры и возникновение пятой арийской расы, давшей начало всем культурам Азии и Европы, и представляет собою такой вихрь бытия. Как из скрытого семени, возникли из него новая жизнь, новые условия, новая стадия сознания. Конечным плодом этого “вихря” стала христианская культура. В христианстве я человека перешло на новую, высшую ступень самосознания. Конечная миссия христианства — подготовить человечество к новой ступени сознания, вызвать к жизни новый мировой “вихрь”.

В настоящее время мы уже стоим лицом к лицу с таким новым “вихрем”¹... Начинается новый приток, зарождаются семена новой культуры, которую должны дать славяне для грядущей шестой расы. Нить прежней культуры обрывается, образует пролом, новый культурный поток уже возник, но он еще скрыт в глубине души стоящего на очереди

народа; ум народа как бы спит еще, а создающееся в нем духовное уже готово начертать на его челе новые думы, вызвать к жизни новую культуру для всего человечества.

Смысл происходящего перед нами этого “вихря бытия” — разложение прежней культуры и возникновение новой. На востоке Европы она начинается, на западе она изживается. Старая культура должна дать толчок новой. При переходе к новому возникает творческий зародыш...

Так было при исходе атлантической культуры, когда древние семиты представляли из себя этот творческий зародыш: они дали культуру сознания критического, аналитического, раздробляющего. Продолжение прошлой культуры невозможно, нить обрывается; образуется пролом, необходим скачок на другой берег, откуда на нас как бы глядит духовность”².

Так говорил двенадцать лет назад¹ оккультист, владеющий ключами, которые позволяют проникать в сокровенный смысл исторических событий.

Совершившееся на наших глазах подтверждает, что мы действительно вступили в совершенно исключительную полосу эволюции, в эпоху, “когда мир несется с головокружительной быстротой и в один год пробегает путь многих столетий”, как выразился на днях Ллойд Джордж в одной из своих речей. “Сегодня мы переживаем одну из таких эпох, — добавил он, — шесть недель тому назад Россия была самодержавной, сегодня она является одной из самых передовых демократий мира”.

Ллойд Джордж выразил этими энергичными словами совершившийся факт, оккультист предвидел его и дал ему объяснение.

Требовавший великого напряжения скачок сделан, мы на другом берегу, двери в “обетованную землю” благословенной свободы раскрылись, и теперь вопрос в том, как мы начнем развивать наш творческий зародыш, с каким настроением мы примемся за осуществление задач новой эры.

В старой эре “настроение” не принималось в расчет: мы считались только с логикой фактов. Новая эра выдвигает на первый план настроение, то есть внутренний строй человека, те скрытые от учета мотивы, которые направляют его волю и делают его действия или ничтожными и убивающими дух, или благородными и окрыляющими.

Перед нами прошли праздники революции, и кто лично участвовал хотя в одном из них и наблюдал, как красива может быть толпа, когда она живет в любовном единении и проявляет рыцарскую вежливость, оберегая друг друга, тот знает, что это настроение шло изнутри народной души, выявляя наружу ее скрытую красоту и заложенные в ней возможности.

Но то был праздник, ликующая радость освобождения от долгого плена. Для того чтобы это светлое настроение перевести и в грядущие будни, необходима такая же светлая деятельность.

Что же нужно для этого? Нужно, чтобы Россия создала новые пути и не повторяла ошибок Запада, который все силы направлял на внешнее строительство и забывал о строительстве внутреннем.

Если Россия пойдет по проторенной дороге и увлечется созданием внешней цивилизации без равномерной внутренней культуры, тогда и “обетованная земля” не выполнит наших

надежд, и Россия пройдет мимо своей миссии, о которой оккультист говорит в той же лекции.

“Социализм Запада основан на производстве, он считается с накоплением, с жадностью, с эгоизмом. Будущий социализм европейского Востока будет основан на потреблении, он считается со справедливым распределением, с братством и взаимопомощью”. Далее следуют знаменательные слова, относящиеся к Льву Николаевичу Толстому как собирательной душе русского народа: “Толстой говорит так, как не мог бы говорить ни один представитель западноевропейской мысли, ни Кант, ни Спенсер. В нем, в Толстом, все содержание европейской мудрости; но тогда как представители западноевропейской культуры являют собою перезрелость, у представителя восточноевропейской зачинающейся культуры все свежо, варварски необработанно и несовершенно. Так и должно быть, когда дело идет о зародыше. Не из развившегося организма, а из семени возникает новое...” (“Вопросы теософии”, стр. 108).

Каково же это новое? Какие указания дает теософия на свойства этого “нового”?

Ее учение говорит о необходимости перехода человечества на новую ступень сознания. Отживающая ступень развила до совершенства конкретный разум, орудие анализа и расчленения, познающее формы и действующее в трех измерениях земного мира. Новая ступень поведет к развитию высшего разума, или интуиции, орудия синтеза, познающего суть вещей и способного действовать в высших измерениях невидимой Вселенной.

Отличительный признак интуиции заключается в том, что она тесно связана с сердцем человека. Незрелое сердце, неспособное к бескорыстной любви — непреодолимая преграда для развития интуиции. Ее основное свойство — любовное проникновение в суть вещей, отождествление субъекта с объектом познания.

Из этого следует, что первое условие для развития интуиции — это ощущение своего единства со всем миром и прежде всего со своими ближними. Осуществление этого условия ведет к опытному познанию человеческого единства.

Человечество — едино, утверждает раскрывшаяся интуиция, и уже одно это основное положение влечет за собой неисчислимы последствия для строительства новой жизни.

Раз человечество — единый организм, сама собою отпадает партийная, классовая и национальная вражда. Все отделы творчества одинаково нужны для блага целого, но все они должны действовать в полном единении и не для себя, а для поддержания всего организма, как это делают клетки в здоровом теле. Только при этом условии достигается здоровье и счастье всего народа¹. Партийная борьба, антагонизм и конкуренция должны замениться дружным сотрудничеством и коллективным творчеством, и это — второй дар нового сознания.

Третий дар — одинаковое право всех и каждого на свободное самоопределение и беспрепятственное развитие всех своих сил и дарований. Нарушение этого права есть вред, наносимый всему народу, обеднение его творческих сил. В этом праве и заключается здоровая демократизация, которая должна стать жизненным лозунгом новой эры.

Равенство, в смысле одинакового права на обеспеченное и достойное существование, это — азбука демократии, которая не оспаривается более никем. По крайней мере, вслух. Но это равенство чисто внешнее, а как разрешится на высшей ступени сознания вопрос о

внутреннем неравенстве? О бесконечном разнообразии индивидуальных сил и дарований и о таком же бесконечном разнообразии индивидуальных потребностей? Одному нужно одно, другому совершенно иное; один может внести в общую сокровищницу лишь слабый и несовершенный труд, деятельность же другого может оказать благое влияние на жизнь всего народа: как же выразится это неравенство? Косвенный ответ на этот вопрос можно найти только в том характере взаимопомощи, который осуществляется в хорошей семье, где старшие любовно заботятся о младших, где все участвуют в общем труде по мере своих сил и получают по мере своих потребностей.

Отсюда как неизбежное последствие вытекает жертвенность власти, бескорыстное служение наиболее мудрых и совершенных своему народу и полное доверие, которым народ будет дарить их в ответ.

“Человек становится тем, что он думает”. Это мудрое изречение древнего Востока следовало бы написать неизгладимыми буквами на знамени нашего нового творчества и в глубине нашей проснувшейся совести.

На старой ступени сознания человек думал, что он имеет право на эгоизм, и он постепенно расширял это воображаемое право, создавая личные, партийные, классовые и национальные привилегии.

Новая эра потребует уничтожения всех привилегий, созданных эгоизмом, и выросшая человеческая мысль, отказавшись от противопоставления интересов одних интересам других, заменит его взаимным служением.

На изживаемой ступени человек думал, что меньшинство имеет право давить большинство; новая эра должна исключить всякое давление, в том числе и давление большинства на меньшинство, как такое же нарушение права на свободное самоопределение: этот урок должен быть твердо выучен немедленно, чтобы не внести старых ошибок в новое строительство.

На старой ступени человек был уверен, что его создает окружающая среда, и он все свое несовершенство относил к несовершенству внешних условий и учреждений. Сознание новой эры раскроет для всех, что земные условия и учреждения созданы самими людьми, что они — не более как видимый результат невидимых мыслей, чувств и стремлений человечества. Ясное понимание того, что “человечество есть строитель своей судьбы”, заставит повернуть внимание на самого человека, на невидимую жизнь его внутреннего мира.

Если эта невидимая жизнь не окажется совершеннее, а мы сами не станем мудрее и лучше, в таком случае и наше новое строительство жизни будет такое же несовершенное и поведет к новым страданиям.

И они будут все более сгущаться над нами, пока мы не признаем, что единственно верный путь, ведущий людей к благу и счастью, это — сознание одинаковой необходимости, наряду с внешним прогрессом, прогресса внутреннего, соединение материальной культуры с культурой духовной, революции внешней с революцией внутренней.

Это сознание изменит самый мотив человеческой деятельности. В завершающейся эре он был разъединяющим, породившим недостойную человека “борьбу за существование”, международную вражду и войны, новая эра требует мотива объединяющего, ведущего к взаимопомощи, международному миру и братству народов.

Верное понимание этой необходимости произведет величайшую революцию в душе человека; и только сочетание этой внутренней революции с внешней может дать нам ту “обетованную страну” мира и свободы, о которой мечтает весь современный мир.

1917 г.

Часть XXXII. Мировая катастрофа

Жизнь есть корень смерти.

Смерть есть корень жизни.

“Зерцало Чистоты”

Когда умирает цветок, человек, эпоха, мировая система, смерть несет в себе всегда семя новой жизни. Когда умирает старый год, является потребность подвести итоги истекшему, несущему в себе невидимые очертания будущего. Из подведенных итогов складывается наш земной опыт, они представляют собой наглядные уроки жизни. Но тот переход от умирающего прошлого к зарождающемуся будущему, который переживаем мы, до того выходит из всех обычных норм, в нем все приобретает такие грандиозные размеры, что и подведение итогов должно захватывать не исторические мгновения, а целые эпохи.

Единственное уподобление, которое мне кажется приложимым к мировой катастрофе, свершающейся на наших глазах, — это сравнение с пралайей, отделяющей одну манвантару от другой.

Когда, согласно оккультным учениям, одно воплощение нашей планеты заканчивает свои задачи, когда все брошенные в нее семена созреют и дадут плоды, тогда наступает переходный период: все формы разрушаются, возникает кажущийся хаос, плоды прошедшего и семена будущего смешиваются как бы в огромном мировом котле, и в этом космическом растворе начинают выкристаллизовываться линии нового творчества. Это и есть пралайя — переход с одной ступени мировой эволюции на следующую; умирающая планета, или, вернее, ее временное воплощение переходит в состояние затемнения, внимание Логоса отвращается от нее. Свет Его разума устремляется на ее новое воплощение, куда переходят семена всех жизнеспособных плодов прошлого, и под воздействием этого света она начинает быстро расцветать могучей жизнью. Возникает новая манвантара.

Такая же пралайя отделяет одну от другой и различные ступени сознания на нашей земле. Есть в оккультных учениях указание на то, что сознание третьей человеческой расы, лемурийской, отличалось от сознания атлантов, и его переход на следующую космическую ступень был отмечен мировой катастрофой вулканического характера. Переход от сознания атлантов к сознанию ариев проявился великим “потопом” — вся Атлантида со всею ее пышной, но уже совершившей свою задачу и потому уже ненужной цивилизацией, погрузилась на дно океана; отобранная группа людей была переведена на другой материк (теперешняя Азия), и здесь возникли зачатки нового сознания и новой культуры, которая на наших глазах дошла до своего апогея и как выполнившая свои задачи должна быть заменена новым аспектом сознания и новой культурой.

Катастрофа, облегчающая и ускоряющая этот переход, выразилась не вулканическим извержением и не потопом, а мировой войной, истребляющей мужское население Европы и разрушающей на наших глазах плоды ее перезрелой и отживающей цивилизации¹. Кто из нас в юности не сожалел о том, что мы живем в такую плоскую

буржуазную эпоху, лишенную высоких подъемов и жутких опасностей, кто не мечтал о героических временах, когда боги сходили на землю, принося с собой молниеносные просветы в Вечное? И вот это безопасное, приспособленное к общему эгоизму и, казалось бы, на долгие времена налаженное наше житие, по велению великой неведомой Воли, вдруг обрывается, и мы оказываемся лицом к лицу с величайшей героической эпопеей, в которой все грандиозно, все жутко и сказочно, все говорит одновременно и о смерти и о возрождении. Кто хотя бы смутно сознает великий смысл переживаемого вселенского страдания, тот знает, что за темной ночью наступит торжествующий день.

Задача нашей умирающей манвантары состояла в развитии манаса, конкретного разума и личного начала. Одно и другое находятся в тесной связи: конкретный манас вращается в области конечного и временного, он служит интересам преходящих форм, и ему нет дела до вечных ценностей. На отживающей ступени сознания манас, не руководимый духовным началом, был очень страшным и очень сильным слугой низшей природы человека, потому что он безмерно усиливал ее значение, он направлял свое тонко отточенное орудие логики на то, чтобы оправдать все, что приятно для нее, все, что служит интересам обособленной личности, на то, чтобы обосновать кажущейся правотою ее эгоизм. Состоя на службе у низшей природы человека, манас ввел и узаконил такой строй, при котором стало невыносимо жить, который стал гнетом для большинства людей.

Сам по себе манас — великолепное орудие, и в план эволюции входило его развитие до совершенства; но это только орудие, и весь вопрос в том, кто и с какой целью пользуется им.

На отживающей ступени сознания оно было устремлено исключительно на внешние формы; вся европейская наука могла ответить только на вопрос о том, как совершается процесс мировой эволюции, но она не могла ответить на вопрос: почему мы живем и зачем эта жизнь? Ответ на эти вопросы может дать только внутренний человек, то его сознание, которое имеет дело не с внешними формами, а с заключенной в них жизнью, не с преходящими и изменчивыми явлениями, а с абсолютными и вечными.

Страшные уроки, которые даются нам мировой катастрофой, выдвигают на первый план антропологические проблемы самого человека, его внутренний мир, они требуют преобразования обессиленной, полной внутренних противоречий, бьющейся в темноте человеческой психики; человек только интеллектуальный, без духовных стремлений и без сознания своей божественности, стоит перед нами, обнаженный от всех прикрас, и не только человеческая совесть, но и сама текущая действительность произнесла над ним смертный приговор. Он должен умереть, чтобы из огня очистительного страдания воскреснуть с новым расширенным и просветленным сознанием. Точно так же должна умереть и наша односторонняя эгоистическая культура, чтобы дать место новой, более человеческой культуре. И это совершается на наших глазах.

Отличительный признак умирающей европейской общественности — ее “моральность, ее безнравственность. И это было неизбежно: критерии наших понятий создавались позитивной наукой, которая наблюдала над внешними явлениями, над эволюцией форм, а сам человек, его душа, его внутренний мир оставались в темноте, заброшенные и неведомые. Не зная корней и не улавливая целей жизни, позитивная наука наблюдала над изменчивостью и неустойчивостью нравственных понятий в процессе их эволюции, и из этого возникал неизбежный вывод, будто абсолютной истины и абсолютной нравственности нет, а если нет, то “все позволено”. Религия не приходила на помощь,

потому что ее догматы, необоснованные разумом, требовали слепой веры, а люди уже выросли из детского возраста. Им говорили о мудрости Творца, о милосердии Бога, а разум их видел жестокую борьбу за существование во всех царствах природы, и это явление не было соединено для них никакой приемлемой связью с понятием о Божественной любви. Зачем смерть? Зачем страдание? Если представить себе Бога на неизмеримой высоте, а страдающий мир — сиротливо покинутым на проявленном плане Его же мироздания, то неизбежно возникнет сомнение, а затем и угасание религиозного чувства. Аморальное сознание распространилось на всю Вселенную. Нет любви — следовательно, нет и Бога, нет и смысла существования.

Из бездуховной и безлюбивой психики возникла “мораль силы”, которая и завершила отживающую ступень сознания. Завершившая свою задачу манвантара переходит в период затемнения. Возникает новая манвантара.

Существует много признаков того, что эта новая ступень будет отмечена религиозным сознанием, для которого жизнь без Бога и без любви невозможна. Человек, осознавший Бога в себе, почувствует Его и во всем мироздании; а чувство имманентности Бога, Его распятие на кресте материи, Его присутствие в страдании каждого живого существа меняет всю психику человека. Центр внимания переносится с видимостей на самую суть жизни, которая, несмотря на всех хищников, побеждающих в борьбе за существование, не может погибнуть никогда.

Осознавая Бога во всем мироздании, мы уже не можем смотреть на мир как на беспощадную бойню, мы начинаем видеть в нем нечто совсем иное — скорее “жертвенный алтарь”, на котором преходящие формы возлагаются для того, чтобы все полнее, все совершеннее и все свободнее могла проявиться торжествующая бессмертная Жизнь.

В области человеческой нравственности религиозное сознание найдет незыблемую почву в трех основных положениях теософского гнозиса: в единстве человечества, в божественности человеческой души и в космическом плане эволюции.

Человечество — единый организм. Отдельные личности — его клетки, и группы этих клеток — расы, национальности, племена и классы — работают, в сущности, для одной общей цели, для всестороннего развития всего человеческого организма. Эгоизм, все равно, будет ли он личный, партийный, национальный или религиозный, который имеет в виду только себя, который ищет удовлетворения за чужой счет, есть результат неведения основного единства жизни; и как всякому неведению, и ему настанет конец, и тогда эгоизм перейдет в высшую форму энергии, которая будет служить не частицам, а целому.

Из глубинного осознанного единства жизни вытекает как неизбежное последствие моральное сознание ответственности каждого за всех и всех за каждого, необходимость сотрудничества, взаимопомощи и согласования своих отдельных интересов с интересами остальных людей.

Уверенность в божественности человеческой души является вторым условием человеческой нравственности. Без этой уверенности не может быть любви к человеку. Человек в процессе своей эволюции полон неведения и всевозможных несовершенств; пока он развивает свои многообразные способности путем опыта, борьбы и страдания, он бывает очень непривлекателен, он отталкивает от себя своими недостатками и своей временной уродливостью. За что же любить его?

И мы не любим его, пока оцениваем его только по видимым проявлениям. Любовь возникает лишь у того, кто в глубине своей собственной души почувствовал Бога; такой человек не только верит, но и знает, что грех, смерть и страдание касаются только его низшей, преходящей природы, а не его божественной сути, которая бессмертна, безгрешна и полна радости.

Узнав эту истину в себе, человек переносит ту же уверенность и на остальных людей и, несмотря на всю их видимую непривлекательность, начинает любить их за ту драгоценность, которая невидимо живет в каждом из них.

Наряду с единством жизни и божественностью человеческой души, теософия дает и еще один ключ к обоснованию нравственности. Она раскрывает космический план эволюции, она утверждает, что миры возникают и уничтожаются не механически, под импульсом слепой тяги к проявлению, бесцельно созидаясь и так же бессмысленно разрушаясь; она утверждает, что существует стройный план эволюции, начертанный Божественным Разумом, соединяющим все миры беспредельного космоса в одно великое целое, в котором все мы — стихийно или добровольно — принимаем участие, все мы являемся сотрудниками Логоса. Такое представление убивает унижительный страх перед неведомым, оно делает человека участником вселенской жизни и свободным творцом будущего.

Хотелось бы закончить свою новогоднюю беседу горячим пожеланием того, чтобы мир перешел как можно скорее из темной пралаи в светлую манвантару и чтобы из хаоса создающегося выделилась идея братства как тот основной кристалл, по линиям которого начнут строиться новые формы жизни.

1917 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Последнее письмо, не вошедшее в первое издание книги “О скрытом смысле жизни”, было написано четырнадцать лет назад, но оно могло быть написано и сегодня. Сделанное ее автором в 1917 году — до окончания европейской войны и в самом начале русской революции — сравнение переживаемой эпохи с космической пралайей, когда над отжившими формами жизни сгущаются сумерки, а на ином поле опыта занимается заря и возникает новая жизнь, стало еще более уместно в 1931 году.

Четырнадцать истекших лет показали, что мечта автора о том, чтобы сознание братства людей оказалось тем основным кристаллом, по линиям которого начнут строиться новые формы жизни, отодвинулась в неопределенную даль. Урока страшной международной войны, разорившей Европу и истребившей цвет ее населения, оказалось недостаточно. Этот жестокий опыт не научил людей, что при существующих условиях международная вражда и войны одинаково губительны как для победителей, так и для побежденных; не убедил, что при современных достижениях науки и низком уровне нравственности войны грозят истреблением самого человечества. Понадобился еще более осязательный наглядный урок, чтобы внедрить в сознание людей единство жизни, неразрывную связь и взаимную зависимость всех народов — членов единой человеческой семьи. Этот новый урок пронесся разрушительным вихрем по великой России, уничтожил до основания ее тысячелетнюю культуру, нарушил равновесие международных отношений и грозит перекинуться и на остальную Европу.

В истории нашего земного прошлого происходило немало народных бедствий и

катастроф, но то были явления местные. Условия нашего времени изменили самый лик земли, они так тесно связали наш мир в одно целое, что все, переживаемое одним народом, отражается и на всех остальных. Эти новые условия требуют разрушения стен, построенных национальным эгоизмом, который разъединяет народы и зарождает взаимную вражду; они требуют настоятельно взаимопомощи, не допускающей, чтобы гибель одного из народов оставляла остальных равнодушными зрителями, а тем более рассчитывающими поживиться за счет страданий гибнущего народа.

Разрушительный вихрь, пронесшийся над Россией, грозит всему миру и прежде всего Европе. Как же она реагирует на эту опасность? Ее внешнее бытие потрясено до основания, ее внутренняя жизнь полна смятения и тревожного ожидания неизбежной перемены. Но это все, что она проявляет до сих пор. Ее старые ошибки, ее старые лозунги, ее национальный и партийный эгоизм остаются прежними. Мало того, есть указания о том, что в европейской политической среде зреет безумие новой войны.

Если человеческая жизнь — не бессмысленная игра элементов, она должна иметь разумную цель, которая не может вести человечество назад, к одичанию и вырождению, а должна вести его вперед, к совершенствованию. Когда люди упорно противодействуют этой цели, возникают страдания, народные бедствия, катастрофы. Все это было и раньше. Но сейчас совершается нечто небывалое по масштабам и значению.

Пройденный цикл земного опыта завершился. На наших глазах возникает новый цикл. Если эгоистическое разъединяющее сознание будет вести мир и далее, оно приведет его на край гибели. Необходимо подняться на новую ступень сознания, которая поведет людей к единству и положит конец звериному закону “борьбы за существование”.

Продолжая сравнение наших дней с космической пралайей, спускающейся над отжившим миром перед рассветом новой манвантары, приходится признать, что наша земная жизнь подошла к предельной грани, за которой нас ожидает или гибель, или перерождение.

Следя за событиями последних лет, трудно отделаться от мысли, что на наших глазах происходит великий смотр народов, проверка их совести, совершается Верховный Суд над христианской цивилизацией. Две тысячи лет назад она была основана на любви к человеку и на союзе с Богом; чем же христиане проявили свою любовь, и что они сделали, чтобы быть достойными сотрудниками Бога?

Мы видим, что направляет судьбу христианских народов не любовь к человеку и не союз с Богом, а скорее союз с темными силами, действующими через низшие корыстные инстинкты людей; что определяет события не высокий идеал, данный Христом, а узаконенный эгоизм — национальный, классовый и партийный. Партийный эгоизм породил стадную совесть, которая тянет человека вниз, делает его безответственным перед судом своей собственной совести и воздействует на него, как гипноз. Под влиянием этого гипноза люди становятся рабами партийных лозунгов, заражаются партийными страстями, всегда эгоистическими и нетерпимыми, добивающимися не общего блага, а своих обособленных интересов.

На Верховном Суде христианских народов встанет и грозный вопрос о страшной судьбе России. И невольно напрашивается мысль: не избрана ли Россия для того, чтобы ее неслыханными страданиями испытать и проверить совесть народов? Не избрана ли она, великая и могущественная держава, занимавшая шестую часть земной суши, для того, чтобы нельзя было проглядеть ее страдания, чтобы нельзя было оправдаться

неведением?

Какой сокровенный смысл таится в этой Голгофе России? Вот вопрос, который неотступно горит в сознании.

Смысл этого возможно угадать в наступившей необходимости расчистить простор для нового творчества, смести все, что в изжитом европейском общественном строе мешало движению вперед, как когда-то были сметены одряхлевшие и грешившие против закона духа древние цивилизации. Разрушительный вихрь, уничтоживший русское государство и грозящий пронестись таким же ураганом по остальному миру, указывает на наступление новой эры, на переход авангарда культурных народов с “Пути Выступления” на “Путь Возврата”¹, с пути жадного эгоизма на путь братской взаимопомощи народов. Пока сознание “Пути Возврата” не восторжествует, мировой кризис не может разрешиться, он будет продолжаться и мир не найдет успокоения.

Роль разрушительного вихря, сметающего на наших глазах все формы европейского строя, этим разрушением и закончится. Создавшая его сила не способна к творчеству. Возникнет новая жизнь. Но строить ее будут не слепые и невежественные фанатики, а прозревшие люди, понявшие единство жизни и невозможность для человека и дальше идти, нарушая законы этого единства.

Править будут не партийные безответственные группы, а наиболее сведущие и наиболее мудрые люди, доказавшие своей самоотверженной жизнью принадлежащее им право стать во главе народа и управлять его судьбой.

Возможность такой коренной перемены подтверждается тем, что очередная ступень сознания — интуиция — уже пробудилась; и хотя этим высшим сознанием обладают пока немногие из “живущих” на земле, им будут помогать все, кто в предыдущих жизнях жертвовали собою, все прошедшие через опыт великого страдания, очистившиеся и закаленные в его огне. Они примут участие в обновлении мира, ибо жатвой великих душевных потрясений и стойко выдержанного страдания является расширение сознания, пробуждение сердца, ускоренное приближение к высшему человеческому типу.

Есть в оккультных учениях указание на то, что кроме периодической замены исполнивших свою задачу цивилизаций новыми, более жизнеспособными, более отвечающими условиям внутреннего роста человека; кроме перехода авангарда человечества с пережитой ступени сознания на высшую ступень; кроме этих мировых перемен, сопровождаемых каждый раз бурными явлениями не только в человеческом бытии, но и в жизни всей природы, наступает на нашей планете явление, которое вернее всего можно назвать конечным отбором, как бы просеиванием людей: способные для дальнейшего движения вперед, годные для осуществления совершенного человеческого типа отделяются от неспособных, задерживающих свободное движение Жизни. Это явление совершается лишь однажды на протяжении всего существования нашей планеты, приблизительно в середине ее эволюции, в критический момент перехода человечества из юного возраста в зрелый. Неспособные подняться на новую ступень сознания, закристаллизовавшиеся в своей ограниченности подлежат изъятию из дальнейшего существования на земле; их души (в состоянии бессознательности) будут ожидать своей очереди до тех пор, пока через неизмеримое время на новой планете наступят условия, подходящие для их уровня развития; тогда и для них пробьет час пробуждения, и они снова войдут в круг сознательного существования.

С точки зрения нашего ограниченного разума, это представляется как вечная гибель, но с точки зрения бессмертной жизни человеческой души, это лишь временный эпизод, вызванный волей самого человека, не захотевшего подчинить себя закону прогрессивного движения жизни.

Не настал ли и для нас верховный час такого отбора? Не присутствуем ли мы на “Страшном Суде”, о котором говорится в христианской религии?

Кто следит за совершающимися событиями, старается понять их внутренний смысл, тот должен чувствовать, что мир стоит на распутье: одна дорога ведет его к внутреннему перерождению, другая — к гибели. Никакие внешние меры, никакие революции не помогут, если не произойдет пробуждения в душах мыслителей и вождей, направляющих судьбы народов.

Если судить по внешним признакам, события наших дней могут привести в отчаяние. Главный источник переживаемой всеобщей смуты, нарушившей равновесие общеевропейской жизни, — разрушение русского государства — или робко замалчивается, или корыстно поддерживается политическими вождями европейских держав, которые вступили в открытый союз с мучителями обманутого русского народа и этим союзом удлиняют сроки его Голгофы.

Сгустившаяся тьма покрывает мир и мешает разглядеть, которую из двух дорог выберут будущие вожди европейских народов. Но мне не хотелось бы закончить последнюю страницу моей книги, не прибавив, что за приоткрытым краем этой жуткой завесы можно смутно различить первые лучи занимающегося рассвета, и это дает уверенность в том, что нас ждет не гибель, а обновление жизни.

На чем основана эта уверенность?

На том, что человек, каким мы его видим и знаем, проявил не все свои силы, что его сознание — не законченная величина, а творческий процесс, который медленно, но неуклонно переводит человека из малого круга его ограниченного обособленного существования в большой круг сверхличной мировой жизни.

А грозная волна страдания, которая пронесется сейчас над всеми странами и народами, заставит людей признать, что человечество едино и что интересы его народов и классов требуют не борьбы и вражды, а сотрудничества и взаимопомощи.

Страдание — великий учитель, его уроки тяжелы, но они умудряют людей, а раз его голос загремел с такой потрясающей силой на весь мир, он разбудит сознание людей и ускорит их переход на высшую ступень. Наше обыденное сознание, устремленное на поверхность, а не на суть явлений, вызывает в нас иллюзорное чувство нашей отделенности от других, оно возводит стену между людьми и питает их эгоизм; но оно — лишь часть всего нашего сознания, и не от него зависит наше будущее.

Наше будущее зависит от раскрытия в нас высшего, объединяющего сознания, которое тесно связано с нашей человечностью, с нашим сердцем.

Мы все, хотя бы на минуту, соприкасались с этим сознанием в те редкие минуты, когда забывали о себе и, раскрывая наше сердце навстречу окружающему миру, на опыте переживали наше единство с ним. Но этот внутренний опыт не приведен в связь с нашим “малым” разумом, построившим наши понятия, и потому он остается без влияния на нашу

этику и на наш жизненный строй.

Задача будущего — установить эту связь и перестроить наши понятия так, чтобы сознание мирового единства и взаимной ответственности стало нормой нашего мышления, а иллюзия отдельности — пережитым суеверием, признаком невежества и отсталости.

Тревога, охватившая в наши дни весь мир, есть указание на то, что мы уже переживаем начало этого внутреннего перехода от старого, привычного, к новому, еще неясному, перехода, который требует от нас и большого напряжения, и больших жертв.

А для моих русских читателей прибавлю, что за сгустившейся тьмой, покрывающей современный мир, на фоне слабо мерцающего рассвета возникает видение воскресшей России, ее светлое будущее и венец ее великих страданий — право первой вступить на Путь возрождения и помочь остальным народам создать общественный строй, при котором человек перестанет быть врагом человеку, а станет для него помощником и другом.

То тяжелое, что совершается на наших глазах, есть отражение прошлого, наших грехов, ошибок и падений; перестрадавшее человечество освободится от них, и его будущее — не могила, а воскресение в новую жизнь.

5 ноября 1931 г.

Таваньякко, Италия

1 Для нашей арийской расы “созидатели” берут верх в течение первых 35 лет жизни, затем наступает равновесие, а позднее начинают преобладать “разрушители”, которые приводят наше тело к постепенному разрушению тогда, когда весь необходимый для этого воплощения опыт уже собран и дальнейшее проживание на Земле было бы излишней тратой энергии.

[1] Письмо это было написано в январе 1908 года.

1 Слова эти употребляются в одной из лекций А. Безант, прочитанных ею в Лондоне.

1 После меня хоть потоп.

1 “Когда я слышу лифляндца, говорящего про нашего Дибича и про нашу Россию, мне кажется, что селедка называет своим соотечественником кита и своей родиной — океан”. (Цитату привожу по памяти).

1 Немецкий теософ-окультист.

1 “Совершенными” назывались посвященные в эзотерическом учении.

2 Среди теософских писателей многие работают над этим вопросом. Среди них Дж.Мид, д-р Штайнер, А. Безант, Кингсфорд и другие.

3 Мир, мысли, мир эмоции и земной мир действия.

1 Прошу читателя не смешивать понятия “индивидуальность” и “личность”: личность — это Иванов, Джонстон, Вебер, а индивидуальность — бессмертная душа, много раз воплощавшаяся в разных ликах на земле.

1 Учение о вибрациях мысли можно найти в журнале “Вестник Теософии” за 1912 год, где

печаталась работа А. Безант “Сила мысли”, в ее же книге “Теософия и новая психология” и в популярной брошюре “Сила мысли и мыслеобразы” Е.П.

1 Вельдес находится в двух часах езды по железной дороге от Любляны, по-немецки Лайбаха, главного города австрийской провинции Краина.

Это было написано до европейской войны, и в настоящее время ни Рикли, ни его лечебницы более не существует.

1 Астральный мир.

1 Свою судьбу.

1 Учение об основном единстве жизни.

1 Изучать Дхарму развивающейся души в связи с кармическими условиями того или другого сословия труднее всего именно у нас на Руси. Западная Европа имела свои ясно обозначенные и строго разграниченные сословия: ее феодалы и сервы проходили совершенно различные школы жизни, и психология у них была совершенно разная. Не то у нас: наши бояре и крестьяне отличались только внешним образом, и психология первых была почти однородной с психологией последних. Можно думать, что перед русским народом стояли не столько национально-психологические, сколько общемировые духовные задачи, которые выполнялись соборно, всем народом; отсюда глубокий внутренний демократизм России, небывалый в истории других народов. Но это вопрос слишком важный и сложный, чтобы касаться его мимоходом.

2 Я употребляю выражение религиозное сознание не в смысле принадлежности к той или другой религии, а в самом широком смысле. Деятельный альтруизм агностика, интуиция поэта, бескорыстный труд ученого, сверхличное искание истины – все это соединяет человека с Первоисточником духовной жизни мира и пробуждает в нем религиозное сознание.

1 В процессии участвовали два русских теософа, но ввиду правила, установленного конгрессом, по которому требовалось не менее пяти представителей для того, чтобы нести национальное знамя, русское знамя на конгрессе отсутствовало.

1 В Чикаго, где на бойнях ведется статистика, убивается ежедневно 2400 жертв. Это сведение относится к 1910 году.

1 По статистическому отчету за 1909 год министерства народного здоровья в Новой Зеландии, оказывается, что страна эта подверглась настоящему бедствию в виде повальных заболеваний раком. Объясняется это дешевизной баранины, которую новозеландцы едят три раза в день вместо хлеба, который им обходится дороже мяса.

1 Раджа-йога (царственная йога) есть психологический метод ускорения духовного развития, который сообщается ученикам восточных оккультных школ. Метод этот раскрывает сокрытые у людей нашего времени психические силы, действуя сверху, через пробуждение и развитие духовности, в противоположность другому методу – хатха-йоге, которая действует на человека путем физических процессов снизу вверх. Последняя практикуется на Востоке не иначе как под непосредственным наблюдением опытного наставника, потому что неправильное применение ее методов может привести к полному расстройству нервной системы и даже к сумасшествию. Вот почему мы предупреждаем европейцев, интересующихся оккультными способами развития психических сил, что

необходимо относиться с крайней осторожностью к появляющимся на книжном рынке книгам, которые рекомендуют различные приемы для ускорения психического развития. Почти все эти книги относятся к области хатха-йоги, которая требует индивидуального руководства, хотя многие из них и называются иначе.

1 Дхаммапада, 94.

1 Дхаммапада, 94.

1 В 1912 году А. Л. Погосская переселилась в Россию, перенесла все бедствия революции и скончалась в 1921 году. — Примечание ко второму изданию 1931 года.

1 У союза к 1910 году было не менее ста лавок, образцовая пекарня, несколько мастерских и 19 домов с 1139 благоустроенными квартирами. Во главе каждого кооперативного дома стояла “комиссия”, которая заведовала всеми общественными делами жильцов дома, устраивала лекции, вечеринки, детские праздники, организовывала совместную закупку цветов и других украшений. В своем дальнейшем развитии такая кооперация должна неизбежно сделаться и просветительской. – Все это относится к 1910 году, когда была написана эта статья.

1 Статья была написана в 1909 году, когда в больших городах России среди молодежи возникло стремление к самоубийству.

1 “Крейцера соната”, “Половая похоть” и др.

1 Изучение человека в связи с его внутренним миром.

2 Письмо написано в феврале 1917 года.

1 Приведу в пример московского профессора Виппера, который в своей статье под названием “С Востока свет” доказывает, что множество явлений нашей бытовой, общественной и религиозной жизни имеют свои образцы в культуре древнего Вавилона. Вместе с тем он утверждает, что изучение древнего Востока раскрывает совершенно неожиданную для европейца историческую перспективу, идущую в глубь веков и свидетельствующую о высоком процветании народов на заре человеческой истории.

1 Это относится к 1915 году, когда написана была эта статья, с тех пор прошло еще 16 лет.

1 Первая часть Фауста вышла в 1808 году.

1 В “Бхагавадгите” на поле Курукшетр сходятся две рати: потомки Куру, борющиеся за правое дело, и потомки Панду, отстаивающие неправду.

2 Это было написано в начале войны; оказалось, что этого страшного урока недостаточно: над европейской жизнью нависла еще более грозная туча, и “огрубление и вырождение”, о которых говорится в письме, проявляются все яснее.

1 Д-р Штайнер изображал графически “вихрь бытия” таким рисунком:

2 Лекция д-ра Штайнера, прочитанная им в 1905 году и напечатанная в сборнике “Вопросы теософии”, вышедшем в Петербурге в 1907 году.

1 Эти строки относятся к 1917 году

1 Западноевропейская цивилизация, видевшая задачу творчества в победе своих

партийных и классовых интересов, не осознавала этой истины, и мы знаем, к чему это привело.

1 И, следует прибавить, последовавшей русской революцией. — Примечание к изданию 1931 года.

1 См. Письмо V.